

ПЕРЕВАЛЫ К. ШМИДТ
А. ПАШКОВЯК

НЕФТЕПРОВОДЫ

ПИРАМИДЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

КОНРАД ШМИДТ, АЛЬФРЕД ПАШКОВЯК

***ПЕРЕВАЛЫ,
НЕФТЕПРОВОДЫ,
ПИРАМИДЫ***

Фото А. Пашковьяка

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1972

Konrad Schmidt, Alfred Paszkowiak

PÄSSE — PIPELINES — PYRAMIDEN

Leipzig 1967

Перевод с немецкого

Ответственный редактор и автор послесловия
Р. Г. ЛАНДА

Шмидт К., Пашковьяк А.

Ш73 Перевалы, нефтепроводы, пирамиды. Пер. с нем. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1970.

264 стр. с илл.

Марокко, Алжир, Тунис, Ливию и АРЕ проехали на автомобиле трое граждан ГДР. Их «Баркас» пересекал пустыни, взбирался на горные перевалы, переправлялся через реки... Каждый, кто любит путешествовать, с радостью примет участие в их поездке, прочитав живо и интересно написанную книгу, в которой авторы рассказывают о своих приключениях.

2-8-1

62-БЗ-32-71

91п

ОГЛЯДЫВАЯСЬ НАЗАД

— Эй, там у кнехта валяется луковица, брось-ка ее сюда!

Альфред заметил на набережной, под уже поднятым трапом, одинокую луковицу. Очевидно, она выпала из мешка, когда принимали провиант. Альфред поймал ее на лету и с добродушно-лукавой усмешкой засунул в карман:

— Откуда нам знать, есть ли вообще в Африке лук? Обычно лук вызывает слезы. На этот раз он вызвал смех.

— Отдать концы! Малый вперед!

Последние приветствия. Фигуры провожающих на набережной становятся все меньше. Когда-то теперь мы снова увидим своих близких! Втроем мы делаем круг по палубе. Каждый сам по себе.

Проплываем мимо кабельных кранов верфи «Варнов», мимо пассажирских причалов, где мы накануне запасались консервами и сухой колбасой. Вокзал, мачты лодок на старнице, «Зеехунд». У станции лоцманов плещутся на ветру флаги, на молу сидят рыбаки.

— И даже ни разу не спели «Надо было мне...»!

Мы снова стоим рядом на баке «Хиддензее» и смотрим назад, на постепенно исчезающий в дымке Варнемюнде.

Мы плывем...

Много месяцев мы мечтали об этой минуте, боялись ее, не раз пытались себе ее представить. Теперь нам не страшны телефонные звонки. И нет больше длинных списков с требовательной надписью: «Надо сделать!» Не нужно больше бегать доставать шурупы и планки для нашего «Баркаса», добывать краску, москитные сетки, дезинфицирующие таблетки, запасные части и все то

снаряжение, которое требуется для задуманного путешествия. Я не смогу больше рыться в архивах. Толстые папки с газетными вырезками остались дома. То, что не осело в голове, не занесено в записные книжки, не уложено в чрево «Баркаса», то...

Мы едем! Нам хочется кричать об этом во весь голос: великое приключение началось! Мечта стала явью!

В начале подготовки к путешествию мы представляли себе этот старт несколько иначе. Мы хотели совершить автомобильное путешествие по странам Востока и, мечтая о нем, не думали, что оно будет сопровождаться гудками пароходной сирены и плеском волн за кормой. Наш точно по километрам и часам рассчитанный маршрут проходил через Западную Германию, Францию и Испанию к Гибралтару. Отсюда мы хотели попасть в Марокко.

Париж, Коньяк, Герника, Мадрид, Гранада — города со звучными названиями. Мы охотно побывали бы там. Но, к сожалению, западноберлинское бюро путешествий, пользующееся дурной славой, перечеркнуло все наши планы. Оно отказалось выдать документы, которые по решению Совета НАТО должен иметь каждый гражданин ГДР при въезде в страну НАТО. А Франция еще член НАТО! Прогулка по Парижу буквально канула в воду. Пришлось оставить Францию слева, обогнуть ее по морю. Мы были вынуждены совершить морское путешествие.

Вновь возникли сомнения в связи с изменением сроков поездки. Опять заказы, обсуждения, запросы... Прошли недели, прежде чем мы узнали: 11 октября из Ростока в Западную Африку уходит «Хиддензее». На этом судне мы можем добраться до Касабланки!

И вот наконец мы едем!

Стоит ли сейчас вспоминать о хлопотах прошедших месяцев, о трудностях, часто казавшихся непреодолимыми, о восторге и отчаянии, постоянно сменявшихся в нашем настроении? Важно одно: что ожидает нас впереди?

Мы хотим пересечь более пятнадцати стран Северной Африки и Передней Азии по дорогам пустыни, по горным тропам, если придется, и по бездорожью. Оправдает ли себя наш дом на колесах — «Баркас Б-1000»? Получим ли мы необходимые визы? Пока у нас есть только разрешение на въезд в Марокко, Алжир и Тунис. Однако из-за изменения даты выезда к тому времени, когда мы достиг-

нем Касабланки, срок марокканской визы уже истечет. Разрешат ли нам проехать через королевство Ливию? Можно ли из Касабланки через Верхний Египет и коварную Нубийскую пустыню добраться до Судана? Сведения, которые мы собрали дома, были противоречивыми. Одни говорили: из-за строительства Асуанской плотины железнодорожное и пароходное сообщение сейчас прервано. Другие утверждали, что оно даже улучшилось. Мы слышали о дороге по берегу Красного моря, по которой можно кое-как добраться до порта Судан. Только на «джипе» или на обычной машине тоже? Вопрос за вопросом.

Найдем ли мы пароход, который за небольшую плату доставил бы нас из Африки в Азию? Разрешит ли нам правительство Иордании посетить Иерусалим — «священный город»? А запланированная нами встреча рождества в Вифлееме? Вряд ли теперь мы сумеем попасть туда вовремя. И последний, но немаловажный вопрос: как мы вернемся домой? Турция, как и Франция, член НАТО. Признает ли Турция наши паспорта действительными и даст ли визы? Или нам попытаться через горы Ирана проехать в Советский Союз?

Неизвестность и множество вопросов... Но мы не теряем бодрости, мы будем разрешать их в каждом отдельном случае. Кроме того, они придают нашему путешествию остроту приключения. Ведь мы живем не в век Колумба и Марко Поло, когда можно было открывать части света и стирать белые пятна с карты. Современные путешественники ищут впечатлений, которые бы сделали чужие народы более близкими нам и помогли бы их понять. В разных странах мы будем искать остатки живучего прошлого и вехи путей в лучшее будущее.

ТРОЕ И МАШИНА

Если вы хотите сопровождать нас в неизвестное и стать на восемь месяцев нашими спутниками в «Баркасе», то, пожалуй, уже пора представиться.

Справа, у поручней, человек с проседью, подстриженный бобриком, — Альфред. Он наш фотограф и кинооператор. Друзья зовут его Пач. Он не только с виду самый

солидный из нас тронх: необходимые для его работы вещи составляют по весу не менее двух третей всего имущества экспедиции: десять фотоаппаратов, различные объективы, две кинокамеры, магнитофон, почти тысяча рулонов пленки, все необходимое для проявления...

Наряду с игрой в скат хобби Альфреда, хотя он это и скрывает, — стряпня.

Он обещал нашим женам позаботиться о том, чтобы мы вернулись домой не вконец отощавшими. Такая перспектива его радует, ибо сам он большой любитель поесть.

— Говорят, в Марокко лангусты чуть ли не даром, там я вам приготовлю волшебное блюдо! — обещает он. — Шеф-повара лучших отелей умрут от зависти.

Как кулинары мы для Альфреда просто ничто, он не доверяет нам даже сварить яйца.

Дитер, несмотря на высокий лоб с залысинами, обрамленными светлой порослью, самый молодой из нашей группы. Он — автоинженер, работает директором комбината бытового обслуживания, где чинят телевизоры и радиоприемники, магнитофоны и автомашины, где моют окна, стирают белье, чинят водопровод и избавляют ото всех мелких бед, случающихся в современном быту. Поскольку нам много месяцев придется жить самостоятельным хозяйством вдалеке от всяких мастерских, то нам казалось целесообразным взять с собой «техническим директором» такого мастера на все руки. Кроме того, Дитер будет следить при киносъемке за качеством звука. Он очень добродушен, вывести его из себя нелегко. Только когда один из нас явно неумело обращается с «его» «Баркасом», он может, забыв о хорошем тоне, утратить спокойствие и раскипятиться. Из «инструментов» ему чаще всего придется прибегать к помощи губки и тряпки для полировки машины.

Наконец, слева, засунув руки в карманы, с неизменной сигаретой во рту стою я. Друзья зовут меня Конни. Восемь лет назад я уже совершил с двумя приятелями на пикапе «Вартбург» путешествие на Восток. Поэтому у нас я считаюсь экспертом по Востоку и буду отвечать за все неполадки. В пути мне поручено вести записи и заведовать кассой. До сих пор я считал удобным держать бумажные и металлические деньги в карманах пиджака и брюк, но теперь приобрел большой кошелек. Как значаю мне придется, плохо ли, хорошо ли, приучать себя

к строжайшей бережливости — качеству, к которому я до сих пор не имел ни малейшей склонности. Мы хотим экономно расходовать деньги, чтобы как можно дольше находиться в пути и побольше увидеть. Тут уж казначею придется задумываться над каждой маркой и каждым долларом, прежде чем выпустить их из рук, даже если его иногда и назовут жалким скрягой.

Это для начала. В ближайшие месяцы вы, несомненно, узнаете нас ближе.

Стоп! Мы забыли четвертого участника экспедиции. Он не мог стать рядом с нами у поручней и предаться воспоминаниям: оранжево-серебристый «Баркас Б-1000» был принайтован к палубе «Хиддензее». Мы немного гордились им: сколько недель трудились мы над тем, чтобы превратить эту серийную машину типа «пикап» в удобный и уютный дом на колесах!

На уровне заднего окна мы установили деревянную перегородку, а перед ней сделали полки для легкого багажа. Задняя дверца стала дверью платяного шкафа, где аккуратно висят на плечиках наши костюмы и рубашки, а в ящиках лежит белье. На обочине дороги или на стоянке мы за несколько минут сможем превратиться из грязных бродяг по пустыне в более или менее приличных джентльменов. В нижних ящиках шкафа еще осталось место для двух покрышек, камер, канистр, инструментов, мешков для воды, ведер, резиновой лодки и наиболее громоздких запасных частей. Внутри машины мы при помощи алюминиевых реек и фанерных щитов сделали восемь чуть ли не бездонных ящиков для пленки, книг, продуктов и кухонной посуды. Крышки ящиков мы обили пенопластом и обтянули красной и желтой дедероновой тканью. В «салоне» стоят угловой диван и стол, вокруг которого мы все можем удобно усесться. На ночь он откидывается, и все помещение превращается в спальню. Но главное — очень удобная складная газовая плитка на две конфорки и аппарат для изготовления льда. Инженеры комбината «Шарфенштейн» сконструировали и построили его специально для нас. За пятнадцать минут он с помощью автомобильной батареи выдает два небольших бруска льда! На знойных дорогах пустыни мы по достоинству оценим его преимущества.

— Что дальше? Сыграем в скат или пойдем спать?

Я пробудился от своих мыслей. Мы все еще стоим у поручней и смотрим в направлении Варнемюнде. Даже

верхушки маяка уже скрылись из виду. Только несколько чаек с криком кружат над кормой.

Дитер, «технический директор», ворчанием пресекает какие бы то ни было разговоры о заслуженном отдыхе. Он подходит к машине, открывает заднюю дверцу и молча вручает каждому коробку мази и тряпку. Морской воды машина не любит. Мы должны защитить ее толстым слоем мази, а щели дверей заклеить пластырем. С ожесточением начинаем смазывать машину. «Баркас» — это основное. В предстоящие месяцы на его долю достанется больше всех.

ОПАСНЫЕ БОЧКИ

В прекрасный солнечный день «Хиддензее» прошел Скаген, северную оконечность Ютландии. Мы устроились в плетеных креслах, на мостике, с подветренной стороны и чувствовали себя словно на морской прогулке.

Вечером капитан Христиансен пригласил нас в курительный салон на виски с содовой. Очевидно, он решил присмотреться к своим пассажирам. Капитану ведь положено знать, кто находится на борту. Завязался приятный разговор. Зигурд Христиансен — один из самых старых капитанов нашего молодого торгового флота. До войны он ходил матросом на судах, совершавших паломнические рейсы, а после 1945 года, когда у нас больше не оставалось судов, преподавал в Грейфсвальде физкультуру и историю. С 1956 года он четыре года посещал мореходное училище в Вустрове и получил удостоверение на право вождения судов. Уже несколько лет он водит «Хиддензее» — пароход водоизмещением семь тысяч тонн — в Западную Африку. Контакт установился быстро, да и в темах для разговора не было недостатка. Капитан, видимо, остался доволен своими пассажирами.

Вдруг — капитан Христиансен как раз поднял бокал: «Желаю вам...» — «Хиддензее» сильно накренился. Капитану не удалось закончить тост. Вместе с тяжелым кожаным креслом он проскользнул через раздвинутую дверь в офицерскую кают-компанию. Стук, треск, звон... Мне на колени упала бутылка с виски, я едва успел

подхватить ее левой рукой. Быстро вскочив, Альфред с трудом удержал наш магнитофон, который чуть было не упал со шкафа. Пивные бутылки вдребезги разбились на ковре, стол опустел. Хорошо еще, что рюмки мы держали в руках! «...приятного плавания!» Кресло с капитаном Христиансенем возвратилось обратно. Смеясь, мы поспешили чокнуться, пока капитан не исчез снова.

Объективы, перекатывавшиеся по полу вперемешку с бутылками из-под содовой, напомнили о том, что следует закрепить все снаряжение, сейчас самостоятельно передвигавшееся по каюте. Фотоаппараты мы засунули в ящики, магнитофон обложили подушками, штативы привязали к ножке постели. Не оборвалось ли что-нибудь там, в машине?

— Скорее! — В дверях стоял первый помощник, с него потоками стекала вода. — Ваша машина... — Он еле переводил дух.

Мы бросились на верхнюю палубу навстречу шквалу, гнавшему через борт гигантские волны. Протерев глаза от соленой воды, мы увидели, что нам угрожает. Внизу, по крышке люка, совсем рядом с нашей машиной, с треском перекатывались семь тяжелых бочек с нефтью. Они наталкивались друг на друга, меняли направление...

На какую-то долю секунды перед моими глазами возникла картина: бочка со всего маху сбоку врезается в нашу машину и превращает ее в гармошку. Остается лишь груда искореженного железного лома. Поп-арт!

Неужели нашей экспедиции суждено бесславно закончиться, прежде чем она успела начаться? Нет! Скорее стать перед машиной! Оградить ее от бочек! Но тут чья-то сильная рука опустилась мне на плечо. Тон капитана не допускал возражений.

— Вы останетесь здесь! Это дело палубной команды, и в первую очередь матросов из машинного отделения, которые так неумело закрепили бочки.

Эти пятнадцать минут стоили нам немало нервов. Не имея возможности что-нибудь сделать, мы смотрели, как под нами матросы, офицеры и механики, некоторые в одних пижамах, бросались навстречу бочкам, пытаясь их поймать. Вот-вот бочка налетит на «Баркас»! Несколько раз у нас замирало сердце.

Альфреду хотелось заснять борьбу с бочками, но он никак не мог найти точку опоры на палубе. В конце концов он, как обезьяна, уцепился ногами и левой рукой за шлюпбалку, а другой рукой шелкнул. Если снимок выйдет нечетким, то виной тому отнюдь не виски.

Наконец, седьмая бочка была укрощена и крепко привязана к перилам. Мы вздохнули с облегчением. Теперь мы заметили, что за бортом весело прыгает вверх и вниз неправдоподобно оранжевый месяц.

ВПЕРЕДИ ГАМБУРГ

Утром Северное море гораздо приветливее, оно тихое, как Мюггелзее теплыми летними вечерами. В полдень на горизонте появился Гельголанд, напоминавший пестрый праздничный торт: белый пляж с красной полосой камней, зеленая земля... После войны остров служил английским воздушным силам полигоном для бомбежек, был Бикини Северного моря, но мужественные гамбургцы на парусниках и лодках несколько раз подплывали к запретному острову и заставили английский генералитет временно прекратить бомбардировки, а в 1952 году окончательно оставить Гельголанд. Сейчас остров снова стал популярным курортом и местом для прогулок. Но кто помнит имена тех смельчаков-гамбургцев?

С брандвахты «Эльба-1» к нам на борт поднялся лоцман. Нейверк, Брунсбюттельког... Когда прошли Вильком-Хёфт в Шулау, начало смеркаться. Показались огни Бланкенезе. Я поднялся на верхнюю площадку, радуясь свиданию с ганзейским городом. Альтона. Пестрый отблеск реклам Реепербана. Цементная статуя Бисмарка (самый большой из всех Бисмарков!) освещена прожекторами. Сзади нагло пялится в небо дом прессы — резиденция газетного короля Акселя Шпрингера.

Всего в нескольких шагах отсюда, на углу, есть старый дом, который я никогда не забуду: Блейхенбрюке, 10. В окнах первого этажа с утра и далеко за полночь всегда горел яркий свет. Там помещалась редакция «Гамбургер Фольксцейтунг». Раньше, во время моих путешествий, о которых я писал репортажи, она была моим гамбургским домом.

Что бы я рассказал вам, дорогие товарищи из «Гам-

бургер Фольксцейтунг», если бы завтра утром мы могли где-нибудь встретиться? Сначала я рассказал бы, как возмущен кратким газетным сообщением, которое прочел в черную пятницу июня 1956 года: «Здание и имущество органа КПГ «Гамбургер Фольксцейтунг» конфискованы полицией». Я представил себе тогда, как пинком ноги открывали стеклянные двери в ваши комнаты, как грубые руки перерывали бумаги на ваших столах, на которых так трудно было соблюдать порядок. Я видел, как вы стояли рядом, с трудом сдерживая себя, со сжатыми кулаками в карманах. Я был с вами, когда в сопровождении полицейских вы вынуждены были покинуть редакцию, где много лет подряд работали больше двенадцати часов в сутки.

В этот день мне казалось, что я утратил часть родины. Мы каждый раз с облегчением вздыхали, когда после рейдов по Гамбургу снова оказывались в одной из ваших комнат и могли поговорить о своих впечатлениях. Со временем мы даже полюбили все, что было связано с вашей редакцией. Читая сообщение о конфискации имущества, я почему-то сразу же вспомнил о маленькой старомодной кофеварке в темной кухне. Надо было опустить двадцать пфеннигов за чашку кофе (иногда во всей редакции ни у кого не находилось мелочи), затем с силой повернуть ручку и подставить взятые на прокат чашки. Неужели и их конфисковали «в пользу правительства»?

- Вы всегда приветливо беседовали с нами, давали советы, объясняли непонятное, не прекращая при этом читать корректуру. Нам было стыдно, мы видели, что каждый из вас работает за троих. Это не мешало вам делать превосходную газету, которой могли бы позавидовать многие наши органы печати. Она была смела, нападала на противников и разоблачала их, но не боялась критиковать и свои ошибки, была понятна гамбургским рабочим. Ее любили и много читали, об этом говорит сбор денег на новую наборную машину. Двадцать одну тысячу двадцать две марки пятьдесят пфеннигов собрали гамбургские рабочие по грошам, чтобы их газета стала лучше и выходила быстрее! Деньги давали люди вроде старой разносчицы, которую мы встретили однажды утром у редакции. Эта шестидесятипятилетняя женщина жила с мужем-инвалидом на жалкую пенсию. Ежедневно приезжала она на велосипеде в редакцию;

затрачивая час на дорогу, и возвращалась с пачкой газет, а потом обходила сотни лестниц, чтобы разнести «свою» газету. И все это безвозмездно! Жадно расспрашивала она нас о жизни в ГДР. Для нее мы были люди из страны, где мечта ее жизни, коммунизм, постепенно становился действительностью. Она относилась к нам с беспредельным уважением, а мы от этого испытывали чувство неловкости. Ведь самоотверженная борьба гамбургских товарищей и их работа заслуживали куда большего уважения: под надзором неусыпной аденауэровской полиции они выпускали хорошую коммунистическую газету.

Почти у каждого из вас был в кармане приговор суда: «За оскорбление канцлера», «За высказывания, противоречащие конституции» и т. п. Мы узнавали об этом совершенно случайно, когда вы с необычайной небрежностью обсуждали, когда и кому отправиться в тюрьму так, чтобы редакция могла продолжать работу. А каким чувством юмора надо было обладать, чтобы, не обращая внимания на все издевательства власть имущих, говорить: «Если нагрянет полиция, мы спрячемся в архиве. Там еще никогда ничего не удавалось найти!» Но в тот черный день это вас не спасло.

Вот что я бы вам рассказал! Может быть, я вспомнил слишком много мелочей, но именно они укрепляли уверенность в непобедимости нашего общего дела. Эта уверенность давала вам силы со смехом говорить, показывая на строительную площадку напротив ваших окон, — там строилась теперешняя резиденция Акселя Шпрингера: «Смотри, там будет новое здание для нашей редакции!» Я уверен, что когда-нибудь вы будете выпускать большую газету для гамбургских рабочих в высоких светлых комнатах, где не нужно будет целый день работать при электрическом свете, а в уютном буфете будет урчать современная кофеварка.

Но, дорогие друзья, «Хиддензее» простоят в порту только одну ночь. За эти немногие часы едва ли удастся увидеть Гамбург Эрнста Тельмана. Самое большее, что мы успеем, — это сделать несколько моментальных снимков обратной стороны жизни портового города.

НОЧЬ В САНКТ-ПАУЛИ

Что делает моряк, когда его судно приходит в воскресенье вечером в Гамбург? Если он свободен от вахты, он быстро надевает свой лучший костюм, засовывает в карман энную сумму денег и первым же паромом отправляется к причалам.

А что делает пассажир, едущий на этом судне? Он следует примеру моряка, хотя знает, что его ждет на Реепербане и Гроссе Фрейхейт. Какой турист, будучи в Париже, не посетит хоть раз площадь Пигаль! Мода всеильна!

При входе в порт мы слишком замечались и не успели на паром, на который сели моряки с «Хиддензее». Мы их встретим где-нибудь в Санкт-Паули. На пути туда надо миновать Гербертштрассе. Проход в этот мрачный переулок третьеразрядных проституток все еще забит досками, но на них вместо таблички «Off limits»¹ мелом написано по-немецки: «Молодежи вход запрещен!» В витринах в свете то вспыхивающих, то гаснущих ламп, разжигающих любопытство, предлагается плоть, более или менее прикрытая, на все цены. Может ли быть более наглядное доказательство того, что в условиях существующего здесь строя человек не что иное, как товар?

У выхода из гетто проституции какой-то находчивый делец установил автомат, около которого можно одеколоном помыть руки. Надпись говорит о юморе владельца: «Сейчас это нужнее, чем когда-либо».

Деревянное здание паноптикума на Реепербане с плюшевыми занавесками еще несколько лет назад сохраняло какое-то очарование, присущее ярмаркам нашего детства с их комнатой ужасов, каруселями, тиром, запахом нафталина. Сейчас оно модернизировано, стерилизовано и похоже на банковское здание из стекла, бстона и штукатурки. На этом фоне безвкусные восковые фигуры выглядят еще парадоксальнее. В их расстановке ничего не изменилось. Часто приходится догадываться, кого изображает та или иная фигура. Новых очень мало: Эрхард, курящий сигару, Фредди Кинн, Вилли Брандт, Софи Лорен с Карло Понти. Нам жаль пятнадцати пфеннигов, заплаченных за вход.

¹ Вход воспрещен (англ.).

В пути

Гроссе Фрейхейт ослепляет изобилием света на малом пространстве. Сверкающий пестрый вихрь огней. Каждый предприниматель хочет уничтожить конкурента яркостью и размерами рекламы.

Такое же соревнование идет и между пестро одетыми портье. Их задача — ловить посетителей. Стоит чуть дольше задержаться у витрины, портье тут же шепчет,

понимающе подмигивая: «Сегодня даже без фигового листка!» Их предложения и обещания обычно еще более откровенны и не поддаются передаче. Цены на пиво также определены: от трех до девяти марок бутылка!

Мы решили не оставлять денег у этих жуликов, а просто пройти и посмотреть. Почти все кабачки, в которые мы заглядываем, пусты. И это в воскресный вечер! У стойки бара, потягивая пиво, с усталым видом сидят таксигерлс и исполнительницы стриптиза. Увидев нас в дверях, одна из них сейчас же выходит на танцевальную площадку и начинает раздеваться. Как только мы поворачиваемся к двери, она тут же прекращает представление и снова подсаживается к стойке.

Подвальчик апашей зазывает посетителей вывеской: «Нагие кельнерши и любительский стриптиз». Две негритянки в нейлоновых рубашечках, фосфоресцирующих в тусклых лучах красных ламп, раскладывают пасьянс. Третья танцующей походкой подходит к нам, приглашая сесть. Показывая на единственного посетителя, худого шведа, она говорит: «Посмотрите, это Джонни, наш верный друг. Каждые два месяца он оставляет у нас все свои монеты!»

Швед — первый моряк, увиденный нами на Реелербане. Немногочисленные посетители в других кабачках — это дельцы, туристы, коммивояжеры... и члены Ольденбургского кегельного клуба. Но где же моряки с «Хидензее»?

Вопреки нашим твердым намерениям остаться трезвыми, прогулка мимо баров вызывает жажду. «Пиво за три марки мы уж можем себе позволить!» Кто произнес это первым? Выбор пал на «Бикини». Пыльные плюшевые портьеры... После двух номеров со стриптизом на эстраде стали показывать порнографические фильмы. Они так примитивны, что даже не вызывают смеха. Едва на стол поставили стаканы — из осторожности мы тут же расплатились, — как у стола появились четыре таксигерлс. Несмотря на наши протесты, они уселись между нами, и тут, как в настоящем мультфильме, диван сломался. Мы поднялись и решительно направились к выходу. Хозяин мог предъявить счет за диван. Этот трюк, наверняка, уже не раз себя оправдывал.

В боковой улочке мы заметили с виду бюргерски добропорядочный ресторан и решили съесть по тарелке супа. Тут мы оказались на задворках улицы Гроссе

Фрейхейт: деревянные столы, грязь, запах прокишшего пива и отбросов... На голых скамьях спят жалкие, измощенные проститутки. Беременная проститутка, еле вочая языком, просит водки. Настоящее дно!

Выбравшись оттуда, с удовольствием вдохнули свежий воздух, но как избавиться от противного привкуса во рту? Вблизи причала, на углу, есть еще простой кабачок. По стаканчику горькой? У стойки ребята с нашего судна спорят с западногерманскими коллегами.

— Мы зарабатываем больше! — твердят те.

— Зато у нас каждый в любое время может стать офицером. Бесплатно! — возражают наши.

Мы спросили наших моряков, где они провели вечер. Они с удивлением посмотрели на нас:

— Реепербан? Нет... Один раз в жизни и больше никогда! Мы были в кино.

Как это поется? «Реепербан — якорная стоянка матросов!» Песни лгут. Сегодня Санкт-Паули просто жульнический комбинат и в первую очередь комплекс увеселительных заведений для обывателей.

ЗАПРЕТ С ОГОВОРКОЙ

У брандвахты «Тексель» мы встретили «Унструт». Обмен приветственными гудками. Включилось и радио:

— Алло, «Унструт»! Алло, «Унструт»! Говорит «Хиддензее»!

— «Унструт» слушает. Добрый вечер, «Хиддензее». Кто у вас капитан?

— Капитан — Христиансен, первым — Бурмейстер, вторым — Шульц.

Расспрашивают о знакомых, интересуются кто куда, откуда, передают приветы друзьям. И наконец, когда «Унструт» уже остался далеко за кормой:

— Привет Росток!

— Доброго пути, «Хиддензее»!

Мы проснулись утром, когда «Хиддензее» бросил якорь на Шельде у Антверпена. Десять больших кораблей «стоят в очереди»: шлюзовая камера вмещает одновременно не больше четырех десятитысячников. В пол-

день очередь дошла до нас. Мы с мачты наблюдаем за маневром. Шлюзовому мастеру нельзя отказать в политическом чутье: «Эренфельс» и «Изарштейн» из ФРГ он отводит на правую сторону, а «Геру» и «Хиддензее» нашего пароходства ставит на левую. Немцы в одном шлюзе! Пока вода медленно прибывает, матрос на «Эренфельсе» взял рупор:

— Вы в плавание или домой?

— В Западную Африку!

— О'кей, до вечера.

Глубокий смысл этого общегерманского диалога вот в чем: у возвращающихся запасы пива иссякли, а вот тех, кто идет в плавание, стоит навестить и поболтать за бутылкой ростокского Хафенброя. Западногерманские моряки очень любят этот сорт пива, к удовольствию наших матросов: «Эти лорды из ФРГ не привыкли к такому напитку. Пять бутылок — и они лежат в лежку!»

Антверпенский порт самый большой и современный в мире. Он занимает более десяти тысяч гектаров, набережные протянулись на семьдесят два километра. Четыреста пятьдесят причалов, шестнадцать сухих доков. А рядом со старым портом строится новый, благодаря которому длина набережных увеличится на шестьдесят процентов.

У судов ГДР есть в Антверпене постоянная стоянка у набережной Гессе-Нати, недалеко от шлюза. Не успел «Хиддензее» стать рядом с судами «Гера», «Варнов» и «Эльстер», как капитан Христиансен крикнул с мостика, чтобы мы сейчас же явились в его каюту. По лицу капитана было видно, что нас не ждет ничего хорошего.

Таможенники и полицейские проверяли судовые документы. Один из офицеров встал и вынул из ящика наши паспорта, явно стараясь всем своим видом выразить сочувствие:

— У вас нет мореходных книжек, а в паспортах не проставлена бельгийская виза. Вы не можете сойти с корабля, а паспорта ваши останутся под замком у капитана!

Офицер положил наши паспорта обратно в ящик, выпрямился — и вдруг выражение официального соблезнования исчезло с его лица. Уленшпигель в форме подал нам руку и с легкой усмешкой произнес:

— В Антверпене ни у судна, ни у ворот порта нет часовых.

Мы поняли. С напускной грустью мы попрощались — и побежали переодеваться, чтобы идти в город.

ДОК ПАНЧО

Петер Пауль Рубенс воспел в своих великолепных полотнах красоту человеческого тела. Его творения — извечное культурное достояние всего человечества.

Док Панчо — художник, украшающий своими рисунками тело человека. Его творения живут не больше, чем длится человеческая жизнь.

Петер Пауль Рубенс жил и творил в начале семнадцатого века в Антверпене. Его дом на Рубенсстраат, и с нашей точки зрения очень комфортабельный, хорошо сохранился. За пять франков его можно осмотреть: мастерские художника, учеников и помощников, кухню с красивой старинной утварью, спальню с резной деревянной кроватью под балдахинном... Продавленный стул в столовой хранится в стеклянном ящике.

Док Панчо живет и работает в наше время в портовом городе Фландрии. Его мастерская — маленькая лавчушка на Шипперстраат, пользующейся той же репутацией, что и Реепербан. В противоположность Рубенсу Док Панчо нуждается в рекламе. На двери висит вывеска на английском языке.

«Моя работа — лучшая рекомендация. Док Панчо. Профессионал-татуировщик. Живые краски».

Чтобы развеять сомнения у колеблющихся и помочь им принять решение, толстой чертой подчеркнуты слова:

«Старая или плохая татуировка исправляется или заменяется новой».

Треск и искры электрической татуировочной машины влекут нас в ателье. На стуле сидит молодой моряк-норвежец. На его предплечье выжигают «шедевр». Мастер так поглощен работой, что едва отвечает на наше приветствие. Время от времени он марлей стирает кровь со своего незаконченного творения. Второй норвежец уже разукрашен. Он с гордостью обнажает руку и демонстрирует нам сине-красно-зеленый орнамент с якорями и надписью «Верная любовь». Я спрашиваю, почему он

не решился написать какое-либо имя. Парень смотрит на меня большими круглыми глазами: «Но... «верная любовь» подходит ко всем случаям». Исключительная для его возраста дальновидность!

Я спрашиваю, сколько ему лет, и показываю на объявление.

«Ты знаешь, сколько тебе лет? Я этого не знаю. Если ты скроешь свой возраст, чтобы сделать татуировку, тебя могут посадить в тюрьму! Тебе должно быть не меньше восемнадцати». Норвежец, которому я бы не дал больше шестнадцати, смеется: «Точно, восемнадцать!»

Мастер Док Панчо — высокий толстый чужак с взломаченной артистической шевелюрой — манерой держаться и скверным английским языком походит на Швейка. Двадцать лет он ходил на кораблях, рассказывает он нам. В Гонконге случайно научился искусству татуировки, потом работал в Сингапуре и Рио. Его мечта — до конца жизни остаться в Антверпене и «жить только искусством»!

Что он думает о международной обстановке, видно по изречению, которое висит в красивой рамке на видном месте, над его рабочим столом: «В случае атомной бомбардировки: 1. Сохраняй спокойствие! 2. Плати по счету! 3. Отправляйся в ад!»

На стенах красуются сотни образцов татуировки на выбор: гирлянды, голые женщины всех габаритов во всевозможных позах, пейзажи, корабли, ветряные мельницы. На одном образце типичный мейссенский узор луковицами. Может быть, кто-нибудь выжжет его на коже под стать воскресному сервизу?

В витрине фотографии лучших работ Дока Панчо: женские тела, с ног до головы покрытые мелким сетчатым орнаментом, будто одетые в кружевное трико (а если той, которая наденет это плотно прилегающее трико, захочется его снять?). В большом декольте, на выпуклости каждой груди извиваются страшные драконы (а если это украшение выйдет из моды?). Мужские ягодицы с нежным рисунком из сердец, на волосатой груди — парусники, подгоняемые ветром... Всего не описать! А под широко демонстрируемыми телами клиентов надпись: «Моя работа столь таинственна, что я сам не знаю, что творю». Как бы вы отнеслись к браслету из сине-зеленых ангельских головок? С гарантией на всю жизнь!

МОЛЛЮСКИ И ЖАРЕННЫЙ КАРТОФЕЛЬ

Было бы наивно думать, что за полтора дня можно познакомиться с таким городом, как Антверпен, со всеми его светлыми и темными сторонами. Можно одно: попытаться почувствовать особую атмосферу, свойственную каждому городу.

В лабиринте узких переулков между Шипперстраат и набережной Шельды высокие домики почти все не шире трех метров, с красивыми фасадами в стиле Ренессанс. На маленьких окошках — яркие ящики для цветов. Островерхие крыши с мансардами. Среди них неожиданно тянется к небу готический собор. На треугольной площади перед ним дети играют в волейбол, а старики кормят голубей.

Почти в каждом старом домике бар или кафе. А на каждом втором светится надпись «Стелла Артуа» или «Кристалл Алькен». «Столько баров с одним названием?» — спрашиваем мы. Или это названия гастрономических концернов? Может, бельгийского Ашингера зовут мосье Артуа? Выясняется, что «Стелла Артуа» и «Кристалл Алькен» — излюбленные марки бельгийского пива!

Для этого района старого Антверпена типичны маленькие бары с одной-двумя дамами. Когда в миниатюрных заведениях гости, окна зашториваются. Если посетителей нет, дамы сидят в удобных креслах у окна, вяжут, играют с кошкой или смотрят телевизор. Они не заывают прохожих жестами, не делают двусмысленных замечаний, как это принято в большинстве портовых городов. Кто хочет, может зайти, выпить пару бутылок пива, поболтать или излить свою душу. Затем он может попрощаться или же остаться на ночь. В задней части заведения чаще всего есть настоящий бар, а иногда только столик с креслами и замаскированная кушетка. На окне неизменная клетка с птицей. Проституция в Антверпене домашняя, уютная. В каждом таком заведении, как положено, висит объявление: «Лицам до восемнадцати лет вход запрещен!» Вывеска в воротах между двумя барами на Шипперстраат гласит: «Сдаются меблированные комнаты».

Более близкое знакомство с фламандским языком доставило нам много удовольствия. Begravenissen —

похоронное бюро. Belegde broodjes — сэндвичи. Надпись, которую мы увидели в витрине игрушечного магазина рядом с воздушным пистолетом, расширила у коллектива нашей экспедиции запас слов: «Automatisch luchtpistool met samengeperste lucht! Zeer krachtig!»²

В ближайшие месяцы мы будем выражать одобрение только двумя словами: «Zeer krachtig!»

Элегантные улицы Антверпена между собором св. Павла и главным вокзалом сохранили очарование старого старого торгового города. Конечно, там есть неоновая реклама и кое-где попадаются фасады из бетона и стекла, но современные дополнения не звучат диссонансом, как во многих западных столицах. Новое не пытается заглушить все соседствующее с ним, оно скромно держится в стороне и вписывается в существующий ансамбль.

Общий вид Антверпена в большой степени определяется разнообразнейшими ресторанами. Я не знаю статистических данных, но думаю, что по соотношению количества ресторанов и численности населения Антверпен занимает одно из первых мест в мире. И ни один из многочисленных ресторанов не похож на другой. У каждого свой стиль, но все они удобны и уютны. Посетитель сразу чувствует: тут мне все будет по вкусу.

Мы заглядываем в некоторые рестораны — этого достаточно, чтобы создалось впечатление, что в Антверпене едят только «moules» и «frites».

Приготовленные разными способами моллюски и жареный картофель — фирменное блюдо города на Шельде. Картофель жарят в передвижных кухнях на глазах покупателей и продают на перекрестках. За ним становятся в очередь, как в Берлине за сосисками. Обычная картина в Антверпене: элегантный делец, с портфелем или биржевой газетой под мышкой, не спеша идет в густой толпе пешеходов и грызет горячий жареный картофель, доставая его пластмассовыми палочками из пропаленного пакетика.

Если бы мне нужно было передать атмосферу Антверпена одним словом, я бы сказал: уютный.

Даже в учреждениях здесь люди добродушнее, чем где бы то ни было, и обладают чувством юмора. Не по-

² «Автоматический воздушный пистолет. Очень дальнобойный!»

следним доказательством этого был офицер полиции в порту. Даже в объявлениях проявляется это столь редкое для официальных учреждений свойство.

Например, в музей судоходства на набережной Шельды можно заглянуть с улицы. На окнах не видно строгих запретительных надписей, лишь небольшие таблички мило советуют: «Отсюда очень плохо видно! Лучше войди внутрь!»

Достойный зависти Антверпен!

Поздно вечером «Хиддензее» выходит из порта. Мы снова стоим на верхней палубе и смотрим на далекие огни старого Антверпена. Так мы распрощались с Европой.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, МОСЬЕ!

Мы проспали Африку!

Когда стюард разбудил нас к завтраку, мы тут же ощутили странное беспокойство. Чего-то не хватало. Ах да! Было совершенно тихо, машины не работали. «Хиддензее» стоял на якоре. Через иллюминаторы на фоне неба виднелись очертания Касабланки: высотные дома, цистерны, склады, у причала большой пассажирский лайнер.

После Антверпена нас пять с половиной дней убаюкивал стук машин, под их музыку мы ели, работали, играли в карты. Пять спокойных дней отдыха.

Бискайский залив нас разочаровал. Правда, «Хиддензее» здорово качало на атлантической волне, но напрасно мы ждали знаменитых осенних штормов. Нам так и не пришлось доказать свои моряцкие качества. Но моряки «Хиддензее» и без того больше не считали нас пассажирами. Мы уже были свои, учились читать морские карты, отмечали курс, определяли местонахождение судна, помогали при уборке, чинили линию связи, очищали радарную установку от тараканов, участвовали в собраниях и праздниках, в заботах и радостях матросов. Со дня старта в Ростоке прошло две недели. Быстро пролетели эти дни!

После завтрака мы поднялись на мостик. Лоцман уже был на борту, ожидали только буксира, который отведет «Хиддензее» к пирсу. Капитан Христиансен посмеивался: «Конец вашему безделью».

Я взглянул в сторону Касабланки. Марокко! В ближайшие недели мы изъездим его вдоль и поперек. Что я знаю об этой стране, которую арабы называют Магриб аль-Акса, то есть Крайний Запад?

Мне в общих чертах знакома история этой страны,

этапы ее борьбы за независимость. Я могу перечислить марокканские партии, профсоюзы, могу назвать четыре города «махзен», из которых султан управляет государством: Рабат, Фес, Мекнес и Марракеш. У меня записано, какие архитектурные памятники надо обязательно посмотреть — мечеть Кутубию, башню Хасана, Баб Мансур. Я знаю об искусственно разжигаемой и ловко используемой колонизаторами розни между арабами и берберами. Из статистики я выяснил, что в Марокко двенадцать миллионов жителей, что важнейший продукт экспорта — фосфаты, а ежегодный урожай цитрусовых составляет примерно пятьсот тысяч тонн.

Это и многое другое записано в моем блокноте. Но достаточно ли этого, чтобы понять проблемы Марокко и узнать страну по-настоящему? Я начал сомневаться. Ведь и человека нельзя понять только по его кардиограмме и рентгеновскому снимку!

Тем временем «Хиддензее» пришвартовался. Толпа пестро одетых торговцев бросилась на палубу. «Чинджереры» — так называют их матросы (от английского «change» — «менять, обменивать») — разостлали ковры, разложили кожаные сумки, платки. «Немецкие часы за эту сумку?» — «Давай за нее рубашку! Настоящая кожа!» Завязался обмен, все торговались, шепотом предлагали: «Американские сигареты, очень дешево!» Сомнений не оставалось: мы были на Востоке!

Грузчики хотели тут же завладеть нашей машиной, но мы запротестовали на восточный манер: «Швейшвей! Тихо, осторожнее!» Сначала следует привести наше сокровище в подобающий для суши вид, снять защитную смазку и отполировать до зеркального блеска. Кроме того, надо вынести вещи из каюты и опять распределить их по ящикам и отделениям.

— А пока я в умывальнике быстро проявлю последние пленки, — кричит Альфред и бежит на корму. — Такая идеальная лаборатория будет у меня теперь не скоро.

Через несколько часов мы были готовы к высадке.

Мы окружили «Баркас» и следили, чтобы погрузочные сетки не поцарапали лак. Но грузчики работали сдельно, и, прежде чем мы успели опомниться, машина поплыла над нашими головами. Чем это кончится? Вдруг раздался отчаянный крик: «Стоп!» Крановщик быстро переключил рычаг и испуганно выглянул в око-

шечко. Я оцепенел от страха, но тут же понял, в чем дело: кричал Альфред. Исторический момент следовало запечатлеть для потомства на цветную и черно-белую пленку, а также для кино! Ведь мы же путешествуем, чтобы потом написать репортаж.

Еще несколько секунд — и колеса «Баркаса» коснулись африканской земли!

Уселись. Обменялись последними приветствиями с «Хиддензее». Почти вся команда стояла у поручней. До свидания в Ростоке!

Нас сопровождал мосье З., марокканский маклер Немецкого морского пароходства. После входа в порт мы показали ему наш дом на колесах. Он пришел в ужас: «Бог мой, господа, никаких чемоданов и столько фотоаппаратов и приборов! Да сумею ли я протащить вас через таможню? Контроль может затянуться на несколько часов».

Но он продолжался едва две минуты. Чиновник, стоявший за барьером, прочитал наши имена, сверился с какой-то запиской и дружелюбно улыбнулся:

— Добро пожаловать в Марокко, господа! Рекомендация мосье Б. Он рад познакомиться с вами!

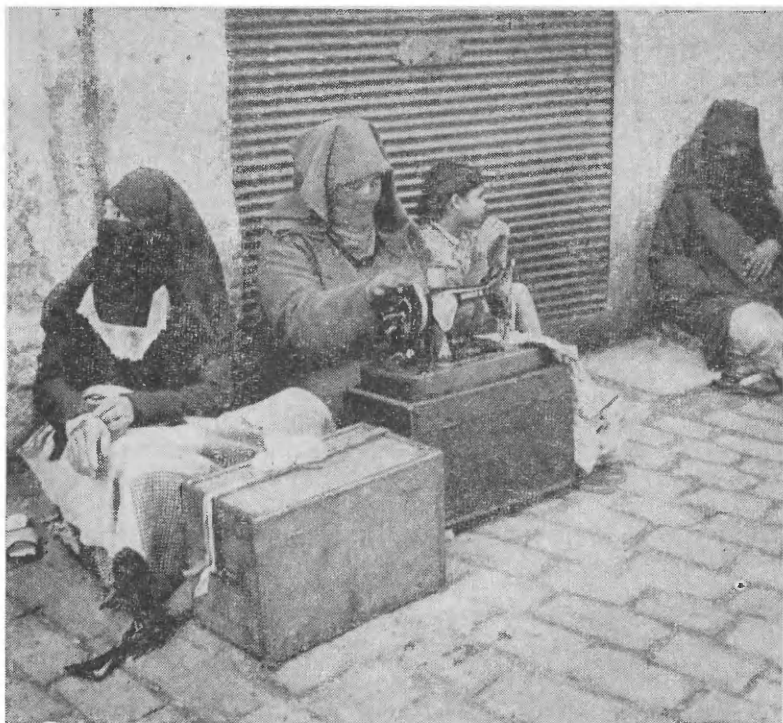
В наши паспорта поставили печати. На задней двери машины мелом написали букву «М», и мы были свободны! Мосье З. от изумления не мог вымолвить ни слова. Смеясь, мы пожали ему руку:

— Связи, связи, господин З.! Связи надо иметь! Большое спасибо за помощь!

А все дело в том, что за два дня до отъезда мы случайно встретили в Берлине одного архитектора, дочь которого — жена брата господина Б., директора таможни Касабланки. Если добавить, что в машине лежал скромный подарок для невестки директора таможни...

ХВАЛА ЗАКРЫТЫМ ЧАДРОЙ

У первого же светофора мы были вынуждены затормозить. Рядом остановился лимонно-желтый «ситроен». За рулем сидела мрачная фигура, закутанная в серый полосатый плащ с капюшоном. Черное покрывало закрывало лицо. В первую секунду у нас мелькнула мысль: грабитель банка едет на дело! Но тут мы уви-

—
На улицах Касабланки

дели пару прекрасных блестящих глаз — и не обратились в полицию.

Через несколько сот метров нам повстречалась оригинальная парочка на мопеде: молодой человек в джинсах и клетчатом свитере, а сзади его жена или подружка в розовой джеллябе³ и просторной шерстяной накидке с капюшоном. Лицо ее закрывал темно-красный платок. Немного дальше дорогу пересекла велосипедистка в светло-зеленой чадре и светло-желтой джеллябе. Капюшон и платок оставляли лишь небольшую щелку для глаз.

³ Д ж е л л я б а — верхняя одежда арабов в виде длинной плотной рубахи или накидки. — *Здесь и далее прим. ред.*

Касабланка — современный город с миллионным населением, непрерывно растущий промышленный центр, оживленная торговая столица Марокко. Ухоженные парки, широкие бульвары, высотные дома, дворцы отелей, элегантные торговые улицы, районы вилл... Везде ощущается, что Касабланка приобрела свое лицо под французским колониальным владычеством. Еще и сейчас город выглядит французским. Вид улиц, однако, определяют марокканки под покрывалами. Этого мы не ожидали.

Издали женщины в джеллябах немного напоминают католических монахинь, особенно если они остались верны черному цвету, как почти везде в сельских местностях. Но элегантные горожанки предпочитают сейчас самые смелые сочетания цветов, например оранжевую чадру с зеленой джеллябой. В результате покрывала обращают на себя внимание! Вместо бабушей⁴ модницы носят лодочки на высоких каблуках, нейлоновые чулки, походка их в свободно ниспадающих одеждах полна грации... Может быть, так передвигались королевы эпохи Ренессанса.

Должен признаться, в первые дни пребывания в Касабланке мы были полностью под властью чар марокканок, закутаных в покрывала.

Даже когда очарование новизны и необычности прошло, мы невольно оборачивались вслед женщинам. Марокканки вынуждали к этому взглядом! Они в совершенстве владеют искусством говорить, флиртовать и кокетничать одними только глазами, выражение которых имеет почти неисчерпаемый запас нюансов. Они могут бросить влекущий и одновременно стыдливый взгляд, смотрят многообещающе и в то же время недоступно, умоляюще и с сожалением... И они охотно играют в эту игру, даже с иностранцами. Мы часто замечали, что стоит оглянуться вслед женщине под чадрой, и она в тот же миг оборачивается! Убедившись в воздействии своих чар, она, хихикая, идет дальше. Однажды я выдержал взгляд блестящих глаз и был вознагражден легким поклоном головы и словами: «Добрый день, мосье». Я убежден, что под чадрой губы марокканки сложились в польщенную улыбку.

⁴ Бабуши — мягкие туфли, обычно из сафьяна, без каблуков и без задников.

Поскольку для марокканок глаза — важнейшее средство общения с окружающим миром, они прилагают много сил и умения, чтобы сделать это «орудие» еще более действенным: подкрашивают глаза черным, накладывают пудру под цвет покрывала, красят и удлиняют ресницы. Наверное, применяются еще и средства, усиливающие блеск глаз. На любом базаре предлагают всевозможные мази, эссенции, пудру. Я думаю, что элегантная марокканка тратит на узкую полоску лица и глаз не меньше времени, чем стареющая кинозвезда на все лицо.

Марокко — страна прекрасных глаз! А если по глазам судить об остальном, то почти все марокканки под чадрами — сестры Елены Прекрасной.

Но однажды вечером я в этом усомнился. Нас пригласили в гости друзья из торгового представительства ГДР. Подавала на стол пожилая женщина без чадры, симпатичная, но не особенно красивая. После обеда Фатима — так называют здесь всех домашних работниц — попрощалась, надела джеллябу и покрывало. Я с изумлением взглянул на нее. Черт возьми! Неужели это она! Какие глаза! Они могли бы принадлежать самой Елене Прекрасной!

ЭМАНСИПИРОВАННАЯ ЖЕНЩИНА ПОД ПОКРЫВАЛОМ?

Как правило, женщины с закрытыми лицами в арабских странах — признак крайней отсталости или религиозного догматизма. В одних городах, как Каир, Бейрут, Дамаск, покрывала вообще больше не увидишь, в других — вроде Алжира или Багдада — они встречаются редко. Их носят большей частью приезжие из сельских местностей, которые держатся робко и принижено⁵. А вот жительницы больших марокканских городов, одетые в яркие покрывала и элегантные джеллябы, ведут себя так непринужденно, словно демонстрируют последний крик моды. Может быть, они закрывают лицо

⁵ Авторы не совсем точны. Чадра на улицах Багдада и Дамаска отнюдь не редкость, и носят ее преимущественно горожанки. Об Алжире см. дальше.

по причине, которую мне открыла одна живущая в Касабланке француженка:

— Женщина под покрывалом анонимна, ее нельзя узнать, она может незамеченной пройти на тайное свидание.

Так ли это? Кто мог ответить мне на этот вопрос? Я задал его врачу-ассистенту д-ру М., который учился в Германии. Он хорошо знал помимо Марокко и другие арабские страны. Мы встретились в парке перед новой ратушей Касабланки.

Д-р М. улыбнулся:

— Может, некоторых женщин и привлекает возможность, закрыв лицо, как под маской, неузнанной сходить на свидание, но это, конечно, исключение. Ваше замечание о диктатуре мужчин справедливо лишь наполовину, хотя, конечно, еще многие мужчины требуют, чтобы их жены в общественных местах закрывали лица.

— Как старый пророк Магомет⁶, который не хотел, чтобы кто-нибудь увидел его прекрасную, молодую жену Айшу.

— Да, примерно так. Но я знаю немало марокканцев, не возражающих против того, чтобы их жены открывали лицо, даже требующих этого, но напрасно.

— Вот мы снова вернулись к моему вопросу: почему же в общем-то весьма самоуверенные марокканки не спешат освободиться от покрывала?

Д-р М. задумался на минуту, наклонился вперед и бросил крошки воробьям-попрошайкам.

— Если бы это можно было объяснить в двух словах! Расскажу вам один случай. Работающий вместе со мной профессор, прогрессивно мыслящий человек, пригласил двух коллег-европейцев и меня в гости. Он хотел показать, что женщины принимают участие в общественной жизни, и настойчиво просил свою жену надеть европейское платье и присутствовать при нашей беседе. Она выполнила просьбу мужа, но с отвращением. Вышла она к нам, потупив глаза, кивнула, уселась в самом темном углу и за весь вечер не проронила ни слова. На

⁶ Пророк Магомет (правильнее Мухаммед) — полулегендарный основатель ислама, реальная биография которого сильно приукрашена мусульманской традицией. Годы жизни: 570—632. По преданию, одиннадцатилетняя Айша была самой любимой из многочисленных жен пророка.

следующий день я гулял с коллегами по городу и случайно встретил профессора с женой. Она была в джеллябе и покрывале. Держалась она очень непри-
нужденно, участвовала в разговоре, была мила и обая-
тельна. Под покрывалом она чувствовала себя уверен-
нее.

— Значит, причина в комплексе неполноценности?

— До известной степени. У пожилых женщин он про-
является сильнее, чем у девушек, многие из которых
ходят с открытыми лицами. Не все женщины без покрыв-
вал — иностранки. А вы не видели такие парочки: мать
в традиционном костюме под руку с дочкой в мини-юбке
и облегающей блузке? Вам надо летом сходить у нас
на пляж или стадион. Полную эмансипацию уже не
остановить. В так называемых лучших кругах общества
дочерей теперь посылают учиться. — Доктор иронически
улыбнулся. — Хотя бы потому, что среди молодых муж-
чин спрос на современных девушек больше.

Как бы в ответ на слова доктора в парке появи-
лась группа студентов: двое юношей и две девушки,
все с портфелями под мышкой. Они сели на скамейку
напротив нас и начали напропалую кокетничать и флир-
товать. Не будь девушки закутаны в покрывала, такую
сценку можно было бы наблюдать в Берлине или Лейп-
циге.

— Предположим, что эти девушки изучают медици-
ну. Будут они и потом с закрытым лицом смотреть боль-
ных? — спросил я доктора.

— В клинике вряд ли. Но одна наша сослуживица и
сейчас, уходя домой, надевает джеллябу и покрывало.

— Значит, может быть эмансипирована и женщина
под покрывалом?

— Что вам больше нравится: образованная умная
женщина, которая появляется в общественных местах
под покрывалом, в национальной одежде, подобранной
со вкусом, или привязанная к дому служанка мужа, ко-
торая, однако, с открытым лицом ходит на рынок.

Не ожидая ответа, доктор встал и показал на ожив-
ленную авеню Хасана II.

— И все же если вы через десять лет приедете сно-
ва, то, как и все туристы, будете огорчены, не увидев
типичного для Марокко излюбленного зрелища фото-
графов: женщина с закрытым лицом в джеллябе.

Я понял колкость и ответил:

— Я буду очень огорчен, что не смогу увидеть столько прекрасных глаз.

Доктор засмеялся:

— Зато уж наверняка увидите больше красивых пожек.

ТАМ, ГДЕ РОБИНЗОН ПОПАЛ В ПЛЕН

Первые дни в незнакомой стране всегда связаны со множеством неприятных обязанностей. Вместо того чтобы искать новые впечатления, приходится заполнять анкеты, ждать в приемных, менять деньги, наносить визиты в министерство, хлопотать о документах... Касабланка — экономический центр Марокко, а не его столица, поэтому мы были вынуждены ездить за сто километров в «соседнюю» резиденцию и там улаживать часть дел.

Рабат-Сале — это фактически два города, живописно раскинувшихся по обеим сторонам устья Бу-Регрега. Район Сале на северном берегу реки остался восточным городом ремесленников и торговцев, с шумным базаром, узкими улочками, садами, спрятавшимися за высокими стенами. Более молодой Рабат, несмотря на несколько новых ультрасовременных построек, не может отрицать, что когда-то был основан как резиденция французского генерал-губернатора. Правда, французские архитекторы старались придать резиденции восточный стиль. В этом так называемом неомарокканском стиле построено большинство административных зданий, казарм, банков, школ, вилл дипломатов. Для него характерны зубцы, башенки, богатый орнамент на воротах.

В средние века Сале был самым крупным портом на берегу Атлантики. В устье Бу-Регрега купцы из Англии, Фландрии, Венеции, Генуи и Испании обменивали свои товары на слоновую кость, ковры, воск и пряности. В семнадцатом столетии здесь возникло государство корсаров. Тут Даниэль Дефо отдал своего героя Робинзона Крузо в руки корсаров, а после нескольких лет плена дал ему возможность бежать в маленькой рыбацкой лодке на юг.

Сейчас на реке Бу-Регрег нет пиратов, здесь правит

«его величество Хасан II», и не за счет захваченных торговых кораблей существует его двор. Со временем методы стали более утонченными. Хасан II — один из немногих монархов мира, прибегающий чуть ли не к абсолютистским методам правления. На портретах, украшающих учреждения и рестораны, он изображен молодым генералом в орденах, дипломатом в простом черном костюме, восточным властелином в тарбуше⁷ и джеллябе, сидящим на чересчур большом и роскошном султанском троне, пилотом за штурвалом вертолета.

У ворот королевского дворца, окруженного высокой стеной, — по существу отдельного города на окраине Рабата — происходит на прусский лад смена караула лейб-гвардейцев в красных юбочках. Щелкают по меньшей мере тридцать фотоаппаратов туристов. Красный цвет хорошо получается на цветной пленке.

Будь сегодня пятница, мы увидели бы, как его величество верхом на коне, в сопровождении всего двора, направляется через большую площадь с фонтаном и старыми пушками в мечеть на молитву. В проспектах говорится, что ни один турист в Марокко не должен пропустить это зрелище.

— Мосье, меня зовут Хасан, как и его величество! Я знаю все о Рабате. Проводить вас к башне Хасана?

Двенадцатилетний мальчуган, темноволосый, курчавый, в рубашке до щиколоток, идет за нами, с тех пор как мы вышли из машины. Где бы вы ни остановились в Марокко, сразу же рядом оказывается мальчик, предлагающий услуги гида.

Хасан — бывалый парень. Поскольку его предложение не встретило отклика, он предлагает другие развлечения.

— Желаете kif или bitches? — таинственно шепчет он.

Нет, мальчик, сожалеем, но ни гашиш, ни девушки нам не нужны! Я спросил Хасана, ходит ли он в школу. Хасан отмахнулся, как бы говоря: «Очень мне это надо!» — и ответил:

— Иногда, когда нет надежды на бизнес.

Слово «бизнес» странно звучит в устах ребенка.

⁷ Тарбуш — высокая красная феска, иногда называемая арабами «стамбульской» в отличие от «шешиа» — низкой и плоской.

— Как «бизнесмен» ты согласен с политикой своего гезки, живущего там, во дворце?

Я задал этот вопрос шутя, не ожидая серьезного ответа. Хасан, однако, бросил на меня возмущенный, почти гневный взгляд:

— Но, господин, он король! И сын Мухаммеда V.

Сын Мухаммеда VI! Эти слова мы услышим еще не раз, когда будем говорить с марокканцами об их короле. В них аванс на доверие, оказываемое молодому королю, в них надежда, налагающая обязательства. От Хасана II ожидают, что он продолжит дело своего отца. Современные проблемы Марокко трудно понять, не зная роли короля Мухаммеда V, которого до 1957 года величали султаном Мухаммедом бен Юсефом.

Мы все же изменили свой план, и двенадцатилетний Хасан повел нас к восьмисотлетней башне Хасана, рядом с которой воздвигнут похожий на дворец мавзолей «королю независимости». Мы уселись на обломок античной колонны и попросили Хасана рассказать о Мухаммеде V. Первым делом он потребовал сигарету, затем сел, скрестив ноги, и, придав лицу выражение министра-докладчика, тоном сказителя начал:

— Это было...

Он рассказал нам легендарную историю, какие обычно помещают в школьных учебниках.

Я перескажу ее здесь, но без ретуши, добавив то, что намеренно опустили авторы, верные королю.

ОТ СУЛТАНА ДО КОРОЛЯ-ОСВОБОДИТЕЛЯ

В начале двадцатого столетия на северо-востоке Африки существовало арабское государство, которым правил султан, «потомок пророка Магомета», являвшийся главой государства и церкви. Жадные до наживы колониальные державы, разделившие между собой почти всю Африку, не решались подступить к султанату Марокко. Слишком многие из них зарились на этот жирный кусок: Испания, Франция, Англия, Германия... В 1911 году они договорились между собой и открыли путь к завоеванию Марокко Франции. В Марокко вошли войска и заставили султана подписать так называемый договор о протекторате, который отдавал страну пол-

ностью в руки французских империалистов⁸. В качестве ответной услуги колониалисты обязались «умиротворить страну», то есть подчинить мятежные племена и заставить их признать власть султана, «властелина», который был лишь марионеткой французского генерал-губернатора и подписывал его приказы только ради проформы.

«Умиротворение», как называли империалистические историки завоевательную войну, продолжалось до 1934 года. Вполне понятно, что колонизаторам в это время нужен был султан, послушный как воск в руках и не симпатизирующий тайно своим воинственным соотечественникам. В 1927 году умер султан Мулай Юсеф, и французский генерал-губернатор выбрал его преемником самого младшего из сыновей — Мухаммеда бен Юсефа, которого, казалось, было легче всего направлять. Это было возможно, поскольку в Марокко трон не обязательно переходит к старшему сыну. Знатоки Корана, улемы Феса, которым по закону полагалось «выбрать» в султаны одного из членов королевской семьи, подчинились желанию французов.

Султан Мухаммед бен Юсеф сначала прекрасно играл отведенную ему роль. Как подобает восточному монарху, он окружил себя роскошью, завел гарем, представлял собой, а вообще-то послушно подписывал любой приказ, предложенный генерал-губернатором. Он покровительствовал захвату земли французскими поселенцами, передаче месторождений полезных ископаемых иностранным монополиям и не одобрял акции националистов, требовавших свободы и независимости Марокко.

Во время второй мировой войны движение за независимость усилилось. В 1943 году была создана Партия независимости, а в 1944 году — Коммунистическая партия Марокко. Умный султан Мухаммед почувствовал веяние времени. Он понял, что если не возглавит движение за независимость, то рано или поздно исчезнет с политической арены Марокко вместе со своими французскими покровителями. В 1945 году султан, находясь в Париже, впервые отважился открыто заявить, что пришло время для Марокко стать «свободным современным государством». В 1947 году, выступая в Танжере,

⁸ По договору 1911 г. не все Марокко переходило под протекторат Франции. Северная часть страны с городами Тетуан, Лараш, Сеута и Мелилья была захвачена Испанией.

он отказался прочитать восхваления в адрес Франции, предложенные генерал-губернатором, и вместо этого заявил, что Марокко решило «бороться за восстановление всех своих прав».

Султан стал неудобен колонизаторам. Изыскивая средства отстранить его, они прибегли к испытанному рецепту «разделяй и властвуй» и разожгли рознь между берберами, живущими в сельских местностях, и арабским населением городов. Феодалные князья Высокого Атласа, не заинтересованные в сильной централизованной власти, например известный паша Марракеша, охотно поддержали игру колонизаторов. Вооруженные до зубов племена берберов появились на окраинах городов. Произошли кровавые столкновения.

Несмотря на это, призыв марокканского народа к независимости звучал все громче и нашел отклик в мире, в первую очередь в молодых национальных государствах и в социалистических странах.

Тут колонизаторы допустили грубую ошибку: 20 августа 1952 года они подвели свои танки ко дворцу султана, заставили Мухаммеда бен Юсефа отречься и посадили на трон его родственника Мухаммеда бен Арафу, слабовольного старика. Бывшего султана со всем его гаремом сослали на Мадагаскар. Этот насильственный переворот обернулся для колонизаторов бумерангом. Они создали мученика! Теперь борьба за независимость Марокко проходила под лозунгом: «Возвратить законного султана!» Рабочие Касабланки бастовали; верующие мусульмане покидали мечети, если молитвы произносились от имени нового султана.

В те дни по Марокко ходил анекдот, показывающий, что думал народ о «французском султани»: в одном салоне Мухаммеду бен Арафе якобы предложили меню. Он немедленно подписал его, думая, что это приказ, составленный генерал-губернатором.

Марокко уже почти не поддавалось управлению. И тут представители французского крупного капитала поняли, что глупо настаивать на сохранении колониального господства в старом виде — оно держалось только на штыках и подкупе местной верхушки, — ибо это вскоре могло привести к полной потере их влияния, а главное, к утрате экономических позиций. Рабочий класс Марокко с каждым годом выступал все более энергично. Для французской крупной буржуазии независимый сул-

танат, где она могла сохранить свои позиции, был более приемлем, чем революционная республика. Несмотря на сопротивление колониальных генералов и «колонилистов» — французских поселенцев, парижское правительство ликвидировало «обанкротившееся предприятие бен Арафы» и начало переговоры с сосланным султаном.

Мухаммед бен Юсеф согласился пойти навстречу французскому крупному капиталу и 16 ноября 1955 года с триумфом вернулся в Рабат. 2 марта 1956 года Франция предоставила султанату политическую независимость.

С этого дня Мухаммед V стал для большинства марокканского народа любимым «королем-освободителем», символом свободы.

— Однако он не смог освободить свой народ от экономического господства Франции. Это видно в любом магазине!

Когда Хасан закончил свой рассказ, заимствованный из учебника истории, мы стали обсуждать королевскую политику за последние десять лет. Хасан сидел рядом и делал вид, что понимает каждое слово. Но когда мы на секунду остановились, чтобы перевести дух, он незамедлительно воспользовался паузой. Он протянул руку, скромно опустил глаза и что-то жалостливо сказал.

Конечно, Хасан, ты получишь бакшиш, и даже немалый, за прекрасную историю о твоём Мухаммеде V. Когда ты станешь старше, ты, быть может, поймешь, что властелин на троне совсем не твой властелин и не может быть твоим.

БРОШЮРЫ

Нам хотелось хоть раз искупаться в Атлантическом океане, прежде чем в Касабланке установится зима с дождями и штормами. В Альфе, районе богатых современных дворцов и роскошных бассейнов, вблизи маяка, мы нашли свободный участок пляжа и бросились в высокие, в человеческий рост, волны. Выйдя из воды, мы продрогли на холодном ветру и, чтобы согреться, поспешили в уютный маленький эспрессо-бар. Единственный посетитель, мужчина тридцати лет с небольшим, писал за столом в углу, вокруг него лежали брошюры. Будь мы в ГДР, я бы подумал, что это партийный работник готовится к докладу.

У меня тоже была целая пачка брошюр, изданных министерством информации к десятой годовщине независимости Марокко. Я подчеркивал в них некоторые фразы, отмечал цифры. Вдруг с соседнего столика прозвучал вопрос:

— Вас удовлетворяют эти проспекты?

— Н-да... Не знаю... Мы еще слишком мало знаем Марокко.

— Правительственные брошюры всегда говорят полуправду.

Мы попросили соседа пересесть к нам. Он, улыбаясь, согласился и назвал себя.

— Вы из ГДР?

— Как вы догадались?

— На улице стоит ваша машина. Я знаю газету, которую вы рекламируете. Однажды Первого мая я был гостем в Берлине.

Мухаммед Б. — работник УМТ, крупнейшего объединения профсоюзов, активный деятель УНФП — Национального союза народных сил. В 1960 году УНФП и другие левые элементы отошли от Истикляля — основанной в 1943 году партии независимости, боровшейся за демократическое независимое Марокко при сохранении монархии. За это время УНФП стал одной из сильнейших партий Марокко.

Я сказал Мухаммеду Б., о чем подумал, увидев его, обложенного брошюрами. Он засмеялся. Он и в самом деле готовился к докладу.

Я показал на одну из брошюр:

— Вы недовольны только ее содержанием или десятью годами независимости?

— Это тема моего доклада... Ну, как вам сказать? Итог прошедших десяти лет очень скромнен. Конечно, мы смогли добиться известной независимости...

Мухаммед склонился над столом и начал говорить тоном докладчика:

— Марокко имеет свою армию, полицию, национальное здравоохранение, проводит самостоятельную дипломатию. Но марокканский народ еще далеко не достиг тех целей, которые он поставил перед собой в борьбе за независимость. Условия жизни простого народа и рабочего класса не только не улучшились, но даже ухудшились. Национальный доход не возрастает. Сельское хозяйство деградирует. Вот пример: производство зерна

в момент провозглашения независимости было больше, чем сейчас. Между тем население значительно увеличилось. В настоящее время его прирост составляет около четырехсот тысяч человек в год!

— Но ведь создано много промышленных предприятий!

Я нашел в брошюре марокканского министерства информации статью, восхваляющую успехи «индустриализации».

— Правильно, нефтеперерабатывающий завод в Мохаммедии, автосборочный завод... Но все эти заводы не дали значительного числа новых рабочих мест. Многие мелкие и средние предприятия вынуждены сократить или вовсе прекратить производство. А ведь каждый год появляется сто тысяч новых рабочих! К тому же многие рабочие заняты не полностью. Это значит, что в нашей стране безработица принимает ужасающие размеры.

— Безработные получают государственное пособие?

— Ничего они не получают. Безработный полностью предоставлен самому себе. Он волен голодать или просить милостыню. Во время путешествия вы столкнетесь с этой проблемой, везде вам будут предлагать посторожить машину, проводить вас. Дети будут просить бакшиш.

— Дети? — Я снова листаю брошюры. — Цифры, говорящие о борьбе с неграмотностью, очень внушительны.

— Правильно. Сейчас около миллиона двухсот тысяч детей посещают школы. Это, несомненно, большой прогресс по сравнению с прошлым, но ни в коей мере не решает проблему: по меньшей мере столько же детей не могут учиться из-за недостатка мест. То же самое в области здравоохранения. Число больниц в городах в известной мере отвечает потребностям, но сельское население лишено медицинской помощи. Оно незащищено перед инфекционными заболеваниями. Туберкулез, сифилис и трахома очень распространены в Марокко.

Но зачем я все это рассказываю? Сколько дней вы в Марокко? Неделю? Тогда сначала осмотритесь, а брошюры пока отложите в сторону. Когда составите себе собственное мнение, сможете снова взяться за них. Вы будете читать между строк и додумывать то, о чем здесь по понятным причинам умалчивается. Я уверен, что вы придете к тем же выводам, что и УНФП и другие левые силы: необходим радикальный поворот!

Коренастый, с круглой головой и седыми вьющимися волосами, подстриженными коротко, он мог бы быть братом Жана Габена. Это была моя первая мысль при знакомстве с Али Ята. Он принял нас на пятом этаже дома, где помещаются разные конторы, недалеко от порта Касабланки, в редакции газеты «Аль-Кифах аль-ватани». Товарищ Али Ята, генеральный секретарь запрещенной Коммунистической партии Марокко, издает эту газету как «частное лицо»⁹.

В дверях нас приветствовали два широкоплечих товарища. Лишь проверив, кто мы, они проводили нас в кабинет шефа. Эти предосторожности необходимы: несколько дней назад в Париже похитили и убили политического деятеля Марокко — Бен Барка.

Али Ята — один из самых уважаемых и влиятельных вождей рабочего класса Марокко. Родом он из Танжера, по профессии учитель.

— Но мне удалось обучить очень мало детей, — заметил он, улыбаясь. — Ведь я с двадцати одного года участвую в политической борьбе и все силы отдал созданию коммунистической партии в Марокко.

Нам подали обязательный в таких случаях крепкий мятный чай, национальный напиток марокканцев. Али Ята расспросил о нашем путешествии и первых впечатлениях. Мы рассказали о встречах в Касабланке и Рабате, о хрестоматийном рассказе маленького Хасана, о разговоре в эспрессо-баре с профсоюзным работником Мухаммедом. Али Ята задал несколько вопросов о содержании нашего разговора и, улыбаясь, сказал:

— Да вы, я вижу, уже отлично информированы.

— Теоретически! Практически мы только начинаем открывать для себя Марокко.

⁹ В июле 1968 г. на третьем съезде коммунистов Марокко было решено образовать легальную Партию освобождения и социализма, генеральным секретарем которой стал товарищ Али Ята, а центральным органом — газета «Аль-Кифах аль-ватани». Партия провозгласила своей целью построение в Марокко социалистического общества в соответствии с «национальными особенностями страны, ее здоровыми историческими традициями, освободительными идеями ислама и законами прогрессивного развития человечества». С самого начала партия стала объектом нападок со стороны реакции. В августе 1969 г. Али Ята был арестован и осужден на десять месяцев тюрьмы. В 1970 г. освобожден.

-- Как это говорится: критерий истины — практика! — Али Ята отхлебнул чаю, откинулся в кресле и начал говорить медленно и обстоятельно:

— Вы хотите знать, как я оцениваю обстановку. Вам уже известно, что за десять лет, прошедшие после освобождения, Марокко не сумело разрешить стоявшие перед ним основные проблемы. Это объясняется тем, что не был устранен полуфеодальный и полуколониальный строй. Кроме того, и сейчас, как в средневековье, Марокко — абсолютистское государство. Большой ошибкой была ориентация на капиталистическую систему. Кучка иностранных капиталистов, связанных с международными монополиями, продолжала эксплуатировать богатства страны и рабочих. Правда, эксплуатация часто принимала новые формы типа «марокканизации», при которой привлекались марокканские предприниматели или марокканцы выступали в качестве подставных лиц иностранных фирм. Но от этого ничего не изменилось.

Нашу беседу прервали. Али Ята принесли верстку газетной полосы, которую надо было как можно скорее вернуть в типографию. Али Ята извинился и углубился в чтение. Мы могли подумать над его словами.

Но вот полоса была подписана, заварен свежий чай.

— Вы наверняка хотите узнать, что будет дальше, — продолжил разговор Али Ята. — Большая часть марокканского народа — рабочий класс, крестьянство, мелкая буржуазия, национальная буржуазия — поняла, что проводившаяся до сих пор политика вредна и опасна для Марокко. Все в большей или меньшей степени страдают от нее и стремятся к радикальным изменениям. УНФП, коммунистическая партия, профсоюзное объединение УМТ, партия Истикляль в общем и целом занимают одинаковую позицию: требуют некапиталистического пути развития и сближения с социалистическим лагерем. Только объединение всех этих сил может заставить изменить политику Марокко и положить конец кризису, от которого все мы страдаем. По случаю десятилетия независимости коммунистическая партия обратилась ко всем этим организациям с призывом выработать национальную хартию, осуществлению которой они будут способствовать на благо нашего народа.

— А как вы расцениваете влияние и силу коммунистической партии?

— Коммунистическая партия Марокко существует

всего лишь двадцать два года. За этот срок ей пришлось пережить много трудностей. В 1952 году компартию запретили французские колониальные власти, а в 1960 году — королевское правительство. Мы и сейчас еще находимся под запретом и не можем, к сожалению, работать активно в условиях легальности. Несмотря на это, наша партия ни в коей мере не изолирована. У нас есть сильные союзники. Самосознание народа непрерывно развивается. Это позволяет нам действовать довольно открыто, несмотря на запрет. Конечно, мы боремся за легализацию в любой ее форме и надеемся, что недалек тот час, когда достигнем своей цели.

Мы встали, поблагодарили за беседу и пожелали Али Ята и его партии успехов в их трудной борьбе.

НА ЮГ

Мы поехали! Наконец-то!

Прошли дни, когда мы, надев галстуки, вынуждены были бегать по учреждениям! Конец информационным беседам и различным проектам. Путешествие началось!

Альфред готовит в салоне закуску. Мы лишь после полудня смогли выехать из Касабланки и хотели до темноты «накрутить» как можно больше километров. Едим на ходу. Все прошло отлично. Даже открытая бутылка с лимонадом не опрокинулась.

После долгих размышлений и консультаций с марокканцами мы решили сначала отправиться на юг. По берегу Атлантического океана достигнем Агадира, затем пересечем часть Сахары, а оттуда через перевалы Высокого Атласа направимся в Марракеш — «жемчужину юга». Через три недели мы снова будем в Касабланке, если все пойдет по плану и наш «Баркас» не сдаст на перевалах Атласа, очень крутых и опасных, судя по рассказам.

Аккуратные апельсиновые плантации вблизи Касабланки остались позади. Местность стала более пустынной. Справа и слева от дороги ржаво-коричневые долины, изредка тянутся к небу эвкалипты. Вообще же кругом камень, камень, камень, ничего, кроме камня. Прав был чиновник в окошечке туристского бюро, который с горькой усмешкой сказал:

Верблюд и вол в одной упряжке пахут лучше: они не могут разговаривать друг с другом!

— У нас в Марокко в избытке только камни, мухи, нищие и гиды!

Но вот среди камней, кажется, пахут! Мы остановились. Альфред хочет заснять редкостную упряжку: верблюды с волами. Некоторое время мы наблюдаем за двумя крестьянами, которые с трудом вспарывают плугами твердую верхнюю корку. Большие камни они тща-

тельно обходят. Мы предложили им закурить и спросили, отчасти по-французски, отчасти жестами, почему они не уберут камни и не сложат их на край поля. Ответ их поразил нас:

— Аллах положил эти камни. Он знал, что делал.

Эти крестьяне, отец и сын, ведут хозяйство совместно. Но почему они не запрягут в одну упряжку верблюдов, а в другую волов? Нам казалось, что это было бы удобнее.

Объяснение крестьян по своей логике еще удивительнее, чем ответ о камнях:

— Два верблюда могут разговаривать между собой, а верблюд с волом не могут. А когда за работой молчишь, то работаешь лучше!

Производственная психология в сельском хозяйстве!

В Аземмур, маленький городок в устье Умм-ар-Рбии, мы приехали в темноте. Здесь мы хотели застаться продуктами на дорогу. Нам казалось, что в сельской местности картофель, фрукты и овощи должны быть дешевле. Оказалось, что в Марокко это не так: чем дальше от порта, тем все дороже.

В этот день мы поехали до Аль-Ядиды (до получения независимости Мазанан). На побережье, вблизи современного отеля «Мароба», нашли стоянку для машин. Марокканские друзья советовали нам не останавливаться на ночлег далеко от селений, как бы привлекательна ни была местность, а во избежание неприятных сюрпризов ночевать по возможности около селений, лучше всего в кемпингах или у полицейских участков.

В Касабланке мы уже спали в машине. Правда, она стояла в гараже торгового представительства ГДР. Там поблизости был водопроводный кран, ванна, кухня, а главное, туалет. В будущем трудно рассчитывать на такой комфорт.

Мы задернули занавески, сварили спагетти и говядину, сыграли партию в скат, а потом раздалась команда: по койкам! Стол отвинтили, разложили пенопластовые подушки, достали спальные мешки. Правда, раздеваться сидя было еще трудно, но со временем привыкнем.

У Аль-Ядиды мы впервые улеглись в том порядке, который сохранился на всем пути: Дитер и Альфред — справа и слева, головами назад, а я — в середине, головой вперед. Так каждому достаточно места.

Я устроился в спальном мешке, согнул левую ногу и подумал: «Вполне удобно, можно спать».

Спокойной ночи!

ДАРЫ МОРЯ

Дорога вилась вдоль берега Атлантического океана. Крутые берега, о которые яростно бил прибой, сменялись тихими лагунами. Мимо окон машины мелькали фиговые пальмы, агавы, кактусы, большие виноградники. У оград и стен домов цвели бугенвиллеи всех оттенков красного и фиолетового. В низинах, позади дюн, блестели залитые водой поля. Там добывали морскую соль. Кое-где на возвышенности попадались куббы — небольшие белые строения под куполом. Это гробницы марабутов, святых людей, досконально знающих Коран¹⁰.

Рыбачьи лодки на песке и развешенные для просушки сети вызвали у Альфреда лангустовый комплекс. В маленькой деревушке, около чайной, мы спросили об этом лакомстве. Для этого нам пришлось нарисовать лангуста на песке. Рыбаки покачали головами: уже два дня они не выходят на лов! Запрещено!

Надувшись, Альфред сел в машину и взялся за газету. Если нет лангустов, ему и все Марокко ни к чему!

Чтобы примирить его с окружающим миром, мы решили тряхнуть мощной и пообедать как следует. Может, в ресторанах запрет на ловлю лангустов не соблюдается.

Валидия — популярный курорт на берегу вытянутой в длину лагуны, защищенной от океана высоким каменным барьером. Сезон кончился, на пляже было пусто. Ставни пестрых бунгало, карабкавшихся по склону, были заколочены. Только в первом доме на площади еще работал ресторан «Хипокампе» с открытой тер-

¹⁰ М а р а б у т — не столько знаток Корана, сколько своего рода местный святой, на которого якобы снизошла барака, т. е. божья благодать, благословение. В средние века и даже совсем недавно марабуты были очень влиятельны во всей Северной Африке и возглавляли особые дервишские братства. Члены этих братств — хваны (т. е. братья) — в старину тоже назывались марабутами. Культ марабутов до настоящего времени очень распространен от Марокко до Ливии, а их мавзолей — куббы — и сейчас еще являются объектом поклонения наиболее фанатично настроенной части верующих.

расой. Кроме нас в ресторане сидела одна-единственная пара.

В меню значились лишь два блюда: «Дары моря» и «Рыба лагуны». У нас не было выбора. Итак:

— Пожалуйста! Три раза дары моря и рыбу лагуны.

Обед оказался утомительным.

Сначала хозяйка принесла огромное серебряное блюдо. На груди водорослей лежали искусно украшенные ломтиками лимона и листьями салата дары моря: устрицы, моллюски, морские ежи, крабы... Мы беспомощно смотрели на эту разукрашенную гору водорослей. С чего начать? Морские ежи твердые и колючие! Господин за соседним столиком, голландец, хорошо говорил по-немецки. Сжалившись над нами, он пояснил:

— У морских ежей можно есть только крохотные красные гребешки внутри. Вытащите их ложкой оттуда!

Мы извлекли наружу гребешки, вскрыли раковины, проглотили несколько устриц и почувствовали, что наш аппетит только возрос: съедобных частей было раз в сто меньше, чем отходов. Второе блюдо представляло собой два закрытых глиняных горшка: в одном — моллюски, тушенные с салом, в другом — моллюски, варенные с чесноком. Мы вскрыли раковины, выскребли содержимое. Затем нам подали большую рыбу (из лагуны), сантиметров сорока в длину, похожую на карпа, хорошо поджаренную, с золотистой корочкой, и жареный картофель. Нежное мясо рыбы прямо таяло во рту. На десерт был сыр.

При виде пирожных и торта мы сдались. Не хватило емкостей!

— Если нам подадут еще вместо компота жареных морских блох! — пропыхтел Дитер.

Мы все апатично обмякли в креслах, будучи не в силах двигаться. Да, аристократический образ жизни имеет свои теневые стороны!

УСТРИЧНАЯ БАНКА

Что делают с устрицами — ловят, удят, собирают, разводят? Наши познания об этом аристократическом лакомстве очень поверхностны.

Что говорит по этому поводу энциклопедия? «Устрицы (*Ostrea*) — род двустворчатых моллюсков семейства *Ostreidae*. Раковина устриц неравностворчатая. Створка, которой устрица прирастает к любому твердому субстрату, именуемая левой, — выпуклая и толстая, правая — более тонкая и плоская. Устрицы обладают рудиментарной ногой и замыкательной мышцей».

Эти сведения говорят о происхождении устриц, но не о том, как они попадают на стол гурманов.

— Госпожа хозяйка, откуда вы получаете устриц?

— С банки!

— А где находится эта банка, разрешите спросить?

— Там, внизу.

Устрицы, которых подают в «Хипокампе», выросли, можно сказать, у порога гостиницы. Облезлая вывеска «Парк» указала нам дорогу от главной улицы вниз, к устричной «ферме» на берегу лагуны. Прimitивный жилой дом, несколько сараев, насосная и каменные бассейны на каменистом пляже — вот и все.

Одни рабочие (часть их была в резиновых сапогах, а часть — босиком) швабрами и водой из пожарных шлангов промывали в бассейнах большие горы устриц, а затем лопатами складывали в ящики. Другие подтаскивали ящики с затянутым проволокой дном к лодкам и выходили с ними в лагуну. Третьи сортировали устриц по величине и укладывали в ящики, стоявшие в ста метрах от пляжа.

Старший рабочий — марокканец, к сожалению, почти не говорил по-французски. Все же с помощью жестов и рисунков мы попытались расспросить его, как разводят устриц. Это оказалось не легко. Мы поняли только, что «детей», то есть маленьких устриц, опускают в воду на мели в лагуне, а «стариков» оставляют в ящиках на берегу.

Вдруг рабочий с явным облегчением показал на черный «ситроен», который приближался, подпрыгивая, по проселочной дороге:

— Удача! Босс! Живет в Сафи. Приезжает только два раза в неделю!

«Босс», коренастый француз лет пятидесяти, с седой щетиной, весело поздоровался с нами. В ответ на вопрос, хозяин он или только арендатор устричной фермы, он немного цинично улыбнулся:

— Я только управляющий! Банка принадлежит сей-

час моей жене, марокканке. Кто знает, вдруг марокканцам взбредет в голову конфисковать собственность французов!

Мы старались не возражать. Сейчас не место политике! Сначала надо осмотреть устричное хозяйство.

Босс не заставил себя долго просить:

— Главное, что в этой лагуне благодаря обильному притоку пресной воды создаются благоприятные для устриц условия.

Затем он показал нам ферму.

Ящики из папье-маше, вроде тех, в которых оптовые торговцы перевозят яйца, укрепляют цементом и соединяют вплотную железными полосами. В ячейки ящиков сажают крохотных устриц, доставляемых из Португалии. Тем самым их личинки защищены от врагов — морских звезд, улиток, раков. «Устричные ясли» погружают в лагуну на неглубоком месте, так, чтобы они постоянно находились под водой.

Через четыре-шесть месяцев молодых устриц вынимают, а затем снова погружают в воду, правда, на меньшую глубину, чтобы было легче контролировать их рост.

Не страшно, если ящики при отливе окажутся на суше: устрицы могут обходиться без воды десять дней.

Устрицы развиваются на мели от четырех до шести лет. Потом начинается сортировка и чистка по возрасту и величине. Различается четыре сорта. Устрицы первого сорта — шестилетние — стоят пятьсот пятьдесят марокканских франков¹¹ за дюжину; четвертого сорта — двести пятьдесят франков.

При транспортировке живых устриц их улаковывают по двадцать килограммов в корзины, а сверху прикрывают водорослями.

— Отведайте, пожалуйста! — Босс открыл перочинным ножиком живую устрицу и с наслаждением высосал ее содержимое. Мы последовали его примеру, но нас передернуло. Устрицы безвкусны и пахнут морской водой.

На прощание мы спросили нашего хозяина, доволен ли он доходами с фермы. Он расплылся в улыбке, как сытый младенец:

— Почему бы и нет? Рабочие руки в Марокко дешевы. А устрицы дороги... и в моде!

¹¹ Марокканский франк был равен старому французскому франку.

От самой Касабланки нас, как назло, преследовал непрерывный дождь. В Валидии мы было подумали, что уехали от него, но в Сафи, городе гончаров и сардин, он снова нас нагнал. К утру «Баркас» на временной стоянке по ступицу погрузился в грязь.

Альфред отодвинул занавеску:

— Проклятие! И это называется Африка! Такого у нас и дома хватает, — и снова залез в спальный мешок.

Утром мы намеревались осмотреть Сафи — «величайший в мире порт сардин», — но при такой погоде? Едва ли удастся фотографировать, не говоря уже о киносъемке.

— Двинем дальше на юг! Найдется же где-нибудь в Сахаре место, где нет дождя.

Сказано — сделано!

Окна покрылись влагой, пришлось включить «дворники». Мы все же старались увидеть как можно больше. Мимо проносились красные поля, фермы, окруженные оливами и смоковницами. Затем появились аргании — типичные для Южного Марокко железные деревья. Их плоды походят на оливы, но идут только на корм скоту. Выносливое, вечнозеленое железное дерево — благословение для этой местности. Оно защищает страну от засухи, которую приносят постоянно дующие ветры. Обширные, поросшие железным деревом местности трудно назвать лесом; деревья растут на большом расстоянии друг от друга и перемежаются мастиковыми деревьями, кустами лаванды и серебристо-серого молочая, изредка достигающего высоты небольших деревьев.

Вдруг «дворники» начали попискивать. Асфальтовая лента перестала блестеть. Мы обогнали дождь!

У источника, на краю дороги, мы устроили утреннее омовение. Но что там, на верхушках деревьев? Черные обезьяны? Это козы, маленькие черные косматые козы. Ловко, как обезьяны, лазают они по деревьям, прыгают с ветки на ветку — и жуют, жуют, жуют... Они обглаживают даже качающиеся концы тонких ветвей. Вдоль дороги ряд голых деревьев — здесь прошло прожорливое стадо. Козы — бич Северной Африки. В течение столетий они объели целые районы, уничтожили леса, сохраняющие влагу земле, и тем самым способствовали измене-

нию климата. Козы необходимы арабам, но одновременно они прокладывают дорогу пустыне.

Внезапно налетевший ливень снова загнал нас в машину. Напрасно мы мчались — соревнование все равно выиграл дождь!

Эс-Сувейра — живописный город на побережье Атлантического океана, но мы увидели лишь темные тени на сером фоне. Где море, где небо? Мне вспомнились туманные картины английского художника Тернера.

Преодолев предгорья Среднего Атласа, мы попали в облака; пришлось включить фары. На перевале я прочитал вслух из путеводителя: «Путешественникам неожиданно открывается прекрасный вид на изобилующее бухтами побережье Атлантического океана: зеленые склоны, белый пляж, лазурно-синее небо». Сейчас мы видели в радиусе едва ли десяти метров. Ответом на цитату из путеводителя тем не менее был яростный стук коробок с киноплёнкой, доносившийся из багажника.

В те редкие минуты, когда в облаках образовывались просветы, мы могли догадываться о красоте побережья. Альфред сокрушался:

— Какие пейзажи! Таких я никогда больше не поймаю в объектив.

В Агадире уже горели фонари. Площадка кемпинга походила на озеро.

Мы не ехали, а скользили, выскивая место посуше. Через несколько секунд нас окружили шесть закутанных в плащи фигур — как выяснилось, наши «западногерманские братья и сестры». Их привлекла буква «D» под нашим номером.

Затем последовал вопрос, который мы потом часто слышали в пути:

— DK 45-05? Что это за номер?

— Потсдам!

Все изумленно замолчали. Это не укладывалось в их сознании. Позднее в подобных ситуациях мы про себя отсчитывали секунды: двадцать одна, двадцать две... В Агадире же мы еще вежливо выжидали, когда наши собеседники вновь обретут дар речи.

— Как вы сюда попали?

Что ответить на этот бессмысленный вопрос?

В Агадире мы еще не дали воли своим языкам и пригласили ошарашенных земляков к нам в машину.

— Если вы удовлетворитесь пенопластом из ГДР...

Они согласились: снова начинался дождь.

Последовавшую затем беседу невозможно передать слово в слово. Даже как образец сатиры она показалась бы неправдоподобной. Ограничимся несколькими примерами:

— Настоящая сталь! — При этом они выстукивали корпус нашей машины.

— Инструменты тоже из стали!

— А какие большие ветровые стекла!

— Здесь больше места, чем в нашем «фольксвагене»!

Агадир — самый южный и довольно легко достигаемый город Марокко, где есть кемпинг. Поэтому он пользуется популярностью у так называемых постоянных обитателей кемпинга, которые проводят здесь зиму. Городское управление не берет платы за стоянку и за электроэнергию, надеясь таким образом способствовать развитию туризма, сильно сократившегося после землетрясения 1960 года. А если где-нибудь можно что-нибудь получить бесплатно... Толстый пенсионер из Вестфалии, до окончания войны живший в Дрездене, пояснил, почему он уже третью зиму проводит в Агадире:

— Дома квартира нужна детям. Здесь мне легче прожить на мою пенсию (ее переводят сюда): не нужно покупать уголь, продукты дешевые, энергия для приготовления пищи даровая. Мои старые костюмы, которые в Германии никто не купит, я тут продам на базаре за хорошую цену! Так я вполне оправдываю траты на бензин.

Перед сном мы увидели новейшее достижение кемпинга: бесплатный источник энергии специально для граждан ФРГ. К обычному штепселю на столбе было подключено примерно пятнадцать двойных вилок, столько же проводов вели отсюда под леском к машинам. С вилок капала вода. И никакого короткого замыкания! Инженеров нашего технического контроля при виде такого зрелища хватил бы удар.

— Наши плитки рассчитаны на двести двадцать вольт, — сообщил старый дрезденец таким тоном, будто рассказывал о выигранном сражении. — А здесь только сто десять. Пришлось здорово поработать, пока этот скряга согласился, наконец, поставить розетку на двести двадцать вольт!

Нам было стыдно, что мы говорим с ним на одном языке.

ОЧЕВИДЕЦ

Ронни — чужак, каких немного в нашем цивилизованном мире. Разговор с ним утомляет, но и обогащает. Он все время пребывает на границе между гениальностью и безумием.

Ронни, живший в агадирском кемпинге в соседней палатке, явился к нашей машине, едва мы встали.

— Вы настоящие восточные немцы? Мне давно хотелось встретить восточных немцев.

Через сильные стекла очков он рассматривал нас с головы до пят, как будто мы люди с другой планеты.

— Вы, наверное, антифашисты? Не то что другие немцы здесь! С ними можно разговаривать только об автомобилях и деньгах. Кошмар!

Мы еще не завтракали и пригласили Ронни на яичницу с салом. Он охотно согласился и принес из своих запасов четыре помидора.

— Я немедленно напишу моей тетке в Амстердам, что меня пригласили восточные немцы. Она просто лопнет от удивления.

Ронни — голландец, ему сорок лет, последние годы войны он провел в немецком концентрационном лагере.

— Не потому, что я был политическим борцом, — рассказывал он, — хотя я всегда ими восхищался. В герои я не гожусь, пользы от меня никакой. И в лагерь я попал случайно: из сумасшедшего дома, где я хотел переждать войну, меня выписали как нетрудоспособного, но потом я забыл продлить справку. А когда я, наконец, собрался это сделать, то попался в лапы эсэсовскому патрулю. Чтобы меня не отправили в Германию на принудительные работы, я еще раз прикинулся идиотом, но ничто не помогло.

Собственно говоря, Ронни по профессии художник. Но когда я осведомился о его работах, он рассмеялся.

— На этот раз я не взял с собой ничего для рисования. Зачем? Все равно ничего не успеваешь. Да и как рисовать? Абстрактно, как Пикассо? В духе сюрреализма, как Дали? Или в стиле натурализма? Этого я не знаю, поэтому предпочитаю не рисовать.

От своего отчима Ронни унаследовал месячную ренту в триста гульденов.

— В Голландии на это жить нельзя, хотя и с голоду не умрешь. Но в путешествии, если экономить...

Ронни умен и начитан. С ним можно говорить о Бодлере, Рильке, Сартре и Лакснесе — Ронни обо всем осведомлен. Однажды, когда мы насвистывали малоизвестную песенку из брехтовской «Трехгрошовой оперы», Ронни сразу же запел немецкие слова. Только о работе он и слышать не хочет. Мысль о ней внушает ему ужас.

— Может, ваш социализм очень хорош, но не для меня. Мне бы еще пришлось у вас работать!

Уже пятнадцать лет Ронни путешествует на машине, предпочтительно по североафриканским странам. В Агадире он зимует уже в шестой раз. В ночь землетрясения с 29 февраля на 1 марта 1960 года его машина стояла на том же месте, что и сегодня.

— У меня как раз сидел приятель, марокканец, как вдруг за несколько минут до полуночи раздался гул, все закачалось. Свет погас. Машина раскачивалась из стороны в сторону. Мой арабский друг упал на колени и начал молиться.

Я стал искать свечу и спички. И нашел. В кемпинге все боялись океанских волн и бросились наверх, в селение. Там были уже одни развалины, слышались крики и стоны, в воздухе стояла пыль. На улицах зияли трещины в метр шириной. Огромный отель на пляже сломался как карточный домик. Этажи лежали друг на друге слоями, как крем в торте. Все постояльцы погибли. А ведь я чуть было не провел эту ночь в отеле, только моя скромность спасла мне жизнь: я потерял на пляже ключ от автомашины. «Вечером все равно не найти слесаря, который открыл бы дверь, лучше пойти переночевать в отель», — сказал я себе. Но в плавках? Нет! Что подумает портье? Наконец, я решил еще раз просеять песок в том месте, где лежал. Тяжелая работа! Через час злосчастный ключ был у меня в руках.

Ронни вытащил из кармана цепочку от часов и с блаженной улыбкой помахал прицепленным к ней автомобильным ключом:

— Мой спаситель!

Пришлось откупорить бутылку вина, чтобы Ронни закончил свой рассказ.

— Ужасное утро! Что делать? Как помочь людям? Я лишен данных руководителя, и мною тоже никто не руководил. Кроме того, у меня не было ни денег, ни си-

гарет, ни воды... Первым делом я пошел в свой банк. Его больше не существовало. В одном полуразрушенном баре пил американец. Он был счастлив: среди развалин ему удалось найти свой паспорт и бумажник. Тут я встретил коммерсанта, которому несколько дней назад случайно рассказал, что у меня есть вклад в одном из банков Танжера. Он дал мне денег взаймы. Каким-то чудом осталась цела и одна заправочная колонка. Я ее раньше не замечал — она была скрыта домами. Теперь дома исчезли. У дежурного лицо было обмотано платком, но он как ни в чем не бывало спросил: «Супер или обычный?»

При выезде из города лежали сотни свертков. Первые трупы! Я включил радио. На повороте у подножия холма я оглянулся. От красивого Агадира осталось лишь густое, сернисто-желтое облако.

ШЕСТЬ ЛЕТ СПУСТЯ ПОСЛЕ КАТАСТРОФЫ

Узкие улочки заполняла шумная пестрая толпа. Разносчики воды звонили в колокольчики. Погонщики ослов громкими криками «Балак-балак!» прокладывали себе дорогу. Играли дети. Торговцы громко расхваливали свои товары. В закопченных мастерских стучали молотки чеканщиков по серебру, из задних комнат слышался стук ткацких станков. По вечерам все обычно сидели перед кофейнями, пили чай или играли в данзу. Это игра вроде наших шашек, ходят монетами по шахматной доске.

Так было в крепости Агадир шесть лет назад. Теперь это могила многих тысяч людей.

Еще и сегодня город, окруженный высокими стенами и вознесшийся над портом, издалека кажется крепостью. Но когда мы поднялись через ворота на зубчатую стену, мы замолчали. Один из наиболее населенных некогда районов города, раскинувшийся на несколько тысяч квадратных метров, представлял собой сплошные руины, поросшие тамариском и чертополохом. Уцелел только растрескавшийся бетонный остов водонапорной башни. Кое-где среди руин зияли ямы. Если бросить туда камень, то слышно было, как он ударяется о дно. В чьей-нибудь кухне? Или спальне? На столе мастерской?

В ночь 29 февраля 1960 года здесь за несколько секунд погиб оживленный город.

Когда пожары были потушены и крики засыпанных смолкли, когда уже не было надежды спасти людей, марокканские власти решили бульдозерами сровнять район касбы и остальные разрушенные районы Агадира и во избежание эпидемий засыпать химикалиями. Цветущий торговый город, излюбленное место пребывания туристов, перестал существовать.

В касбе сейчас живет один-единственный человек, марабут. Он негр, потомок рабов, когда-то вывезенных из Восточной Африки. На восточной окраине касбы он построил себе из обломков жилище с крошечным двориком, цистерной, сараем и голубятней. Ежедневно из Агадира сюда приходят несколько верующих мусульман, приносят ему еду, молятся с ним. В ночь землетрясения он потерял всех родных. На следующее утро, когда город еще горел и дымился, он поклялся аллаху никогда не покидать касбу.

Марабут приветливо поздоровался с нами и предложил стакан воды. Мы собрались с духом и попросили его рассказать о катастрофе. Этого не следовало делать. Больше минуты марабут смотрел мимо нас на руины, потом быстро повернулся и, не попрощавшись, исчез в доме.

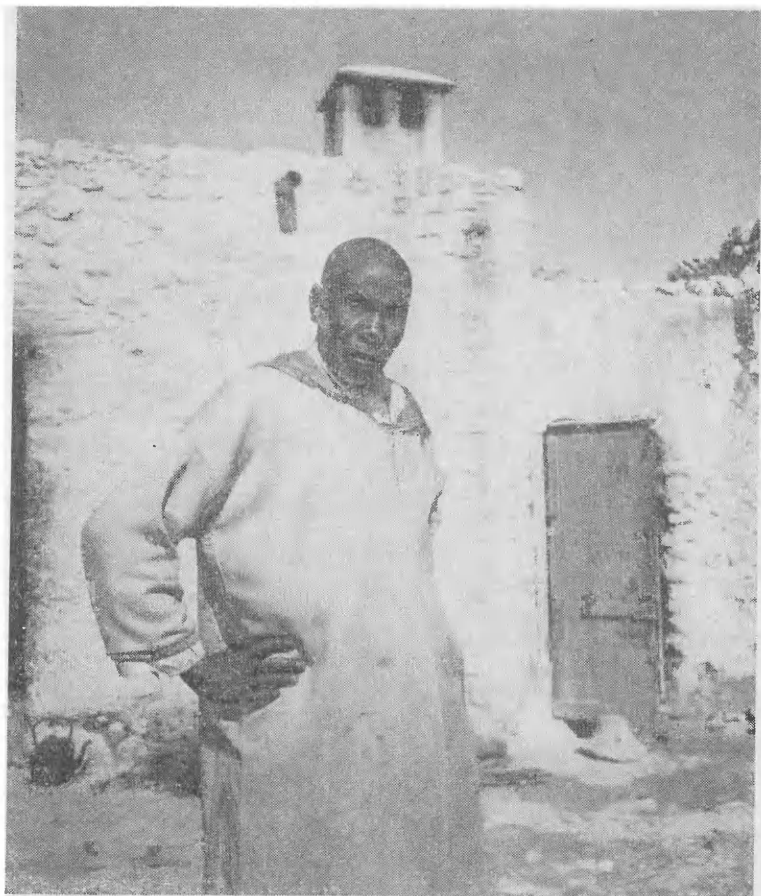
— Марабут никогда не говорит о том, что случилось тогда, — сказал на плохом французском языке маленький мальчуган, пасший коз на склоне и из любопытства увязавшийся за нами. — Он все время думает только об аллахе.

Число жертв землетрясения так и не было точно установлено. Цифры колеблются между десятью и двадцатью тысячами.

Трупы, извлеченные из-под развалин, похоронены в узкой долине позади касбы. Необозримо мусульманское кладбище на склоне горы. Нигде нет надписей. Островерхие камни, поставленные в изголовье, обозначают могилы.

В долине, в тени высоких эвкалиптов, расположено кладбище европейцев, длинные ряды белых надгробных плит на ржаво-коричневом песке. Одни украшены пестрыми букетами фарфоровых цветов, другие — стеклянными бусами на проволочных каркасах.

Мы прошли вдоль могил. В передней, более старой

Марабут из Агадира

части кладбища на плитах — имена солдат Иностранного легиона, жертв «умиротворения» Марокко: Пьер Иванов, Андреас Бауманн, Вильгельм Фаек. Нам бросилось в глаза множество немецких имен.

Затем потянулись могилы с одинаковой датой смерти: 29 февраля 1960 года. Из краткой надписи можно узнать судьбы людей: три поколения одной семьи погибли в один день... Группа молодежи из восьми

человек... Молодожены во время свадебного путешествия....

Одна надпись особенно потрясла нас:

Жорж БУАС
21 год

Арлетта БУАС
17 лет

Жан-Филипп БУАС
1 месяц

Дальнюю часть кладбища занимают надгробные плиты с надписью:

Землетрясение в Агадире
НЕИЗВЕСТНЫЙ
29 февраля 1960 года

Теперь, через шесть лет после катастрофы, в нескольких стах метрах южнее старого центра строят новый Агадир. Марокканское правительство наметило обширную программу строительства, которая уже частично осуществлена. Ему помогли пожертвования из всех стран.

Новый Агадир — это видно по уже готовым комплексам — обещает быть очень современным городом. Все постройки в нем — так, по крайней мере, утверждают архитекторы — будут антисейсмическими. Проект предусматривает создание пяти строго разграниченных комплексов: центр с магазинами, кинотеатрами, ресторанами; административный, жилой и промышленный районы; особое внимание обращено на «сектор туризма». Агадир должен вскоре стать тем, чем был для Марокко до 1960 года: райским уголком для путешественников, приносящим стране валюту.

Несмотря на новые комфортабельные отели, идиллический парк с бунгало, пониженные цены, Агадир, к огорчению отцов города, еще не вошел опять в моду у богатых туристов из Западной Европы. Ужасы 1960 года слишком свежи в их памяти.

КРАСНЫЕ ЛАНГУСТЫ

Мы готовы к отъезду и уже сидим в машине. В это время на площадке кемпинга появляется рыбак с ржавым ведром. Он ходит от палатки к палатке, но, кажется, ему не везет. Дитер уже включил газ, когда рыбак подходит к нам и поднимает ведро. В нем шевелятся три больших лангуста:

— Очень дешево, господа, очень дешево!

Альфред выскакивает из машины, как ужаленный лангустом, пардон, тарантулом. Дитер выключает газ и смеется:

— Комплекс!

Ухмыляясь, мы наблюдаем, как Альфред торгуется с рыбаком. Мы знаем, что теперь наш отъезд неизбежно задержится, но не хотим облегчить положение нашего любителя лангустов:

— Давай, толстяк, поскорее! Надо ехать!

— Но всего пять марок! Это же даром!

Альфред смотрит на нас, как маленький ребенок, которому мать не позволяет купить мороженое. Выдержат этот взгляд — нам не под силу.

— Ну ладно, но чтобы ты избавился от своего лангустового комплекса раз и навсегда!

Достаем примус, в самой большой кастрюле ставим воду. Альфред пытается изобразить из яиц, растительного масла и горчицы нечто вроде майонеза.

Среди наших западногерманских братьев и сестер тем временем распространился слух: эти восточные немцы, черт возьми, все же раздобыли где-то лангустов! Почти все они явились в качестве болельщиков. Хотя многие из них уже неоднократно проводили зиму в Агадире, ни один ни разу не позволил себе купить лангу-

стов. По их лицам видно, что наше пиршество они расценивают как отсутствие такта. Приехали с Востока, а сами так роскошествуют...

Альфред где-то вычитал, что лангустов можно есть, когда они станут в кипятке красными. Мы долго ждем, и я не могу удержаться от каламбура:

— Эти капиталистические лангусты ни за что не хотят краснеть!

Западногерманские болельщики несколько натянуто улыбаются.

Наконец-то лангусты стали «красными как раки». Поскольку мы забыли захватить вилки для рыбы, пришлось воспользоваться ножом для разрезания бумаги и комбинированными клещами.

Возможно, в отеле Хилтона нам сервировали бы лангустов более искусно, но стали бы они от этого вкуснее? В заключение мы даем попробовать лангустов и болельщикам, у которых потекли слюнки. А затем: «До свиданья, братья и сестры! Споры с вами не всегда доставляли нам удовольствие. Вы отстали от жизни. Но еще много дней, если не недель, наше появление в кемпинге будет темой номер один. Может быть, при этом вы сделаете шаг вперед в ваших суждениях о двух Германиях и поймете, где правда. Вы уже поняли, что и «там» делают хорошие машины, а это первый шаг.

До свиданья, Ронни! Гуд бай, английские и голландские туристы! В общении с вами у нас не было затруднений. Мы будем рады встретиться с вами еще раз. В Тунисе? На Ниле? Или у Мертвого моря?»

ХОЛОДНЫЕ НОГИ

Не успели мы отъехать и десяти километров от Агадира, как на голубом небе появились, словно поджидавшие этого момента, наши неизменные преследователи — свинцово-серые тучи. Вскоре мы снова услышали ставший привычным стук дождя по крыше машины.

В Тизните мы заправились. В одну секунду на нас не осталось сухой нитки. Нам очень хотелось осмотреть этот городок, об основании которого сложилась необычная для мусульманских городов легенда. Она гласит, что здесь некогда жила красивая гордая девушка Фать-

ма Тизнит, которая решила против воли своей семьи выйти замуж за любимого человека. Однажды она ушла из своего племени с любимым, поселилась у источника и вела такой примерный образ жизни, что после смерти ее объявили святой. Вокруг могилы Фатмы — «передового борца за эмансипацию женщин» — был построен город Тизнит, окруженный красной стеной.

Мы не могли, к сожалению, убедиться, придерживаются ли праправнучки Фатмы таких же прогрессивных взглядов на любовь. Дождь гнал нас вперед, по серпантинам дороги, через предгорья Антиатласа, в Сахару, которую тут называют Хаммада — «большая каменная пустыня».

В этой местности одиннадцать с половиной месяцев в году не бывает дождей и реки обычно пересыхают. Поэтому тут не строят мостов, а дорогу прокладывают прямо через русла рек. Это вполне удобно в течение одиннадцати засушливых месяцев. Но сейчас высохшие русла за несколько часов превратились в бурные реки.

В первый раз, увидев в свете фар, что дорога исчезает в воде, мы затормозили и хотели повернуть назад. Затем мы решительно сняли брюки и отправились вброд. Надо было определить глубину и убедиться, что на дне нет камней. Некоторые жизненно важные детали нашего «Баркаса» — генератор, стартер — расположены очень низко.

— Около сорока сантиметров. Попробуй-ка!

Дитер дал задний ход, а затем на полном ходу въехал в воду. За кормой поднялись волны в метр вышиной. Когда «Баркас» достиг противоположного берега, мы вздохнули с облегчением. За несколько часов мы преодолели таким образом девять рек. Неприятным и неожиданным последствием нашего первого знакомства со знойной Сахарой были холодные как лед ноги. Мы включили отопление и запели: «Песок пустыни жжет как огонь...»

КАИД

Гулимин — самый южный город королевства; здесь практически кончается Марокко. Граница Мавритании проходит, правда, примерно на двести километров юж-

нее, но в простирающуюся перед ней пустынную местность, где есть всего несколько маленьких оазисов, можно проникнуть лишь с караваном верблюдов или во время засухи на «джипе».

Несколько лет назад Гулимин пользовался печальной известностью гарнизонного города — здесь стоял Иностранный легион. Сейчас это административный центр южного округа с населением около двухсот тысяч человек, состоящим в основном из кочевников-бедуинов. Гулимин славится субботним рынком, куда в ясный день приводят на продажу до тысячи верблюдов. А завтра — суббота!

У въезда в селение мы увидели кафе: «Жемчужина Сахары». Как насчет стакана грога? Только во избежание насморка, конечно.

Мы попали почти в родную обстановку. Из радиоприемника, изготовленного в Зоннеберге, звучала песенка: «Придет пароход...». Рыжеватая веснушчатая буфетчица по-немецки осведомилась, что нам угодно.

— Грог? Нет! В Гулимине не продают алкогольных напитков! Пророк запретил, вы же знаете.

— Тогда три раза кофе.

Буфетчица — крестьянская девушка из эльзасской деревни — восемь лет назад вышла замуж за мусульманина, служившего во французской армии. Вот уже шесть лет она живет в «этой пустыне» и очень тоскует по лесам и горам Эльзаса. Через три месяца она поедет домой. Пусть ее четвертый ребенок родится во Франции!

— Он должен знать, как пахнет спелая пшеница и журчат горные реки.

Не успели мы выпить даже первую чашечку кофе, а наш автомобиль у дверей уже привлек внимание местных жителей. Стройный мужчина с усиками а ля Менжу¹², в белой шерстяной джеллябе, приблизился к столу и представился:

— Ярфи Али, хозяин «Жемчужины Сахары», бывший каид Гулимина.

Ему как будто не понравилась наша беседа с буфетчицей, во всяком случае, он произнес по-арабски несколько грубо звучащих слов, и она ушла на кухню. За стойкой появился ее муж. Может, господин Ярфи Али

¹² Адольф Менжу — известный французский киноактер.

испугался, что мы узнаем что-нибудь, чего нам лучше не знать? Но господин Ярфи Али вел себя как джентльмен. Он сделал легкий поклон:

— Не окажете ли вы мне честь выпить чашку чаю в моем доме?

Он жил рядом. В просторной гостиной нам в первую очередь представили сыновей — трех мальчуганов от шести до десяти лет. Отец расхваливал их на все лады, ласкал, целовал... Что у него есть еще и дочери, об этом он умолчал. Когда две маленькие девочки с длинными косичками попытались заглянуть в щелку двери, братья сразу же прогнали их тумаками.

Гостиная походила на музей сувениров. Произведения искусства стояли рядом с совершенно безвкусными вещами: прекрасная негритянская скульптура соседствовала с цветами из воска, модель собора Парижской богоматери из латуни — со старинным оружием берберов, украшенным жемчугом, стеклянный голландский башмак, служащий пепельницей, — с часами в стиле рококо.

Мы дополнили коллекцию симпатичным берлинским мишкой с лентой. С трудом подавили мы искушение посмотреть марку фирмы на гобелене, изображавшем в слащавом, сентиментальном стиле похищение из сераля. Не исключено, что эти «восточные» ковры сделаны в Эльснице или Глаухау.

Старый слуга ждал, пока мы усаживались в удобных кожаных креслах у дорогого инкрустированного столика. Заметив, что мы наблюдаем за ним, он начал приготавливать чай. Даже в самых бедных домах приготовление чая и подача его на стол — ритуал, происходящий на глазах у гостей. Для него необходимы два низких столика с чеканными серебряными подносами. На одном стоят пестро раскрашенные стаканы, на другом — несколько чайниц и кувшинов, также из чеканного серебра. Сначала заваривают немного зеленого китайского чаю, несколько минут выжидают, переливают экстракт в другой кувшин, кладут туда кусковой сахар и опускают свежую мяту. Потом напиток процеживают, снова переливают, подслащивают, пробуют — и так до тех пор, пока чай — нана — не приобретет золотисто-желтый цвет, требуемую сладость и температуру. Только тогда его подают гостям.

Господин Ярфи Али — типичный делец. Пост каида он передал одному своему родственнику, а сам занял

ся более доходным делом: обслуживанием туристов. — Сахару — как центр туризма — ждет большое будущее, — утверждал он. — Я организую в Гулимине игры всадников, танцы, двухнедельное романтическое путешествие на верблюдах через Сахару. Кто раз испытает одиночество в пустыне, всегда будет возвращаться сюда.

Мне кажется, я уже где-то читал нечто подобное.

Господин Ярфи Али надеялся, что будущая весна принесет ему большие доходы:

— Голливудская компания «Юнайтед Артистс» намерена снимать в двадцати километрах отсюда большую битву с участием более тысячи всадников на верблюдах. За каждого верблюда они заплатят мне десять, а за всадника — даже пятнадцать дирхамов¹³ в день.

— А сколько процентов вы уплатите всадникам?

Господин Ярфи Али снисходительно улыбнулся:

— Вы не знаете традиций берберских племен. Я практически все еще пользуюсь властью каида. И каждый член племени делает то, что я прикажу!

Берберы на юге Марокко и сегодня живут, как сотни лет назад. У них племенной строй.

Самая мелкая общественная единица — это род, часто в него входит более двадцати семейств, объединенных общим происхождением. Во главе стоит патриархальный вождь, представляющий род перед иностранцами и властями. Его слово безгранично уважают все члены рода. «Патриарх» определяет, кому на ком жениться, кого послать в город на работу, что продать. В тех случаях, когда затрагивается семейная честь, он даже решает вопросы жизни и смерти.

Следующая единица — дуар, община, объединяющая все роды, молящиеся в одной мечети. Общиной руководит шейх, несколько общин составляют племя, возглавляемое каидом. Звание каида равносильно званию паши в городах, поскольку оба они подчинены непосредственно султану. Шейхи и каиды именем султана вершат правосудие. Племя обычно состоит из пяти—десяти тысяч человек, населяющих местность до пятисот квадратных километров.

Услышав это, мы поняли, у какого могущественного

¹³ Д и р х а м — новая денежная единица Марокко с 1959 г. Приблизительно равен 1 французскому новому франку (т. е. $\frac{1}{5}$ доллара).

человека пьем мятный чай. Для господина Ярфи Али пояснения об общественном строе берберов были лишь предисловием. Он быстро возвратился к своей излюбленной теме: освоение большой Хаммады на благо иностранного туризма.

Вскользь мы упомянули о запрете на продажу алкогольных напитков. Мы считали, что это может помешать притоку туристов в Гулимин.

Господин Ярфи Али сделал вид, что он возмущен:

— Конечно, туристы могут получить здесь и вино и виски. Не в общественных местах, а лично у каида. — Он попытался скрыть лукавую усмешку. — Правда, несколько дороже, чем в северных городах. Вы понимаете, транспорт....

Мы решили проверить его слова на деле. За бутылку красного вина, которая в Агадире стоит два дирхама, мы заплатили каиду Гулимина десять!

Запрещение алкоголя пророком Магометом, несомненно, имеет свои преимущества. Во всяком случае, для каида.

ВЕРБЛЮДЫ ОПТОМ

После сырой, холодной и неудобной ночи никто из нас не слышал будильника. Проснулись мы лишь от душевраздирающих воплей верблюдов. Напротив «Жемчужины Сахары», на песчаной площадке размером триста метров на шестьсот, огороженной красноватыми глинобитными стенами, начался знаменитый верблюжий базар.

В первый момент мы были немного разочарованы. Тысяча верблюдов? Да тут их не больше ста! Опять виноват проклятый дождь. Кочевники и торговцы не могли добраться до Гулимина по раскисшим дорогам Хаммады. Однако и восемьдесят верблюдов, несколько сот овец и коз создавали пеструю, колоритную картину.

На рынке преобладали худощавые берберы из Хаммады, которых во всем Марокко называют «синими людьми». Их джеллябы, бурнусы и тюрбаны сшиты из сине-фиолетовой ткани. Со временем она линяет от дождя и пота и окрашивает кожу берберов, придавая ей своеобразный синий оттенок. Отсюда название: «синие люди».

Торговля верблюдами требует громкого голоса и выразительной мимики. Продавцы в самых цветистых выражениях расхваливают животных, заставляют их бегать галопом по кругу, любовно постукивают по спине. Покупатели с критическим выражением лица недоверчиво обходят стадо, а слушая восхваления, задумчиво качают головами и стараются сделать вид, что они вовсе ничего и не собираются покупать. Внезапно они подсказывают к животному, одним движением раскрывают ему рот и тщательно осматривают челюсти. Верблюдам эта процедура, кажется, не слишком нравится, они всеми силами сопротивляются и яростно режут. Затем покупатель внимательно осматривает шкуру и копыта животного, ощупывает его ноги. В заключение он сильным шлепком по крупу заставляет верблюда стать на дыбы.

После этих предварительных действий, длящихся достаточно долго, после того как осмотрены многие животные, дело вдруг приобретает серьезный оборот. Продавец и покупатель, готовые ударить по рукам, стоят друг против друга и выкрикивают цену. Если их требования очень далеки друг от друга, торговля прекращается и покупатель, гневно бормоча ругательства, демонстративно отходит к другому стаду.

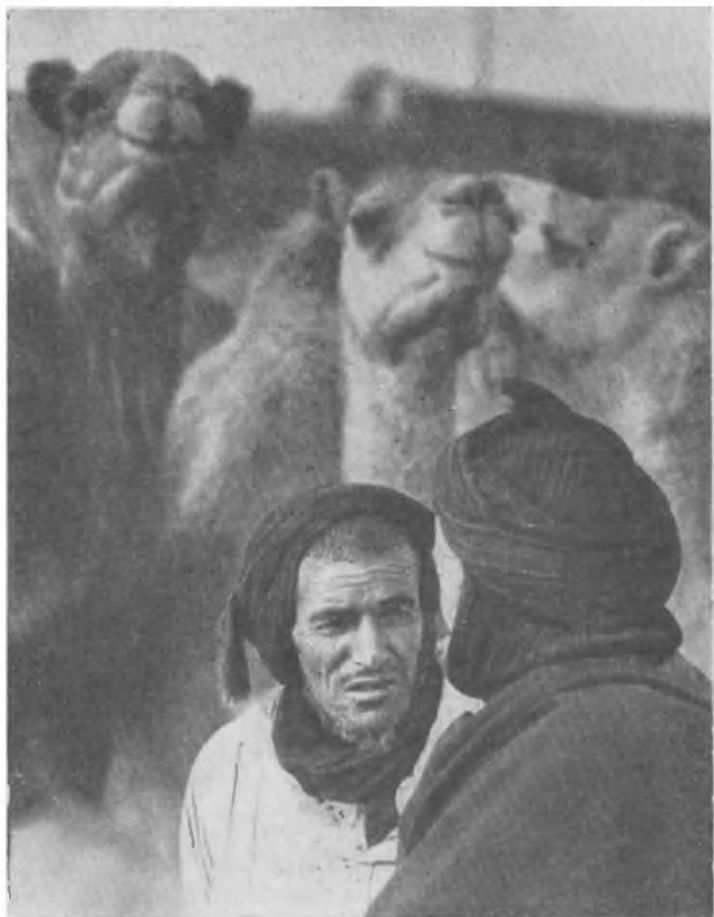
Через некоторое время он, конечно, возвращается и торг возобновляется с той суммы, на какой остановился. Эти сцены повторяются по многу раз.

Если продавец и покупатель, наконец, договариваются, они ударяют по рукам. Хлоп! Этим самым торг заканчивается и сделка приобретает законную силу.

В знак того, что верблюд продан, ему подвязывают левую переднюю ногу. До конца базара он остается в стаде.

Верблюд в Гулимине стоит от шестисот до тысячи дирхамов в зависимости от того, какое это животное: верховое, вьючное или же убойное. Коза или овца стоит от пятидесяти до семидесяти дирхамов.

У ворот рынка рядом с полицейскими стоят два толстых сборщика налогов в белых джеллябах и тюрбанах. По их лицам видно, что они выполняют важную официальную миссию. На животах у них болтаются черные кожаные сумки, какие раньше носили в европейских странах трамвайные кондукторы. Человек, купивший верблюда, овцу, козу или курицу, не может покинуть базар, не уплатив королю десятую долю.

На рынке Гулимина торгуются подолгу

Рыночный торг — это борьба, которую обе стороны ведут с большим искусством. Она так увлекла нас, что мы и не заметили появления большой группы французских, английских и западногерманских туристов из Агадира.

Меня пробрала холодная дрожь, когда вдруг в самой гуще базара я услышал, как плотная уроженка Рейна сказала своему мужу:

— Подумаешь, всего-то несколько жалких верблюдов. Пойдем, Додди, взглянем еще быстренько на Сахару!

ТАНЕЦ СИНИХ ЖЕНЩИН

Появление группы туристов господин Ярфи Али сразу же воспринял как возможность заработать: он устроит в «Жемчужине Сахары» танец «синих женщин». Нас он тоже приглашает.

В помещении рядом с кафе, убранном в восточном стиле, гости расселись на низких диванах и пуфах вдоль стен. Всем подали по чашечке чаю. На большом темно-красном ковре посередине комнаты сидели восемь девушек, закутанных в сине-фиолетовые покрывала. На запястьях и на головах под покрывалами блестели серебряные и золотые украшения. Две танцовщицы намазали ступни ног и ладони красно-коричневой хной. Больше всего украшений было на руководительнице труппы, немолодой женщине. Она сообщила, что ее труппа уже выступала в Париже, Брюсселе, Нью-Йорке и Голливуде.

Представление началось по сигналу господина Ярфи Али, одетого сегодня в элегантный двубортный костюм. Молодая смуглая берберка ударила в барабан — пестрый глиняный сосуд, обтянутый верблюжьей кожей, — сначала слегка, затем более энергично. Сосуд называется «гедра», от него происходит и название этого берберского танца. Девушки в такт ударам хлопали в ладоши, тихо пели и изгибались в талии. Одна из них на коленях продвинулась к середине круга. Движения ее тонких рук походили на движения танцовщиц в буддийских храмах. Медленно поднявшись, она танцевала сначала спокойно, с закрытым лицом, потом кокетливо слегка приоткрыла черное покрывало. Ее шаги становились все быстрее, под конец она сбросила покрывало совсем и закончила резкими экзотическими движениями.

Эротическим характером танец напоминал арабские танцы живота и культовые танцы негров Центральной Африки.

Все последующие выступления походили на первое. В одних ритм был более спокойный, танцы не сопровождалась пением, в других солистка расплетала косы или не открывала лица, но все они исполнялись одной тан-

цовщицей, тогда как остальные сидели на корточках. Причина этого — в происхождении берберских танцев: когда-то их исполняли только в темных низких шатрах кочевников.

В один из перерывов вдруг задернули все занавески. Альфред запротестовал: света для фотосъемки и так недостаточно. Господин Ярфи Али улыбнулся:

— Только на несколько минут. Дамы хотят осветиться.

К удивлению гостей, пивших чай, танцовщицам подали на маленьких столиках... вино! Потому-то и задернули занавески. Неужели аллаха так легко провести? Неужели через занавески он не видит этого грехопадения? Альфреду очень хотелось снять на цветную пленку руководительницу труппы, увешанную ожерельями, Ла Бешару, но она знала себе цену:

— Бутылку вина в качестве гонорара!

Где она этому научилась — в Голливуде или у господина Ярфи Али, своего повелителя?

После представления она потребовала с каждого гостя по десяти дирхамов за вход. У туристов на лицах выразилось изумление: сначала об этом не было и речи. Но стоит ли возражать? В конце концов искусство везде стоит денег.

Когда мы вышли наружу, над Хаммадой сияли две огромные радуги, такие широкие и чистые по цвету, каких я никогда в жизни не видел.

Господин Ярфи Али пояснил, как если бы заказал это явление специально для нас:

— Радуга над Хаммадой бывает не чаще одного раза в год. А в этом году она появилась как раз в тот день, когда дамы и господа посетили Гулимин! Вот это сервис!

Мы были удивлены, что господин Ярфи Али не протянул требовательно руку:

— Будьте так любезны: сто дирхамов за две радуги над Сахарой!

ТИЗИН-ТЕСТ

Раздался резкий свисток... Это нам? В зеркале мы увидели взволнованно машущего полицейского. Мы только что свернули с дороги Гулимин — Агадир напра-

во, по направлению к Высокому Атласу. Может, мы не заметили на перекрестке знака? Отдуваясь, у окна появился полицейский:

— Прощу прощения! Куда вы едете?

— Через Тизин-Тест в Марракеш.

— Очень сожалею: дорога закрыта! Нет проезда, наводнение.

— Как долго это может продолжаться?

— Один аллах знает. Может, два дня, а может, четыре или все восемь.

Из Гулимина мы выехали раньше, чем предполагали, так как буфетчица-эльзаска предупредила нас:

— Если дожди затянутся, вы застрянете здесь на несколько недель.

Неудача, от которой мы пытались убежать, все равно нас настигла. Но на этот раз бог погоды был настроен доброжелательно. В последующие дни светило солнце. И уже на третий день ворчливый полицейский офицер в Агадире разрешил нам ехать:

— Попробуйте, на вашу ответственность.

Нам снова пришлось пересекать затопленные русла и по ухабистым проселочным дорогам объезжать разрушенные мосты, но красота ландшафта щедро вознаграждала нас.

Долина Сус, защищенная с севера Высоким Атласом, а с юга от горячих ветров Сахары — горами Антиатласа, одна из плодороднейших в Марокко. Сад юга — так ее называют — изобилует банановыми плантациями, апельсиновыми рощами, кукурузными полями... На краю сочного зеленого луга цветут фиолетовые бугенвиллеи, пламенеют ярко-красные цветы гибискуса, в низинах прячутся желтые мимозы.

Пальмы и кактусы выделяются на фоне горного хребта, где можно увидеть все существующие в природе цвета. Серо-зеленые у подножия склоны постепенно приобретают цвет охры, в свете солнца они походят на мед. На середине склона преобладают коричневые и красные тона, а над ним тянется гряда мелких белых облаков, похожих на барашки. Затем вздымаются лиловые и синеватые силуэты гор, а выше, под темно-синим сводом неба, сверкают снежные поля.

Это был не сон!

Заправщик в Таруданте взглянул на часы:

— Вам навстречу идут три автобуса.

Зачем он это сказал? В горном массиве приветливо открылась долина. Еще несколько километров — и дорога повернула налево.

Мы посмотрели в бинокль. Высоко вверху, недалеко от границы снегов, мы заметили черную зигзагообразную линию. Прожилка в камне или пешая тропа? Мы и не подозревали, что через полчаса окажемся там, наверху.

Через поросшую дубами и железным деревом долину дорога вела по крутому склону вверх, становилась все уже и уже — и вот она уже чуть шире колеи колес. Местами подъем достигал двадцати пяти градусов. На узких и крутых поворотах нам казалось, что левые колеса повисают над пропастью. Я вспомнил, что французы такую дорогу называют шнурком. Пожалуй, это более меткое название, чем наше немецкое «шпилька для волос».

Альфред ворчал, что нельзя остановиться. «Такие виды...» Он отодвинул верх и пытался снимать кинокамерой на ходу.

— Что сказал заправщик? — прорычал вдруг Дитер. — Три автобуса? Как же здесь разъехаться?

Теперь перед каждым поворотом мы молили аллаха, чтобы он избавил нас от опасной встречи. Кроме того, мы все время громко гудели.

Аллах милостив к нам. Первый автобус мы встретили на остановке, второй ждал нас там, где дорога пошире. А третий? Его мы пропустили на перевале.

Две тысячи семьдесят метров!

Мы одобрительно похлопывали «Баркас» по радиатору. Несмотря на груз в семь с половиной центнеров, он, запыхавшись, доставил нас на эту высоту.

При взгляде назад захватывало дух. Дорога зигзагами спускалась в долину Суса. Над Атлантическим океаном блестело солнце. Горы Антиатласа казались отсюда маленькими и уютными. За ними простиралась большая Хаммада.

— Чаю, господа?

Слова хозяина крошечного кафе, прилепившегося к скале, напомнили нам, что мы замерзли.

Надев в машине свитеры и вельветовые куртки, мы посмотрели на термометр: шесть градусов выше нуля.

Тизин-Тест не только водораздел. Точно на перевале асфальтовая лента дороги обрывается. Надпись предупреждает: «Дорога опасна! Много поворотов! Камнепад!»

Солнце клонилось к океану. Из долин ползли тени и придавали красно-коричневым склонам лиловый оттенок. Снежные вершины сияли нежно-розовым цветом, как легендарный сад роз короля Лаурина в Доломитовых Альпах¹⁴.

Дорога переходила в узкое русло реки. Справа и слева росли одиночные кривые кедры. Никаких дорожных знаков, облегчающих путь, не было, а в сумерках нелегко заметить повороты. Шум лавин усиливался десятикратным эхом. Один раз нам пришлось затормозить — куча камней преградила путь. Вместе с водителем встречного грузовика мы расчистили завал, с опаской поглядывая вверх на скалу: что, если такая лавина накроет нашу машину? Скорее вперед!

Далеко под нами ползли через ночь огоньки фар: встречные машины. Найдем ли мы вскоре безопасное от камнепада место для ночлега? Мы напряженно всматривались вперед. Если мы вовремя не заметим крутого поворота... Скала почти отвесно падала вниз.

Вдруг в свете фар появилась белая вывеска: «Отель «Альпина» и ресторан в трех километрах отсюда!» Может, вывеска поставлена здесь, чтобы пробуждать надежду у автомобилистов, уже ее потерявших?

— Ну, это не так страшно!

Два километра... три... четыре... шесть... восемь... Лишь после десяти километров пути по ухабам и трудной переправы через речку мы увидели слева от дороги слабо освещенное окно. Наконец-то!

В помещении горел один-единственный бензиновый фонарь. Не было видно ни души. В камине тлело несколько поленьев, на стенах висели рога туров и кабаньи головы. В середине — фотография парохода-люкс «Иль де Франс». На прибитой к стене рысьей шкуре хитро блестели стеклянные глаза. Пф!.. Пф!.. Мы вздрог-

¹⁴ Король Лаурин — герой старинного немецкого эпоса, могучий король карликов, обитавший в волшебном саду в горах Тироля.

нули. С перекладкины, урча, соскочила кошка. Настоящий замок с привидениями!

Мы не удивились бы, если бы рядом вдруг появились «материализованные» привидения из замка Шпессарт. «Бонжур!» — сказали бы мы и заказали бы коньяк на всех.

Но вместо привлекательной невесты разбойника за стойкой оказалась беззубая старая берберка в ярко-желтом платке.

— S'il vous plaît¹⁵.

Женщина покачала головой. Она не говорит на иностранных языках. Жестами она объяснила, что нам надо подождать хозяйку, та наверху.

Динг-донг, динг-донг....

— Ассалям алейкум!

В тот момент, когда раздался бой часов, в дверях выросли две фигуры, закутанные в белые джеллябы. Арабские торговцы из Марракеша по пути в долину Суса.

Их машина застряла у дома, в реке, пересекающей долину. Нет ли у нас случайно карманного фонаря?

Мы пошли к месту происшествия. На камне боком висел старый «форд». Наш «Баркас» дал задний ход и вытащил его из реки. Дитер подлез под машину: оторвался карданный вал. Он привязал его буксирным канатом:

— Если поедете осторожно, сможете добраться до ближайшей мастерской.

Оба торговца были счастливы, что нашли в такой глуши помощь, и пригласили нас выпить с ними... коньяку. Не ослышались ли мы? Мусульмане приглашают нас на коньяк?

Сейчас за стойкой стояла хозяйка, шестидесятилетняя француженка с растрепанными волосами. Во рту на видном месте у нее не хватало зуба: она как нельзя лучше подходила к этому пристанищу ведьм.

Али, тот, что поменьше ростом, с бородкой, — хаджи. Это означало, что он побывал в Мекке.

— Два года назад. Из Рабата летел самолетом. Дорого, но хорошо. Ха-ха-ха!

Хаджи, очевидно, относился к тому типу людей, которые смеются над своими островами громче других и не дают никому сказать ни слова.

¹⁵ Пожалуйста (франц.).

— Вы должны зайти ко мне в Марракеше на следующей неделе. Не пробудете там так долго? Жаль, у меня две хорошие жены. Очень умные, особенно Фавзия. Ха-ха-ха! Однажды я ехал на осле с рынка домой, мои жены, конечно, шли за мной, и вдруг меня остановила одна француженка, симпатичная такая мадемуазель, и говорит: «Господин, почему вы так невежливы и заставляете своих жен идти, а сами едете верхом?» От изумления я не знал, что ответить. Но моя умная Фавзия быстро нашлась: «Мадемуазель! Мы лучше пойдем пешком, зато вечером в постели муж не будет усталым!» Ха-ха-ха!

Из вежливости мы тоже посмеялись. Анекдот, который хаджи выдал за свой, стар как мир, его можно прочитать во многих книгах о Востоке!

Хозяйка наклонилась и шепнула мне:

— Если у него когда-нибудь и был осел, то ехали верхом его жены, а не он! Я знаю обеих.

По лицу второго торговца было видно, что ему не нравилось поведение спутника. Хозяйка подала еще чаю. Она была рада, что в этой глуши собралось целое общество. Десять лет назад, после смерти мужа, офицера Иностранного легиона, она купила этот отель. Теперь богачи из Марракеша предпочитали Укамеддин, новый зимний курорт, хотя туда значительно труднее добираться. Наша хозяйка жила за счет транзитных пассажиров.

— Ежедневно у меня останавливаются шесть автобусов. Но пассажиры едят немного. Марокко обеднело. Кроме того, каждому шоферу надо дать взятку, а то он остановится в другом месте. Что делать? Приходится изворачиваться! Еще чаю?

Залезая после полуночи в спальные мешки, мы впервые натянули тренировочные костюмы. Занавески мы не закрыли. В свете тусклого месяца склоны скал блестели, как перламутр.

СКАЗОЧНЫЙ БАЗАР В МАРРАКЕШЕ

«Марокко — холодная страна с очень жарким солнцем». Эти слова, приписываемые французскому маршалу колониальных войск Лиоте, как нельзя лучше характеризуют Марокко.

Проснувшись перед трактором в Атласских горах, мы умылись ледяной водой и сварили, чтобы согреться, бульон. Хозяйка приготовила нам на прощание три омлета. Два часа спустя мы уже ехали, засучив рукава и откинув верх, с включенными вентиляторами мимо финиковых пальм, оливковых рощ и апельсиновых плантаций. За нашей спиной остались покрытые снегом четырехтысячники, впереди маячил трепещущий в солнечном блеске силуэт Марракеша.

Завтрак в холодной горной глуши, обед при тропической жаре в окружении всего, что возникает в сознании при словах «тысяча и одна ночь», — это можно испытать только в Марокко.

Марракеш — наиболее «восточный» из всех марокканских городов. Находясь между его стенами, особенно сильно ощущаешь средневековье.

Центр медины, старого города, — Джемаа-аль-Фна — обширная площадь у подножия розоватых четырехугольных минаретов мечети Кутубия, как две капли воды похожей на башню Хасана в Рабате. Кутубия означает «книжная лавка». Когда-то вокруг мечети располагались лавки продавцов рукописей. А Джемаа-аль-Фна, «собрание мертвых», получила свое название потому, что в прежние времена здесь выставлялись головы казненных, насаженные на колья.

Сейчас здесь не видно отрубленных голов. «Собрание мертвых» превратилось в площадь для представлений. Изо дня в день каждый, кто умеет хоть чем-нибудь привлечь зрителей, у кого есть обезьянка, кто научился ходить колесом или увлекательно рассказывать сказки, ищет на площади свободное местечко и демонстрирует свое искусство, а потом, если круг зрителей достаточно велик, собирает с тарелкой или шапкой бакшиш. В зевках недостатка нет. Кажется, после полудня здесь собирается весь Марракеш. Люди, толпящиеся вокруг того, кто читает вслух Коран, словно сошли со страниц Ветхого завета. Женщины в черных покрывалах, бородатые берберы в тюрбанах и ярких джеллябах восторженно ловят каждое слово чтеца. Мудрые худощавые лица некоторых берберов напоминают мне апостолов в изображении Дюрера¹⁶.

¹⁶ Альбрехт Дюрер (1471—1528) — великий немецкий живописец, гравёр, скульптор и архитектор, виднейший представитель искусства эпохи Возрождения в Германии.

Нередко религиозные фанатики из разных сект громко заывают посмотреть выступление их секты, единственной секты, «обеспечивающей блаженство».

Среди тех, кто слушает проповедников и толкователей Корана, почти нет детей и молодежи. Они предпочитают рассказчиков сказок и занятных историй, толпятся вокруг музыкантов, которые демонстрируют обезьянку, пляшущую под звуки гитары из панциря черепахи, смотрят на заклинателей змей, которые играют на флейтах и дудках и тем заставляют целый ансамбль кобр вытягиваться вверх.

Подобно персонажам из сказок, шагают через площадь продавцы воды. Они знают, что их красные, увешанные монетами куртки, широкополые соломенные шляпы, бурдюки из козьих шкур и медные чашки на цепочке притягивают жадных до экзотики туристов. Фотографировать себя они позволяют лишь за хороший бакшиш. Благодаря их бдительности и солидарности перехитрить их почти невозможно. Не успеешь поймать в телеобъектив одного, как другой тут как тут и требует денег!

Жаль, что мы не догадались надеть джеллябы!

Заметив при нашем приближении, что мы туристы, выступающие часто прерывали свой номер и требовали гонорар вперед. Негритянские танцоры (некоторые из них говорили по-немецки, так как работали в цирке Кроне) обязательно хотели, чтобы их сняли на киноплёнку, и требовали в качестве гонорара двадцать дирхамов. А заклинатели змей ни за что не соглашались выманить своих кобр из корзинок меньше чем за десять дирхамов.

Кроме того, нас, иностранцев, постоянно окружала стая попрошайничающих ребятишек, а худые женщины в лохмотьях протягивали нам своих рахитичных младенцев. Маленький полуголый мальчик, ведший за руку слепого деда, старался как можно чаще попадаться нам на пути.

К тому же Дитер еще в начале прогулки совершил ошибку, купив у женщины под покрывалом пеструю шерстяную шапочку. Теперь за нами молча шли двадцать женщин с такими же шапочками в руках. Каждый раз, оборачиваясь, мы видели двадцать пар глаз, с мольбой и отчаянием вззирающих на нас сквозь узкую

Разносчики воды колокольчиком извещают о своем приближении

щель между джеллябой и покрывалом. Ужасная картина!

Мы очнулись ото сна. Рынок из сказки? Нет, это рынок нищеты.

На площади я встретил коллег: писарей. Они сидели на одеялах среди зевак, на коденях у них были доски, рядом лежали ручки и бумага. Их клиенты — неграмотные, которых здесь еще очень много (шестьдесят процентов населения). Если житель Марракеша или деревни в горах Атласа хочет написать прошение, письмо далеким родственникам или составить завещание, он идет на рынок, садится на корточки рядом с писарем и говорит ему, что он хочет сообщить.

Писаря не могут пожаловаться на недостаток связи с народом.

Из профессионального интереса я осведомился у коллег о прейскуранте. Два дирхама за короткое письмо? По сравнению с построчным гонораром в наших районных газетах — совсем не плохо!

В непосредственной близости от этих представителей интеллигенции занимались своим ремеслом гадалки на картах и предсказатели. Гадая по руке или — совсем не на восточный манер — на французских игральными картами, они предсказывали будущее берберкам с Атласских гор.

Суеверность и невежество населения — питательная среда для всевозможных афер.

В лавках на краю площади, у продавцов, разложивших свой товар прямо на мостовой, можно было купить все для задабривания или изгнания духов: мертвых птиц, высушенных жуков, пучок крысиных хвостов, кожу хамелеона, шкуру ежа, мышинные кости... Кроме того, продавались корни и кусочки дерева различных пород, травы и лепестки цветов.

Я попытался выяснить рецептуру у одного из волшебников-фармацевтов. Это очень сложная наука! Для защиты дома от огня надо взять кожу хамелеона, два крысиных хвоста, три корня определенного дерева и еще всякую всячину, что именно — я не понял. Эти ингредиенты толкут в ступе и высыпают в огонь очага. Дух огня чует запах и избегает этот дом. Огнетушитель излишен!

Особые смеси отводят беду от поля, молодой четы, стада овец, колодца. Состав этих волшебных коктейлей определяется тем, каких духов заклинают, каков их характер. Однако чародеям следует соблюдать осторож-

ность: ничтожная ошибка в выборе составных частей или дозировке ведет, говорят, к плохим последствиям.

В Марракеше продаются средства не только против духов, но и от всевозможных болезней. Даже не зная арабского языка, по жестам торговцев легко понять, от чего или для чего эти снадобья: водичка, чтобы забеременеть, мазь от ревматизма, порошок для блеска глаз, порошок от выпадения зубов... Очень выразительная пантомима объясняет действие лекарства.

Один продавец на площади Джемаа-аль-Фна уже перешел к современным методам рекламы: около старенького «фиата» он поставил стол, а рядом повесил микрофон. Он продавал амулеты, кусочки амбры и светло-коричневую жидкость, пользовавшуюся большим спросом, хотя маленький стакан стоил пять дирхамов. Стоявший рядом с нами араб с восторгом говорил, что эта коричневая вода взята из очень священного источника и поэтому имеет целебную силу. Его отец якобы вылечился этой водой. Незадолго до конца базара мы разговорились с продавцом воды. Он сказал, что вполне доволен своим заработком, и тут же налил нам целебной жидкости. Мы запротестовали:

— Не надо, зачем, берегите драгоценную влагу! Мы ведь можем выпить и чаю вон там в кафе!

Продавец сочувственно улыбнулся:

— Но... это ведь тоже чай: мята, тимьян и марракешская колодезная вода. Пейте! Все равно завтра придется варить новую!

С микрофоном продавца на базар в Марракеш пришли новые времена. В ближайшие годы все то, что иностранцы считают старым Востоком, начнет исчезать, уступая место новому. Стоит ли грустить об этом?

Если в ходе «модернизации» исчезнут нищие дети и голодные слепые матери, если люди, сегодня обездоленные, начнут жить по-человечески, я охотно скажу про базар в Марракеше: «Был когда-то».

ЖЕНЫ ПАШИ

Тизин-Тишка: две тысячи двести шестьдесят метров! Наибольшая высота, достигнутая нами за всю поездку!

Этот второй перевал через Высокий Атлас не был предусмотрен. Но однажды вечером мы познакомились

с Джимми Боллеманом, настолько известным в Южном Марокко, что даже в Агадире мы слышали о нем. Джимми — тип ландскнехта, которого история вынесла на край Сахары, как выносит обломки кораблекрушения море. Венгр по происхождению, он в начале войны изучал в Мюнхене архитектуру, затем вступил в войска СС, а после 1945 года нашел пристанище в Иностранном легионе. Выйдя в отставку в чине капитана авиации, он уже десять лет живет в Марокко на пенсию легионера, прирабатывая еще несколько дирхамов в качестве художника, гида и организатора кемпингов.

Сначала мы отнеслись к Ландскнехту очень сдержанно и холодно, но потом почувствовали, что Джимми любит Марокко и смотрит на него уже не глазами колонизатора. Кроме того, он так заманчиво описывал жизнь в «долине касб», что мы, несмотря на недостаток времени, решили принять его приглашение и поехать в Уарзазат.

Перевал Тишка, правда, на сто шестьдесят метров выше, чем Тизин-Тест, но зато не так опасен. Дорога широкая, асфальтированная, «шнурки» сделаны хорошо, подъемы не крутые. Поворотов и здесь хватает. Джимми их однажды сосчитал: две тысячи четыреста пятьдесят на протяжении ста пятидесяти километров.

Время шло незаметно, так как Джимми рассказывал много интересного о том, что открывалось нашим глазам:

— Вон в той желтой крепости паша поселил десять своих любимых жен... По этой подвесной дороге марганцевую руду из Агельмуса доставляют через Атлас. Паша был членом наблюдательного совета.

Этот паша, имя которого не сходит с языка Джимми, — одна из сомнительных фигур новейшей марокканской истории. Его полный титул — Хаджи Тами аль-Мезуари Глави, паша Марракеша. До получения независимости он был абсолютным властителем всего юго-восточного Марокко, от него зависели жизнь и смерть, нищета и богатство людей. Он был противником султана и с первого же дня оккупации верным союзником французов. Западные журналисты называли его за аристократические манеры «последним грандсеньором Высокого Атласа». А он был всего-навсего ловкий разбойник: вождь маленького, но воинственного племени берберов — глави, он постепенно подчинил себе силой огром-

ную территорию и стал мультимиллионером. Одни только заведения в районе публичных домов Марракеша, так называемые *quartiers réservés*, приносили «грандсеньору» астрономические прибыли.

— У него было восемьсот крепостей и замков, — говорил Джимми, — шестьсот жен простых и три главных.

В 1953 году паша Марракеша направил тысячу пятисот вооруженных воинов-берберов к стенам Рабата, чтобы помочь французам бороться с националистами. Но в 1955 году пробил и его час. Он вынужден был преклонить колено перед Султаном Независимости — Мухаммедом бен Юсефом. Снимок исторического коленопреклонения обошел в то время весь мир. Паша ненамного пережил свое унижение. Его сыновья, назначенные после смерти отца «младшими князьями», бежали за границу, а состояние было конфисковано в пользу трона.

И это происходило не в средние века, а всего лишь несколько лет назад.

В Анергане, маленьком городке на середине пути между перевалом Тишка и Уарзатом, мы устроили привал. За длинным столом около стойки ресторана сидели пять женщин в покрывалах — четыре молодые и одна толстая старуха. Их серые джеллябы поражали элегантностью, на запястьях сверкали массивные золотые браслеты, пальцы были унизаны дорогими кольцами.

Входя, мы бросили пристальный взгляд в «смотровую щель» — ответный взгляд сверкнул, подобно молнии. Страна прекрасных глаз!

Знаток Марокко Джимми тут же оценил ситуацию: — Судя по драгоценностям, мать и четыре жены очень богатого человека!

Перед двумя женщинами на столе стояло пиво. Как они будут пить, если их лица закрыты? Я сел так, чтобы иметь возможность наблюдать за ними. Все оказалось очень просто: левая рука подняла покрывало, правая поднесла стакан ко рту. Выглядело это несколько комично. Затем одна женщина потянулась еще и к портсигару. Что же дальше? Дама спустила покрывало до подбородка, показался хорошенький вздернутый носик и искусно покрашенный рот.

Альфред поднял фотоаппарат, но дама энергично запротестовала:

— Пожалуйста, не надо.

Она показала на обручальное кольцо.

Мы разочарованно повернулись к стойке. Хозяин, мывший стаканы, с лицемерным сочувствием произнес:

— Может, желаете пройти с одной из дам в/отдельный кабинет?

От удивления я не нашел ничего более умного, чем спросить:

— Разве это удобно?

— Но это же танцовщицы из Марракеша.

— Сколько это будет стоить? — Мой интерес был чисто теоретический. Хозяин подошел к столу, наклонился и что-то шепнул женщине со вздернутым носиком.

И вот та, которая только что протестовала против фотографирования, показывая на обручальное кольцо, повернулась ко мне и с невинной улыбкой рафаэлевской мадонны произнесла:

— Пятьдесят, мосье!

Пятьдесят дирхамов? Мадам знает себе цену.

Джимми громко вздохнул.

— Этого я не ожидал!

Его огорчило, что он — знаток Марокко — попал впросак.

Двадцать лет назад в Марракеше было наибольшее из всех городов мира число проституток (в процентах к числу населения). Когда после провозглашения независимости публичные дома, принадлежавшие паше, были закрыты, часть безработных «дам» стала танцовщицами и с тех пор практикует самостоятельно.

Толстая матрона сбросила покрывало и закурила:

— Господа! Нам надо вернуться в Марракеш. Может, вы возьмете нас с собой?

К сожалению, мы ехали в противоположном направлении. И кроме того, эта «поклажа» была бы слишком большой нагрузкой для нашего «Баркаса»!

КАСБА ТАБУД

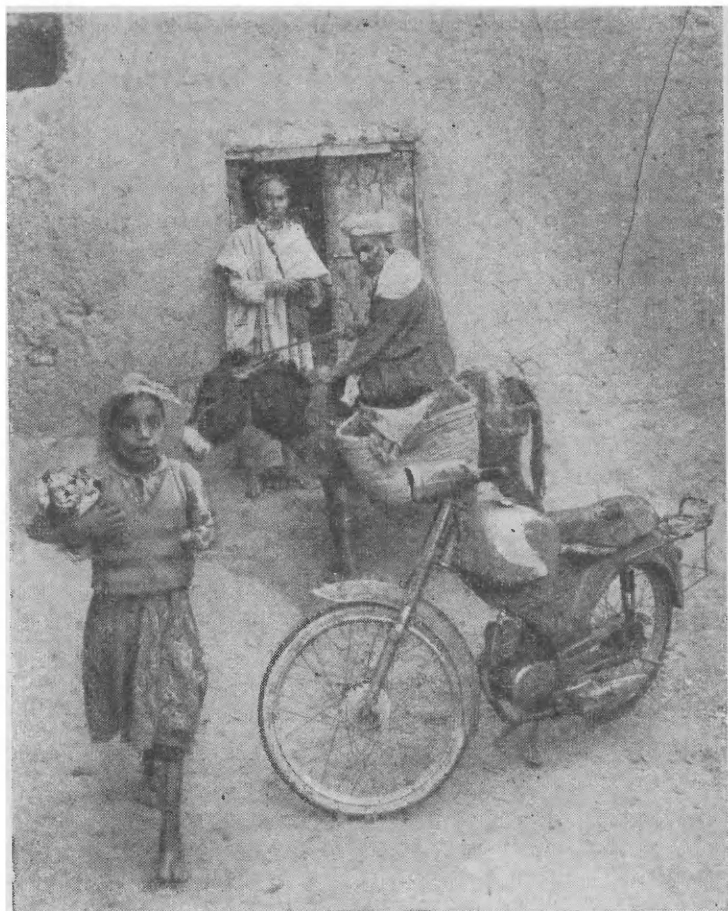
Уарзат — провинциальный город и ворота знаменитой «дороги касб», то есть вытянувшегося параллельно Атласу по краю Хаммады ряда лучше всего сохранившихся и красивейших касб Марокко.

Касба — это укрепленное селение, деревня-крепость. Одни селения насчитывают сто—двести жителей, в других живет несколько тысяч человек. Касба напоминает средневековые немецкие города: они также были защищены высокими стенами, по углам которых возвышались мощные сторожевые башни. Построенные из песка и глины, касбы почти не выделяются на фоне окружающего ландшафта. Джимми, некогда учившийся в архитектурном институте, назвал их архитектурными хамелеонами. Касбы взбираются на холмы, лепятся по склонам, так что крыша одного дома часто оказывается двором другого. Из-за надстроек и пристроек подчас трудно разобрать, где начинается один дом и кончается другой. В узких и кривых улочках почти невозможно идти рядом. Кое-где улицы, вернее ходы, проложены под домами. Здесь приходится шагать с величайшей осторожностью, чтобы не оступиться в вонючую сточную канаву. Тем не менее марокканские касбы обладают своеобразным очарованием. Их узкие, вытянутые к небу дома напомнили мне кубистическую графику.

В касбе Табуд, что находится напротив Уарзата, мы разыскали приятеля Джимми — Мулая. Он разъезжает на тяжело груженном старом велосипеде по деревням и продает безделушки. Даже Джимми с трудом отыскал его жилище. Маленький мальчик проводил нас до дверей, оттуда мы по полуразвалившимся глиняным ступеням и приставным лестницам поднялись через две крыши к надстройке, напоминавшей башню. Здесь Мулай с женой и четырьмя детьми занимал две низкие комнаты. Железная кровать, два стула, колченогий стол, несколько полок и куча матрацев — вот и вся обстановка. На глинобитной стене в качестве единственного украшения, как ни странно, висит календарь... нашего народного предприятия — Берлинского электролампового завода.

Наш приход почти не удивил Мулая, во всяком случае, если он и удивился, то никак этого не показал. Сразу же после приветствий он присел на корточки в углу и попытался привести в действие древний бензиновый примус, чтобы согреть воды для чая.

Жена Мулая — Фатима показала нам очень красивой. Как и все берберки, она не закрывала лица. Поверх красных шаровар на ней было светло-зеленое вылинявшее платье, ярко-желтый шарф и платок того же цвета.

В касбе Табуд

Она сидела на крыше-дворе и месила на плоском камне тесто: мука, соль, немного воды.... Сделав из него колочки величиной с кулак, она круглым камнем раскатывала их в лепешку.

Мы едва успели, сидя на краешке кровати, выпить по чашечке чаю, как в дверях появилась Фатима с широкой и плоской лубяной корзиной на голове: она несла лепешки в пекарню. Мы пошли ее проводить. Грациозно,

словно танцовщица на канате, спускалась Фатима по лестницам. Корзина на ее голове даже не шелохнулась!

Около пекарни судачили пестро одетые женщины — их было около двадцати, не меньше. В глиняной печи справа горели эвкалиптовые дрова. Пекарь нашлепывал лепешки на гладкие доски овальной формы и ненадолго засовывал в печь. Как только на лепешках появлялись пузыри, он сразу же вынимал доски из печи. Хлеб готов. Лепешки — хубз — свежие очень вкусны, сухие похожи на пергамент.

Недалеко от пекарни, за стенами города, двоюродный брат Мулая строил себе новый дом. На участке в пять квадратных метров на расстоянии тридцати сантиметров одна от другой поставлены две низкие стенки. Молодой босоногий бербер смешивает рядом со стройкой красный песок с соломенной сечкой, мелкими камнями и водой. Эту смесь он закладывает между стенками, а родственник Мулая утрамбовывает ее деревянной кувалдой. Высохнув, стены станут прочными, как кирпичные.

Таким же примитивным способом строились старые касбы сотни лет назад. Они еще и сегодня противостоят ветру и дождю!

Прогулка по касбе казалась визитом в средневековье, пока Мулай не привел нас на холм у южных ворот, к школе. С гордостью рассказал он, как год назад жители сообща построили два домика для школы. Добровольно и безвозмездно! Стены, сделанные, правда, из глины Хаммады, были уже побелены. Рядом с мрачным коричневым селением этот скромный холм с белоснежными школьными строениями был как бы кусочком лучшего будущего.

Мы заглянули в окна. Шестилетние дети сидели рядом с подростками и с фанатичным упорством учили буквы. Все были так поглощены своим делом, что нас никто не заметил.

Эти дети научатся читать, смогут сравнить свою жизнь с жизнью других людей и задумаются о причинах еще существующих различий. Когда-нибудь они восстанут и изгонят из касбы средневековье!

На обратном пути в касбу около ворот мы встретили своеобразное шествие: позади запряженной ослом двухколесной тележки, в которой между двух туго набитых мешков лежала связанная овца, шли пятнадцать женщин в яркой праздничной одежде. Одни несли на головах корзины, другие выбивали на табурах — узких глиняных сосудах, затянутых кожей, — дикие ритмы. Время от времени женщины, скандируя, пели.

— Хотите присутствовать на помолвке? — спросил Мулай. — Я знаю невесту. Ее будущая свекровь только что приехала на автобусе, и вот ее встречают.

— Охотно, если можно!

Следуя за разукрашенной повозкой, мы обошли вокруг деревни. К шествию присоединялось все больше женщин. У дома, находившегося наполовину под землей, шествие остановилось. Женщины образовали полукруг, в центре которого стала мать жениха. Когда в дверях дома появилась пожилая женщина («Мать невесты!» — шепнул Мулай), свекровь сделала несколько глубоких поклонов и что-то сказала, показывая на мешки и овцу. Мать невесты поклонилась и жестом пригласила женщин войти.

— Овца и мешки с мукой и сахаром — это подарки семьи жениха, ее вклад в свадебное торжество, которое состоится через месяц, — пояснил Мулай с помощью Джимми, который выполнял роль переводчика.

— А где же жених? И его отец? — Кроме деда и подвозчика не было видно ни одного мужчины.

— Мужчины обоих семейств в это же время празднуют помолвку в доме жениха, в Айт-Урире, деревне по дороге в Марракеш. О выкупе за невесту главы семей договорились несколько недель назад.

Дед позвал нас в дом и в маленькой комнатухе подал мятный чай.

Рядом, в более просторном помещении, застеленном коврами, сидели женщины и пели в экстазе под звуки тамбурина, походившие на звуки тамтама. В музыке берберов явно проявляется влияние соседей, живущих на юге Сахары.

Через открытую дверь мы видели все, что происходило в комнате женщин. Ввели девушку, с ног до головы закутанную в белые покрывала. Покачиваясь в такт му-

зыке, она сбросила первое покрывало. В эту минуту дверь в нашу комнату захлопнулась. Все последующее—табу для посторонних мужчин.

Мулая забавляло наше разочарование:

— Это была невеста! Теперь все рассматривают ее свадебный наряд!

Мы воспользовались случаем, чтобы расспросить Мулая о свадебных обрядах берберов.

— О браках договариваются старшие члены обоих семейств. Они определяют выкуп за невесту, который отец жениха платит ее отцу. Мой отец уплатил за Фатиму триста пятьдесят дирхамов, больше у него не было. У богатых выкуп больше.

— А жениха и невесту спрашивают, согласны ли они вступить в брак?

— Да. С недавнего времени спрашивают, вернее, должны спрашивать. Когда чета приходит регистрироваться, жениха и невесту спрашивают, хотят ли они стать мужем и женой. Но этот порядок далеко не всегда соблюдается. За меня «да» сказал отец, я в то время работал в Рабате.

— А как обстоит дело с разводом? — поинтересовался я. — Имеет ли силу старый закон шариата, по которому мужу достаточно три раза сказать «талак»¹⁷, чтобы жена покинула дом?

Мулай задумался. Очевидно, у него еще не возникала мысль о разводе с Фатимой.

— Нет, теперь супругам надо идти к кади¹⁸, и ему муж объясняет, почему хочет развестись. Впрочем, он всегда бывает прав. Если со свадьбы прошло меньше года, он обязан возратить выкуп. Мужчина решает, с кем останутся дети. Если они остаются с матерью, отец должен платить за их содержание. Иногда разведенная жена продолжает жить в доме мужа.

Дед принес тарелку со сладким печеньем. Мы взяли его с опаской: марокканское печенье слишком сладкое и жирное на наш вкус, при одном взгляде на него начинается изжога.

Рокот барабана смолк.

— Что еще произойдет здесь сегодня?

¹⁷ Т а л а к — развод (араб.).

¹⁸ К а д и — мусульманский судья, руководствующийся шариатом, т. е. установлениями Корана и исламской традицией.

Помолвка у берберов

— Ничего. Все наедятся досыта, обсудят, что будут готовить к свадьбе, немного поболтают, а потом мать жениха уедет домой. К автобусу ее проводят с музыкой.

Чувствуя, что мешаем скромному празднику женщин, мы вскоре попрощались и ушли, пожелав дедушке, чтобы ему не пришлось в будущем году возвращать выкуп за внучку.

При закате солнца мы сидели на веранде «Гранд отель дю зюд» в Уарзазате, смотрели на Сахару и наслаждались игрой красок. Наступал «лиловый час». Гряды холмов Хаммады ежеминутно меняли цвета. Охра и ржаво-коричневый тон постепенно перешли в разнообразные оттенки лилового, через несколько минут они загорелись темно-красным светом, а затем растворились в темной синеве ночи.

Мы сидели у западной оконечности Сахары. В ближайшие месяцы мы намеревались проехать по краю этого величайшего песчаного моря. Когда-то доберемся до его восточного края?

ГАШИШ В «КОНСЕРВНОМ ГОРОДЕ»

Мы снова приближались к побережью Атлантического океана — и тут начался дождь! Так нам и не удалось увидеть при солнечном свете «консервный город» — Сафи.

Порт, занимающий одно из первых в мире мест по вывозу сардин, выглядел совсем серым. Строящийся химический комбинат — гордость марокканской экономики — едва виднелся в густом тумане. Над мостовой пристани клубились испарения, пружички были одеты в коричневые непромокаемые куртки и зюйдвестки.

Примерно восемьдесят катеров стояло у пирса. Они как раз вернулись с ночного лова и привезли макрель. Лов сардин уже окончился. Еще в катере барахтающуюся добычу лопатами накладывали в ящики, а затем грузили, передавая из рук в руки, на машины. Улов, по-видимому, был хороший, работа спорилась. Грузчики и рыбаки перекидывались шутками, часто смеялись. Такое мы видели в Марокко впервые.

Пока Альфред и Дитер снимали фильм, двое рыбаков пригласили меня выпить мятного чаю в ветхой лачуге. Тесно, «как сардины», сидели рыбаки за деревянными, до блеска выскобленными столами, пили чай и закусывали хуззом, оливками и помидорами. Они тотчас потеснились, давая нам место, и я сразу почувствовал

¹⁹ Шерифы — буквально «благородные», «знатные» (араб.). Так называют во всем мусульманском мире лиц, ведущих свою генеалогию от пророка Мухаммеда. Правящая ныне в Марокко Филемийская династия возводит свое происхождение к аль-Хасану, внуку пророка, и носит титул шерифов. В старину Марокко даже называли «шерифской империей».

себя хорошо в их кругу. Здесь не было и следа фальшивого раболепия перед иностранцами, которое мы замечали порой кое-где в Марокко.

Рыбаки Сафи сознавали свою силу и со мной, иностранцем, вели себя как с равным.

Когда я предложил сигареты, они только улыбнулись в ответ, а старый рыбак, которого все величали «патроном», протянул мне узкую, покрытую орнаментом трубку с глиняной, не больше ногтя, головкой. Такие трубки продавались в Марракеше для курения опиума.

— Гашиш? — спросил я.

Все рассмеялись:

— Да, да, киф!

Ну, разок нужно попробовать!

Едва я сделал две затяжки, рыбак вырвал у меня трубку изо рта. Как по волшебству исчезли и остальные трубки. Что случилось? На стол упала тень. В дверях стоял полицейский. Он понимающе усмехнулся, сел за стол, заказал себе чаю.

Вместо того чтобы перенестись в мир сновидений, я попытался расспросить рыбаков об их заработках и условиях труда. В закуской сразу стало оживленно. Один рыбак писал мне цифры на коробке от сигарет, рассказывал о ценах на растительное масло, о вычетах, о стоимости сетей. Второй отнял у него коробку, перечеркнул все расчеты и написал другие цифры: доля рыбаков, социальный фонд, профсоюз... В конце концов рыбаки начали спорить между собой, но не зло, а скорее так, как спорят у нас, составляя какую-нибудь резолюцию. Постепенно я догадался о причинах спора: я сидел рядом с «патронами», то есть владельцами катеров, и их экипажами.

Поскольку обе «фракции» не могли договориться, спор окончился поистине соломоновым решением: я должен посетить мосье Барака — руководителя профсоюза. Он специалист по вопросам заработной платы и сможет гораздо лучше все объяснить...

Я рассмеялся. С мосье Барака мы уже условились встретиться в двенадцать часов. До этого у нас еще было время посетить консервную фабрику. Али, рыбак с перевязанной левой рукой, взялся нас сопровождать.

Вслед за грузовиком, нагруженным макрелью, мы поехали к обрывистому берегу в южной части города.

Перед воротами фабрики стояла длинная очередь женщин под покрывалами.

— Они сегодня опоздали, — объяснил Али, — и не получили работы! Надеются, что, может, еще будут раздавать рыбные отходы.

Управляющий фабрикой повел нас в большой зал. У двух длинных конвейеров стояло более двухсот женщин, преимущественно очень молодых. Здесь они сняли покрывала. Быстрыми движениями брали они с конвейера макрель, чистили ее и укладывали по пять штук в жестяные коробки. На конце конвейера коробки закрывали ручным прессом и устанавливали на проволочные рамы, на которых они пройдут стерилизацию в паровом котле.

— Сколько женщин работает на фабрике постоянно? — спросили мы управляющего.

— Кроме двух сотрудниц конторы, постоянных работниц нет. Когда привозят улов, перед воротами фабрики ждет достаточно женщин. И я нанимаю столько, сколько мне нужно в этот день. За смену платят пять дирхамов.

Али не терпелось дополнить управляющего:

— Часто перед воротами фабрики разыгрываются душераздирающие сцены. Ведь если женщина не получит работы, то в большинстве случаев это означает, что несколько дней вся семья будет голодать!

— А сколько дней в году работает фабрика?

— Это зависит от улова. В среднем около ста пятидесяти.

— Женщины и девушки, к сожалению, еще не члены профсоюза и потому беззащитны перед произволом предпринимателя! — пояснил нам немного позднее мосье Барака. — Одна из важнейших наших задач — улучшить судьбу «консервных девушек», хотя, собственно говоря, это не входит в наши функции.

Барака, мужчина лет тридцати, похожий на ученого, — один из самых известных и популярных профсоюзных деятелей Марокко, несмотря на молодость. Он возглавляет профсоюз рыбаков, входящий в состав левого объединения профсоюзов — Марокканского союза труда. По-видимому, его огорчило, что мы в самом начале разговора затронули еще не решенную проблему «консервных девушек». Ведь его профсоюз может похвастать большими достижениями! С подчеркнутой деловитостью

рассказал он, как трудно было вначале организовать рыбаков, рассказал о росте профсоюза с момента его основания в год провозглашения независимости, о забастовках, об упорных переговорах с хозяевами и правительством, в результате которых был создан социальный фонд и принят закон об обязательном страховании.

— Мы добились того, — сказал он с законной гордостью, — что рыбаки стали участвовать в прибыли от улова. Теперь хозяин получает только сорок процентов выручки — из этой суммы он должен покрыть еще и текущие расходы, — а шестьдесят процентов распределяется среди рыбаков. Такое положение существует только в Марокко.

Когда Барака прощался с нами на террасе своего маленького бюро, я еще раз посмотрел на лес мачт в порту. Теперь я знал, в чем причина гордости и уверенности в себе, которые чувствовались в рыбаках. И в этот момент мне пришло в голову, что в порту Сафи впервые в Марокко у нас ни разу не попросили милостыни.

ЗОЛОТО ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ

Красно-желтый песок — его химическая формула $P_2O_4Ca_3$, — именуемый специалистами трикальцийфосфат, — богатство, «золото» Марокко.

Оно находится в ведении «Офис шерифьен де фосфат» — сокращенно ОШФ. Эти три буквы — волшебная формула для дельцов, желающих вести торговлю с шерифским королевством. Ведь фосфаты имеют для Марокко то же значение, что сахар для Кубы, медь — для Кипра, гвоздика — для Занзибара.

Главное месторождение «марокканского золота» — район Хурибги, примерно в ста километрах к юго-востоку от Касабланки. Здесь ежегодно добывается около девяти миллионов тонн фосфата — сырья для высококачественного удобрения и других химических продуктов. Его доставляют по железной дороге в порт Касабланки, а оттуда — во все страны мира. Филиал шерифской сокровищницы находится в Юсуфии. Добываемые там три миллиона тонн фосфата перевозятся по воде за семьде-

сят километров в порт Сафи. Вскоре часть из них будет перерабатываться на химическом комбинате в Сафи, который сейчас строится.

Марокко добывает и экспортирует около двенадцати миллионов тонн высококачественного фосфата. А за одну тонну на мировом рынке платят двенадцать-тринадцать долларов!

«Офис шерифьен де фосфат» основан в 1921 году французской колониальной администрацией, чтобы покрывать личные расходы султана на содержание его двора и учреждений. И сейчас ОШФ — государственное, точнее, королевское предприятие, что видно уже по его названию.

Когда мы посетили Хурибгу, там уже знали, что мы прибыли по рекомендации центра ОШФ в Рабате. Это имело свои преимущества. Нас сразу же принял директор и рассказал о развитии комбината и его значении; обедать пригласили в клуб инженеров. Кроме того, к нам прикрепили в качестве ученого «гида» старшего инженера Готье.

Он немного говорил по-немецки, потому-то выбор и пал на него. Готье не ограничился ролью рупора дирекции, а проявил понимание социальных проблем.

В районе Хурибги фосфаты добываются двумя способами: в карьерах и в шахтах. Сначала мосье Готье повез нас за сорок километров в Уэд-Зем, где добыча производилась открытым способом. Мы ехали между конусами терриконов, которые казались необозримыми, вдоль железнодорожной колеи и крытых транспортеров до холма, с которого огромный грейдер сдирал кожу. Здесь ценные восьмидесятидвухпроцентные фосфаты залегают на глубине примерно одного метра. Стоило снять тонкий слой земли, на поверхности показывалось красно-желтое «золото». Его оставалось только увезти.

Готье провел нас по обогатительной фабрике, в промывочную, в сушильные цеха, в лаборатории... На нас обрушилась столь подробная лекция о химии фосфатов, что наши бедные головы, не выдержав, начали болеть.

Мы попытались прервать инженера и заговорить с водителем экскаватора, но, к сожалению, без переводчика сделать это было невозможно. Мосье Готье улыбнулся:

— Думаю, что смогу сам удовлетворить ваше любопытство: квалифицированные рабочие и водители меха-

низмов получают в день двадцать дирхамов, неквалифицированные — двенадцать-пятнадцать... ОШФ предоставляет им оплачиваемый отпуск — двадцать один день, они живут в дешевых квартирах предприятия, врачебная помощь бесплатная. Все довольны.

Наш скептический вид доставил инженеру Готье явное удовольствие. Выждав немного, он добавил:

— Так хорошо, как рабочим, добывающим фосфаты, не живется никому из марокканских рабочих. Их избаловала администрация протектората, а сейчас балует марокканское правительство.

Мы подумали, нельзя ли заменить слово «избаловала» более метким — «подкупила». Мосье Готье, видимо, отгадал нашу мысль.

— На шерифской сокровищнице нельзя допускать забастовок, — сказал он. — Они имели бы катастрофические последствия для марокканской экономики.

КАМНИ АЛЛАХА

На обратном пути из Уэд-Зема в Хурибгу инженер Готье внезапно попросил нас остановиться на правой обочине дороги и выйти из машины. Мы стояли на меже: кучи камней разделяли два больших поля. Левое выглядело как пирожное: на красно-бурой земле в лучах заходящего солнца блестело бесчисленное множество камней и только кое-где скупно проглядывали зеленые ростки. Правое поле, чистое и хорошо вспаханное, напоминало газон — так ровно и дружно всходили там озимые.

— Два поля с одинаковым составом почвы, — сказал инженер. — Но правое еще принадлежит французу, так называемому колонисту, а левое — марокканцу. Я никак не хочу впасть в высокомерие колонизатора, но вам видна разница между ними. Мне не раз приходилось быть свидетелем того, как агрономы пытались убедить марокканских крестьян убрать камни. Ответ неизменно гласил: камни разбросал аллах, и к тому же они задерживают влагу в почве.

Мы вспомнили двух крестьян, которых видели в первый день пребывания в Марокко. Они пахали усеянное камнями поле плугами, каждый из которых тянули в од-

ной упряжке верблюд и вол. В памяти всплыло замечание товарища Али Ята об упадке сельскохозяйственного производства после провозглашения независимости.

— Мы много раз пытались продемонстрировать крестьянам ближних деревень замечательное свойство фосфатов увеличивать урожайность, — продолжал Готье. — На глазах у крестьян мы удобряли фосфатами одно из их полей и собирали с него тройной урожай. Что же говорили крестьяне? «На этом поле благословение аллаха!» Влияние имамов сильнее науки.

Нет, не высокомерие колонизатора привело мосье Готье к такому выводу. Он был искренне озабочен тем, что могучие силы науки не могут еще победить суеверие и тупость крестьян. Рискуя обидеть француза Готье, я, однако, заметил:

— А разве в отсталости или, если хотите, глупости марокканского крестьянина нет вины французской администрации протектората?

Мосье Готье не обиделся:

— Ну, допустим... Правда, во времена протектората здесь строились дамбы, дороги, железнодорожные линии, города, но статистика народного просвещения позорна, этого нельзя отрицать. Однако не поймите меня, пожалуйста, ложно. То, о чем я вам рассказывал, происходило уже после того, как Марокко получило независимость, и инициатива принадлежала правительству. Оно спасовало перед собственными имамами.

Инженер Готье резко повернулся и перешел на другую сторону дороги. Он указал на терриконы, на далекие трубы фосфатного завода:

— Там сокровища, способные удесятить урожай. Но вот что говорит статистика: с 1956 года, года провозглашения независимости, использование отечественных фосфатов в стране снизилось с двух до двух десятых процента — в десять раз! И обратите внимание на цифры, говорящие о непрерывном снижении урожайности в сельском хозяйстве Марокко.

Нет пророка в своем отечестве! Эти слова невольно пришли нам на ум, хотя мосье Готье и не марокканец. Инженер был озабочен тем, что результаты его трудов не использовались в стране, где он работал. И это говорило в пользу мосье Готье!

ОЛИВЫ И АПЕЛЬСИНЫ

Поездка по северу привела нас в третью сокровищницу Марокко — в плодородные провинции Мекнес и Фес. Они не менее важны для марокканского хозяйства, чем залежи фосфатов и рыбные богатства Атлантики. Ведь восемьдесят процентов марокканцев заняты в сельском хозяйстве.

Чуть ли не к самой королевской столице Рабат-Сале подходит Мамора — огромный лесной массив пробкового дуба. Мы гуляли по редкому лесу и срезали себе на память кусочки пробковой коры. Посетить фабрику, где обрабатывают кору пробкового дерева, сейчас не имело смысла. Сезон работ еще не начался.

Мы проехали километров тридцать. Лес остался позади, местность стала холмистой, жирно блестели красно-бурые плодородные поля. На склонах раскинулись селения и плантации апельсинов. Дороги были обсажены оливковыми деревьями. Местность напоминала Среднюю Саксонию.

— Как будто едешь из Нидербобрича в Обербобрич! — заметил Дитер.

Чем ближе мы подъезжали к столице провинции Мекнес, тем чаще встречались нам плантации цитрусовых. Где-то здесь находились огромные апельсиновые рощи короля Марокко. Когда Мухаммед бен Юсеф был в изгнании, они служили важнейшим источником доходов многочисленной султанской семьи.

Мы остановились в широкой долине. С деревьев по краям дороги собирали оливы. Двое рабочих ударяли палками по кронам деревьев и сшибали плоды. Одновременно ломались ветки и молодые побеги. Агроном в Касабланке сообщил нам, что от этого гибнет треть будущего урожая. Уже есть машины для сбора оливок, но в Марокко мы ни одной не видели в работе.

Две группы женщин, по пятнадцати человек в каждой, ползали на коленях в придорожных канавах и собирали опавшие плоды. Мрачный мужчина в черной джеллябе шагал, опираясь на большую палку, взад и вперед и следил за тем, чтобы сборщицы работали быстро и без остановок. Стоило одной женщине на секунду выпрямиться, как он яростно стучал палкой по асфальту. Он арендовал у правительства аллею оливок на один год и старался собрать как можно больше плодов. Мы попы-

тались обратить его внимание на то, что рабочие ломают ветки, но он лишь пробормотал:

— Ишаллах²⁰... может быть. Но в будущем году мне выделяют участок в другом месте.

Он взглянул на часы, отошел к канаве, расстелил маленький коврик и принялся молиться, но, даже кланяясь и падая на колени, он все время искоса поглядывал на сборщиц. Ни одной секунды оплаченного им рабочего времени не должно было пропасть из-за молитвы.

— Поистине благочестивый человек!

Это замечание на немецком языке мы никак не ожидали здесь услышать! У ворот апельсиновой плантации, справа у дороги, стоял молодой блондин и улыбался. Его тоже забавлял вид молящегося эксплуататора.

Специалист по цитрусовым, говорящий по-немецки? Вот удача!

— Нельзя ли осмотреть плантацию?

— Конечно можно! Меня зовут Пьер.

Альфред показал на дерево, сплошь усыпанное плодами, как наш белый налив в самые урожайные годы:

— Можно сорвать? Еще ребенком я мечтал съесть апельсин с дерева, а еще лучше — сорванный украдкой.

Пьер улыбнулся:

— Рвите. Здесь действует неписанный закон — каждый гость может сорвать на апельсиновой плантации столько фруктов, сколько сможет съесть на месте.

Мы открыли перочинные ножи, попробовали фрукты и единодушно решили: сорванный собственноручно апельсин имеет совсем другой вкус, чем купленный! Какой другой? Ну... именно, как сорванный!

Семь месяцев в году здесь можно есть свежие апельсины, объяснил Пьер. Все это время с деревьев снимают зрелые плоды. Апельсиновое дерево плодоносит с восьмого года и дает сто—сто пятьдесят килограммов апельсинов. После тридцатого урожая оно становится нерентабельным. На одном гектаре хорошей земли можно посадить пятьсот деревьев.

Пока Пьер сообщал нам эти сведения, мы подошли к главному зданию фермы. Арабы укладывали на грузовики ящики с апельсинами, а в темном помещении стучала сортировальная машина. Апельсины катились по

²⁰ Ишаллах — традиционная мусульманская формула, означающая: «Если будет угодно аллаху» или «Если аллах пожелает, то...».

конвейеру сквозь целую систему валов со щетками, которые их чистили и полировали. Весело было смотреть, как подпрыгивают на конвейере блестящие шарики. В конце они проходили через доски с отверстиями — сортировались по величине, после чего женщины упаковывали их в ящики. На стенах висели схемы, показывавшие, как укладывать апельсины различной величины.

Хозяин плантации, седовласый человек лет семидесяти, пригласил нас выпить кофе. Он рассказал, что вместе с отцом заложил плантацию в 1920 году и с тех пор постоянно ее увеличивал. Сортировальная машина принадлежит десяти французским плантаторам.

Мы поинтересовались, не боится ли он, что владения французов будут здесь конфискованы, как в Алжире и Тунисе.

— Не посмеют, — заявил хозяин гордо. — Марокканское правительство нуждается в налогах, которые мы платим, и во французских кредитах.

Характер наших вопросов удивил Пьера. По дороге к машине он внезапно спросил:

— Вы что, из ГДР?

Когда мы ответили утвердительно, он сердечно пожал нам руки.

— Я член коммунистической партии Франции!

— Вы разве не сын хозяина? — Нас смутило то, что все работники выказывали ему подчеркнутое уважение.

— Нет... Я изучаю германистику и англосаксонскую филологию в Сорбонне и два года обязан отработать в качестве учителя вон в той маленькой деревне за поворотом. Солдат без оружия, так сказать.

Видите ли, умный Хасан попросил французское правительство предоставить в его распоряжение несколько тысяч школьных учителей. А во Франции существует закон: военнообязанный, который не хочет служить в солдатах, может вместо этого отработать два года в так называемой развивающейся стране. А кто во Франции меньше всего заинтересован в том, чтобы служить в деголлевской армии? Коммунисты! Вот и получилось, что почти восемьдесят процентов учителей, присланных из Франции в Марокко, — коммунисты...

Пьер от души рассмеялся:

— Вряд ли Хасан II мог предвидеть, что его просьба к де Голлю будет иметь такие последствия.

Теперь уж, конечно, нам не хотелось уезжать. Не-

сколько часов просидели мы в машине за шосолеем — терпким местным вином, горячо споря о Брехте и Ануйе, Сартре и Бёлле, Арагоне и Анне Зегерс... Разговор германистов возле апельсиновой плантации в Марокко!

МЕДРЕСЕ И МЕЧЕТИ

Вид с гробниц Меринидов²¹ на Фес с его многочисленными башенками можно сравнить по красоте только с панорамой Иерусалима, открывающейся с горы Олив. Среди мягко очерченных холмов, поросших деревьями, лежит, как в керамической чаше, старый город. Бело-желтые дома тут и там перемежаются зелеными садами. Украшенные мозаикой, сверкающие минареты отбрасывают длинные тени. Как драгоценный камень, блестит в центре города пирамидальная медная крыша мечети Карауин.

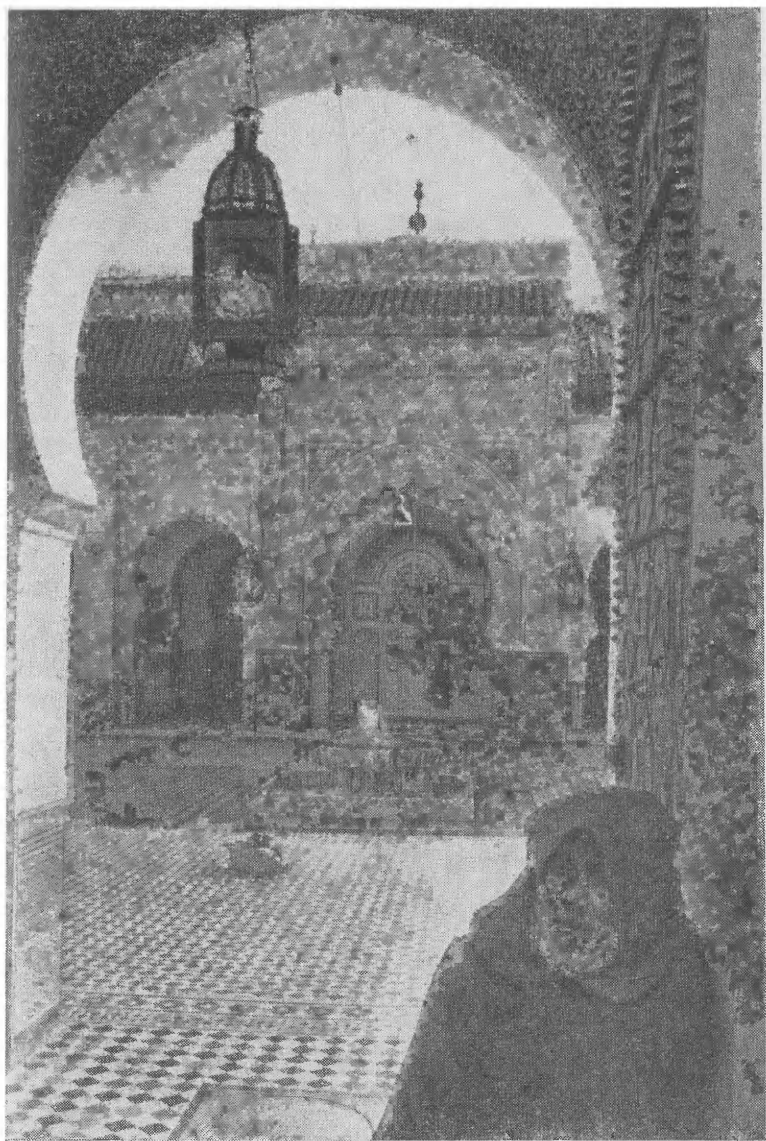
Мы сидели на веранде маленького кафе, выкрашенного в синий цвет, вблизи гробниц Меринидов, не в силах оторваться от волшебного вида. Ожидали доктора Ибрагима — молодого врача, с которым познакомились утром.

О чем мы спросим врача? Фес во всех книгах называют духовным центром Марокко. Весь день мы пытались почувствовать это, но безрезультатно.

Лабиринт переулочков Фес аль-Бали, старого Феса, запутан больше, чем все базарные кварталы, виденные мной. В бесконечных зигзагах, поворотах, перекрестках, спусках и подъемах теряешь ориентацию. Мы плутали по рядам торговцев домашней утварью, пряностями, косметикой, наблюдали столяров и горшечников, промочили ноги в переулках, где работали красильщики, приценивались к серебряному подносу у чеканщиков в кисарии — огороженном квартале, наподобие берлинского Маркт-халле...

В узком переулке мы внезапно очутились перед прекрасными воротами из кедрового дерева. Это был один из двадцати входов в мечеть Карауин, раскинувшуюся на шестнадцать тысяч квадратных метров в лоне старо-

²¹ Мериниды (1269—1465) — правившая в Марокко династия берберских эмиров, сделавших Фес столицей страны.

*Священный Фес.
Один из двадцати входов в мечеть Карауин*

го тесного города. Настоящий город в городе! Бросив из темноты переулка беглый взгляд в ворота, мы были буквально ослеплены блеском разноцветной изразцовой мозаики. Вокруг большого фонтана, среди целого леса колонн, на полу, выложенном плитками, располагались верующие...

Эту картину мы смогли наблюдать только несколько секунд: появившийся сторож гневно закричал, чтобы мы проходили быстрее.

Марокканские мусульмане принадлежат к маликитскому толку суннитского ислама, который особенно строго соблюдает все обряды и ритуалы и закрывает свои религиозные учреждения от инаковерующих.

В других странах Арабского Востока чужестранцы могут, сняв обувь и проявив должное уважение к восточным обычаям, войти в мечеть. В Марокко даже взгляд, брошенный через ворота, считается святотатством²².

Карауин в Фесе — самая большая мечеть Северной Африки и одновременно университет. Он основан в 859 году, следовательно, является самым древним университетом мира. Веками был он центром арабской науки, литературы, философии, права и искусства. Университет гордился самой большой библиотекой классических рукописей, благодаря которой Запад познакомился со многими произведениями древности. Здесь преподавали видные ученые — Ибн Халдун, Лев Африканский, Маймонид²³...

²² Немусульманам точно так же воспрещен вход в мечети Ирака и Аравийского полуострова.

²³ Абдаррахман Абу Зейд ибн Халдун (1332—1406) — выдающийся арабский историк и философ, занимавший высокие государственные должности в различных султанатах Северной Африки и Гранадском эмирате (в арабской Андалусии), а последние 20 лет жизни — в Каире. Автор большого труда («Китаб аль-ибар») по истории арабов, берберов и соседних народов.

Лев Африканский (настоящее имя — Хасан ибн Мухаммед аль-Ваззан, примерные даты жизни 1495—1550) — знаменитый средневековый ученый и путешественник, исследователь Африки и Азии, автор «Описания Африки», переведенного им самим с арабского на итальянский (во время жизни в качестве пленника при дворе папы римского Льва X).

Маймонид [Моисей бен Маймун бен Иосиф (1135—1204)] — крупный средневековый философ, врач, теолог и юрист. В 1148—1165 гг. жил в Фесе, где изучал медицину. В дальнейшем был личным врачом знаменитого египетского султана Салах ад-Дина (Саладина). Большинство сочинений Маймонида написано по-арабски.

И сейчас еще Карауин — одно из самых священных мест ислама после Мекки, Медины, Иерусалима и Кайруана. Карауин — «хорм», то есть священный, неприкосновенный. Любой человек, даже совершивший тяжкое преступление, может найти здесь убежище. В стенах Карауина он не подвержен земному правосудию.

Этот закон нарушался только два раза: в 1937 году французский генерал Ногес приказал своим войскам занять медину Феса. В пятницу, во время моления, окружили Карауин, и все молящиеся были арестованы. А в 1954 году в Карауин бежали сорок улемов, избравших под нажимом генерального резидента «теневого» султана бен Арафа, а затем публично отказавшихся от своего решения. Разгневанный бен Арафа приказал своей лейб-гвардии переступить порог святыни и схватить сорок улемов. Это злодеяние марокканский народ ему никогда не простит.

Наряду с университетом Карауина в Фесе много медресе — религиозных школ. В одну из них, притулившуюся близ моста, мы вошли. Нас не прогнали. Патио — внутренний дворик медресе — обнесен двухэтажными деревянными галереями, откуда ведут двери в кельи. У фонтана, посреди патио, несколько учеников, изучающих Коран, стирали свои джеллябы. Рубашки и штаны уже прозаически висели между арками романтических галерей.

Завидев нас, прыщеватый юноша перестал стирать и робко приблизился. Мы приветствовали его вежливым «Ассалам алейкум» и поинтересовались, сколько он проучится в медресе.

— Тридцать лет!

— И какую вы приобретете профессию?

— Имама, муфтия или кади.

Иными словами, муллы в мечети, правоведа²⁴ или судьи.

Ученики, изучающие Коран, строго соблюдают безбрачие. Живут они в нищенских условиях. Обстановка их комнат состоит из соломенного матраца и книжной полки, а домашняя утварь — из кружки, лампы и спиртовки. Обслуживают они себя сами. Пять раз в день они совершают молитву, а в остальное время изучают Коран,

²⁴ Муфтий не только правовец, но и духовный авторитет, решения которого обязательны для верующих.

шариат, то есть изложение и комментарий исламских законов, и книгу хадисов — преданий, рассказывающих о делах, мыслях и высказываниях пророка Магомета.

На холмах, окружающих Фес, мы встретили многих учеников медресе. Уткнувшись носом в книгу, они бродили по прекрасной местности, не обращая внимания на то, что происходило вокруг. Два взгляда в книгу и ни одного в жизнь... Может ли таким путем воспитываться интеллигенция, способная занять руководящие посты в Марокко — стране, которая становится все более современной?

ПОТОМОК АВИЦЕННЫ

— Привет! Вы уже влюбились в наш Фес?

Мы не заметили, как доктор Ибрагим подошел. Смеясь, он сел и показал на панораму перед нами:

— Вот он — духовный центр Марокко... Вы его обнаружили?

Мне показалось, что в словах доктора звучала ирония. Уголки его глаз подозрительно дрожали.

— Мы нашли только центр духовенства, — ответил я.

— Ну да. Марокко — теократическое государство.

— Куда посылает знать Марокко своих самых умных сынов? В Карауин?

— Нет. В новый университет в Рабате, в Алжир или в Европу. Его величество кончил Сорбонну, его сестра тоже. В медресе учатся главным образом дети бедных крестьян, желающих избавиться от лишнего едока.

— Какие предметы изучают теперь в Карауине?

— Арабскую грамматику, право, теологию... Раньше здесь преобладали естественные науки, медицина, математика и астрономия.

Доктор Ибрагим едва заметно вздохнул.

— Упадок наших учебных и исследовательских институтов, начавшийся в конце четырнадцатого века, явился следствием угрозы стране со стороны португальцев, испанцев и, наконец, англичан. Марокко изолировалось от внешнего мира. В результате в университетах свободный обмен мнениями постепенно вытеснился религиозной нетерпимостью и догматизмом, которые во все времена были смертельными врагами научного прогресса.

са... Создав угрозу Марокко, европейские страны, сами того не желая, закрыли источник, из которого веками черпали знания их врачи, астрономы, математики...

Доктор Ибрагим торопливо отхлебнул кофе. Видно, он коснулся темы, о которой не мог говорить спокойно.

— Не знаю, как обстоит дело у вас, но, когда я учился во Франции и Западной Германии, я все время ощущал: нам, арабам, оказывают милость, разрешая слегка приобщиться к западной науке. Никто и не вспоминал о том, что некогда подарили Западу наши предки! Что знают европейцы об истории арабов? Они учили в школе, что в битве при Пуатье Карл Мартелл спас христианский Запад от кровожадных орд мавров²⁵, но кто расскажет им, что мавры были проводниками арабской науки, тогда самой передовой в мире?

Посуда на нашем столике дрожала при каждом слове доктора — он подкреплял теперь свою речь короткими ударами руки.

— Чем была бы современная медицина без Али бен аль-Аббаса, Ибн Рушда или Авиценны, которого мы зовем Ибн Сина²⁶? «Канон» универсального гения Ибн Сины столетиями был настольной книгой всех врачей Европы. Я мог бы привести такие же примеры из астро-

²⁵ Карл Мартелл (688—741) — майордом (фактический правитель) Франции и основатель династии Каролингов. В знаменитой битве при Пуатье в 732 г. разбил арабов, к тому времени уже овладевших Пиренейским полуостровом и югом Франции. Считается, что битва при Пуатье остановила продвижение арабов в Европу.

²⁶ Абу-ль-Валид Мухаммед ибн Ахмед ибн Рушд (1126—1198), известный в Европе под именем Аверроэс, — знаменитый арабский философ, врач и правовед, живший в Андалусии (Севилье и Кордове), принадлежавшей тогда арабам, и в Марокко. Последователь Аристотеля и создатель собственного учения о вечности и материальности мира, бесконечности его во времени, возможности несовпадения научной истины с догмой религии. За свободомыслие подвергался преследованиям клерикалов и властей.

Авиценна — латинизированная форма имени Ибн Сины Абу Али Хасана ибн Ахмеда (980—1037), великого ученого и поэта средневековья, сыгравшего важную роль в развитии медицины, естествознания и философии. Его классический «Канон врачебной науки» в течение многих веков оказывал влияние на развитие европейской медицины. В философии был материалистом и последователем Аристотеля. Несмотря на то что по происхождению Ибн Сина был таджиком (он родился в Бухаре) и жил в Хорезме и Иране, арабы считают его также виднейшим представителем арабской культуры, так как все значительные произведения Ибн Сины написаны на арабском языке, бывшем в то время своеобразной «латынью Востока».

номии, химии, математики. В истории развития этих наук великие арабы занимают почетные места, хотя не было недостатка в попытках замолчать или вовсе исказить их значение.

Воспользовавшись паузой, я возразил:

— Влияние арабов не совсем замалчивали, по крайней мере в литературе. Вы знаете эти строки? «Восхитительный Восток к Средиземью устремился; в Кальдероне тот знаток, кто в Гафизе²⁷ искусился...»

Доктор улыбнулся:

— Один ноль в вашу пользу. Знаю: Гёте «Западно-восточный диван»... Простите, если я немного увлекся ролью панарабского фанатика. Кстати, «Диван»... Разрешите еще один экскурс в прошлое? Спасибо. Даже в лексике многих языков и в специальной терминологии можно проследить влияние арабов. В математике, например, слова «алгебра» и «цифра» — арабского происхождения; в астрономии слова: «азимут», «зенит», названия многих звезд — Вега, Денеб, Альтаир. Стоит вам у себя дома переступить порог аптеки — и вы увидите ряд названий, заимствованных из арабского языка: гипс, сода, лак, натрон, альдегид, бензин, наконец, арак²⁸ и алкоголь! А какая домашняя хозяйка знает, откуда происходят слова: «абрикос», «сироп», «шпинат», «мускат», «артишок», «графин»? Я мог бы продолжить этот список, но и этого достаточно.

Доктор Ибрагим откинулся на спинку стула и позвал официанта. По-немецки, чуть-чуть изменив произношение, он заказал:

— Кофе с сахаром!

Официант понял. Хитро улыбаясь, доктор наклонился и прошептал через стол:

— Оба эти слова заимствованы у арабов!

Потом он опять стал серьезен и посмотрел на отливающую золотом в последних лучах заходящего солнца пирамидальную крышу Карауина.

— Это только памятник. Но я надеюсь, что другие арабские университеты скоро вновь приобретут то зна-

²⁷ Гафиз (правильнее Хафиз) — псевдоним Шамседдина Мо-хаммеда (1300—1389), великого персидского поэта, хорошо знавшего арабскую культуру и завоевавшего еще при жизни огромную популярность как на родине, так и за ее пределами.

²⁸ А р а к — арабская фруктовая водка.

чение, какое восемь веков тому назад имел Караунин. Может быть, ваши внуки будут добиваться чести учиться в арабских университетах.

Несмотря на шуточный тон, слова доктора заставили нас задуматься. Всегда ли мы оценивали правильно то, что видели в Марокко? Уловили ли взаимосвязь всего увиденного? Или и в нас есть еще остатки высокомерия европейцев, которые считают мерой всех вещей только собственные обычаи и мнения?

«МАРОККАНСКАЯ МЕККА»

Мы едем из Феса в Танжер. Я просматриваю путеводитель, чтобы узнать о достопримечательностях здешних мест, и читаю:

— Святой город Мулай-Идрис был до последних лет «запретным городом», куда имели доступ только мусульмане. Сейчас христианам разрешено находиться в городе от восхода до захода солнца, но ни в коем случае не ночью. На время праздника аид-кебир — начало рамадана — в Мулай-Идрис совершают паломничество правоверные мусульмане, которые не могут посетить Мекку.

«Запретный город», «Мекка Марокко» — эти слова интригуют нас и заставляют отступить от намеченного маршрута.

Но будут ли в Мулай-Идрисе запреты менее строги, чем в Фесе? Сможем ли мы увидеть великолепную гробницу Мулай Идриса, первого мусульманского султана Марокко?

Преодолев сомнения, мы все же решили захватить в город и свернули с центральной магистрали. По узкой, извилистой дороге миновали древнюю оливковую рощу и стали подниматься в горы Зерхун, в центре которых, в нескольких километрах от развалин римского города Волюбилиса, живописно раскинулась на двух холмах «марокканская Мекка».

При въезде нас остановил полицейский: проверка паспортов. Кроме того, осмотр города разрешается только в сопровождении официального гида для иностранцев!

— Есть ли гид, говорящий по-немецки?

Как петрушка из шкатулки, вынырнул человек

с огромным жетоном на груди и поднял правый указательный палец:

— Я!

Мы задали несколько вопросов и убедились, что он знает не больше пяти немецких слов.

— Может быть, есть гид, говорящий по-английски?

Наш новый знакомый вновь поднял палец.

— I speak English.

— Please, tell us something about the history of Moulay Idris.

— E-e-e... the mosk... of Moulay Idris...²⁹

Запас английских слов у него вряд ли больше немецких. Но что делать... Больше нет ни одного «официального гида». В надежде, что хотя бы его французский будет понятен, мы попросили человечка сесть в машину.

Нам разрешили въехать через внешние ворота города и оставить машину на небольшой площади. Но уже перед вторыми воротами дорогу преградил шлагбаум с предостерегающей надписью: «Проход неверным стройжайше запрещен!»

Под шлагбаумом стоял, прислонившись к стене, сторож весьма воинственного вида: между колен зажат старый мушкет, на поясе — короткий меч. Он подозрительно оглядел нас. Было видно, что он не преминет пустить в ход оружие, если мы попытаемся пролезть под шлагбаумом. Мне даже показалось, что он был бы рад случаю применить, наконец, свое оружие. Но «официальный гид» поспешил увести нас от «врат в святыню» влево, в маленький переулочек. Двигаясь все время вдоль внутренней стены города, мы поднялись вверх по крутым улочкам и лестницам. Время от времени наш гид, французский язык которого оказался ничуть не лучше немецкого и английского, останавливал нас в местах, откуда открывался вид на окрестности.

— A very nice view... picture!³⁰ — патетически восклицал он. И на лице его появлялось такое выражение, будто он открывал нам рай.

Альфред отрицательно тряс головой — он уже сотни раз фотографировал подобные пейзажи, — что приводи-

²⁹ — Я говорю по-английски.

— Расскажите нам, пожалуйста, немного об истории мечети Мулай Идриса.

— Э-э-э... Мечеть... Мулай Идрис... (англ.).

³⁰ — Очень хороший вид... картина! (англ.).

*Мулай-Идрис
Неверным вход закрыт!*

ло гида в полное отчаяние. Он видел в нас теперь низменные натуры, лишённые чувства прекрасного. Каждый турист, проходивший здесь до сих пор, нажимал спуск фотоаппарата. После того как игра с «nice views» повторилась несколько раз, мы заволновались и решительно свернули в переулок направо. Но гид быстро проскочил вперед, раскинул руки и встал поперек дороги. Interdit³¹. Казалось, он был готов своим телом защищать святыню.

Нам было милостиво разрешено бросить с вершины холма взгляд на центр, находившийся примерно в километре от нас.

— The mosk of Moulay Idris³², — гордо произнес гид.

Далеко внизу мы увидели несколько зеленых облицованных изразцами крыш, скрывавших гробницу Идриса I.

Идрис I, как гласит легенда, был правнуком Фатимы — дочери пророка Магомета. Во время восстания 786 года против халифа Харуна ар-Рашида Идрис вынужден был тайно покинуть Мекку. В сопровождении умного, ловкого слуги Рашида он исходил Египет, Ливию, Алжир и дошел до Танжера. Отсюда он, наконец, достиг гор Зерхун. Племена, жившие в этих краях, видимо, охотно провозглашали королями чужеземных принцев, видя в них посланцев бога. А поскольку Идрис, кроме того, был и потомком пророка, его тотчас же возвели на престол. Он сумел быстро распространить свою власть на всю Северную Африку и стал первым мусульманским властелином, шерифом, наместником аллаха в Марокко. Такой успех Идриса вызвал зависть халифа Харуна ар-Рашида. Он направил к нему своих гонцов, и те в 791 году отравили Идриса I. Вскоре его жена родила сына, которого верный слуга Рашид объявил имамом. Последний, будучи уже Мулай Идрисом II, основал королевский город Фес... Такова легенда.

Мы столько карабкались вверх и вниз, что проголодались. Вблизи вершины, с которой нам разрешалось смотреть на святые места, мы нашли маленький ресторанчик. Хозяин мог предложить только кускус — марокканское национальное блюдо, приготовляемое из манной или пшенной каши. Мы его уже пробовали в различных вариантах. В Касабланке нам подавали это кушанье с луком, земляными орехами, изюмом и куриным мясом.

³¹ Запрещено (франц.).

³² Мечеть Мулай Идриса (англ.).

В Гулимине каша была приправлена бараниной и овощами. Это блюдо всюду казалось нам вкусным, но здесь, в Мулай-Идрисе, мясо было жестким, а каша сухой. Мы без всякого злого умысла решили заказать бутылку дешевого мекнесского вина. Хозяин воздел руки к небу:

— Вино?! В стенах святого города?! Какой грех!

Томимые жаждой, отправились мы дальше бродить вверх и вниз вокруг города. Наш гид, основной задачей которого, по-видимому, было не давать нам сворачивать с положенного пути, зорко следил за тем, чтобы мы не зашли в переулок, из которого виден священный район. Взамен он то и дело предлагал нам обратить внимание на «очень красивый вид» или «прекрасный» пейзаж. Мы так устали, что даже не имели сил раздражаться.

Наконец мы снова подошли, но уже с другой стороны, к воротам и охраняемому шлагбауму. Недовольные и разочарованные, мы расплатились с «официальным гидом» и сели в «Баркас».

Что мы увидели в «марокканской Мекке»? Побродили по окрестностям и... полюбовались красивыми видами!

Мулай-Идрис и сейчас еще «запретный город»!

ЮЖНЫЙ СТОЛП ГЕРКУЛЕСА

Танжер... Кто не вспомнит при этом слове о контрабанде, яхтах, наркотиках, детективах международной полиции, валютчиках и прочих темных дельцах? Танжер многие десятилетия был городом, где разыгрывались самые захватывающие криминальные истории.

В чем причины этой двусмысленной славы? Чтобы выявить их, необходимо совершить экскурс в прошлое.

Легенда приписывает основание Танжера Антею, сыну Нептуна и Земли. Он дал городу имя своей жены — «Тинго». Затем появился Геркулес, оторвал Антея от Земли, дававшей ему чудовищную силу, и задушил его. Геркулес убил также стоглавого дракона, охранявшего сад Гесперид, завладел золотыми плодами этого сада и разделил землю на две части, благодаря чему возник пролив — Ворота Геркулеса — с двумя столпами: Гибралтар и Танжер.

Благоприятное расположение между двумя континен-

там и двумя морями тысячами определяло историю города Тинго — Тингиса — Танжера.

Финикияне создали здесь поселение, при римлянах оно стало столицей провинции Тингитанская Мавритания. В то время жители Тингиса впервые были освобождены от пошлин. Затем город подвергся нашествию вандалов, войск Византийской империи и, наконец, арабов. Один из правителей Танжера — Тарик, арабизированный бербер, пересек пролив и руководил завоеванием арабами Испании (Тарик дал имя Гибралтару: Джебель ат-Тарик — гора Тарика). Танжер оставался опорой мусульманского моста в Европу до тех пор, пока последний мавританский властитель не вынужден был бежать из Гранады и обосноваться в Танжере.

В пятнадцатом веке городом завладели португальцы, затем испанцы и, наконец, англичане. Последние покинули его в 1684 году, взорвав предварительно все важные постройки.

С тех пор Танжер принадлежит Марокко. В конце девятнадцатого века, когда шерифская империя изолировалась от Европы, Танжер был единственным городом, где разрешалось проживать дипломатам. В 1905 году здесь высадился германский кайзер Вильгельм II — это чуть было не развязало германо-французскую войну. В 1911 году колониальные державы разделили Марокко, но долго не могли договориться о Танжере, имевшем стратегически важное значение. После длительных переговоров было найдено решение, приемлемое для всех: Танжер и его окрестности получили международный статус.

Для Танжера наступили времена авантюры.

Международной зоной управляли чиновники из восьми, а порой даже из двенадцати стран. Чужеземные товары ввозились беспошлинно, все валюты имели свободное хождение. Ни с доходов, ни с оборота налоги не взимались. Чтобы приобрести лицензию на основание фирмы или предприятия, требовалось только уплатить городскому управлению смехотворно малую сумму.

Обладатели больших капиталов во всем мире быстро поняли преимущество Танжера, где они были недостижимы для отечественных налоговых ведомств. Все крупные банки и торговые фирмы создали здесь свои филиалы, которые в полной безопасности могли совершать самые подозрительные сделки. Спекулянты, укрыватели

краденого, дельцы черного рынка — все, кто в страхе перед законом бежал со своей родины, собирались в кафе и кабаках Танжера. Вслед за ними сюда потянулись высокопоставленные шантажистки, проститутки высокого пошиба, танцовщицы, картежники, сыщики... На искусственном буме наживалась и часть коренного населения. Как грибы вырастали новые кварталы, строились роскошные здания банков, виллы, отели, казино, ночные клубы...

Пристрастие к этому городу авторов криминальных романов объясняется отнюдь не литературным капризом. Танжер, действительно, стал мировой столицей преступников, скрывавшихся от налогов бизнесменов, спекулянтов и шпионов.

Что осталось сейчас от былых времен? Ничего, кроме фасадов зданий и жалобных сетований местных дельцов на то, что их золотое время прошло.

После достижения Марокко независимости в 1956 году Танжер потерял свое значение и международный статус и вошел в состав королевства. На первых порах за городом были сохранены некоторые привилегии, однако и они были отменены в 1960 году.

Не знаю, чего мы, собственно, ожидали. Порой в мечтах создаешь себе представления, которые рассыпаются прахом при первом же соприкосновении с действительностью. По крайней мере, вечером первого дня пребывания в Танжере мы все трое были разочарованы.

Конечно, местность, где расположен Танжер, по-прежнему производит чарующее впечатление, вид с касбы на город и бухту незабываем. Все еще манит купаться широкий и чистый пляж, по-восточному лестро и оживленно на Гран Сокко³³... Но многие окна забиты, а в лавочках некогда знаменитого переулка, где сидели менялы, продаются теперь рубашки, подвязки и сувениры. Авеню Мухаммеда V по-прежнему напоминает Уолл-стрит в миниатюре, но от многих банков остались только вывески, кассы закрыты. Как и прежде, ежедневно к причалу Танжерского порта приходят суда из Гибралтара и Алхесираса, но в большинстве отелей нас встречала сонная скука.

Да простят нас поклонники идиллического курорта Танжер: на нас он произвел впечатление засидевшейся

³³ Гран Сокко — центральная торговая площадь Танжера, расположенная на месте форума древнего Тингиса.

в девицах особы, которая, желая произвести фурор на балу, вырядилась в роскошное старомодное платье своей толстой тетушки.

ЭКСКУРСИЯ В ЕВРОПУ?

Кемпинг «Мирамонте» лежит на склоне маленькой романтической бухты за Танжером. Среди ухоженного парка расположены террасы, на которых можно ставить машины. Зеленые бананы свисают с деревьев в рост человека, кругом цветут розы.

С самого высокого места парка хорошо виден весь пролив. Утром, когда солнце на востоке, можно разглядеть границу между Средиземным морем и Атлантическим океаном. Мы открыли явление, уже тысячу раз открытое и описанное до нас: воды двух морей не смешиваются. Слева от нас застыла изумрудная зелень Атлантики, справа — теплая синева Средиземного моря. Пароходы, казавшиеся отсюда крохотными, сновали туда и обратно, оставляя за собой белые шлейфы пены. Перед нами сверкал на солнце мыс Тарифа, а далее, на востоке, грозно высилась в тени коричневая скала Гибралтара.

Вечером отсюда видны огни Европы, а скала Гибралтара похожа на залитый светом пассажирский пароход на якоре.

И тут нам захотелось посетить британскую морскую крепость, последнюю свидетельницу тех времен, когда «Британия правила морями». Что, если оставить машину в Танжере и на пароме переправиться туда? Совершить экскурсию в Европу?

Утром мы справились в городском управлении Танжера относительно формальностей. Нам пришлось обойти десять комнат, пока мы дошли до нужного стола. Руководитель иностранной полиции перелистал наши паспорта:

— Даже если вы едете в Гибралтар на один день, вы все равно покидаете Марокко! Чтобы вернуться, вам нужно получить новую въездную визу.

— А где нам ее получить?

— В марокканском консульстве.

— В Гибралтаре?

— Наше ближайшее консульство в Алхесирасе.

— Значит, в Испании. А чтобы поехать из Гибралтара в Алхесирас...

— ...Нужно иметь испанскую визу!

О, святая бюрократия!

Мы уже не спросили, не нужно ли нам для получения испанской визы съездить сперва в Португалию, визу для въезда в которую мы опять-таки можем получить только во Франции...

— До свидания!

Гибралтарские обезьяны останутся без наших орехов.

ДИПЛОМ ЗА ТАНЕЦ ЖИВОТА

Мы проверили нашу кассу. В Агадире мы изобрели метод, который приучал нас к бережливости на основе принципа материальной заинтересованности: разделили всю нашу наличность на три фонда: на бензин, на особые расходы — налоги при оформлении виз, входные билеты и тому подобное, — на хозяйство, и на каждый день выделили небольшую сумму. Если мы тратили меньше дневного лимита, разница переходила в фонд сбережений. Только из него разрешалось брать деньги на личные покупки и дополнительные расходы. Этот несколько сложный метод вполне себя оправдал.

Подведя в Танжере промежуточный баланс, мы убедились, что сэкономили поразительно много. Значит, можно развлечься, посмотреть танец живота. Мы это заслужили. Кроме того, каждый путешественник по Востоку должен посмотреть танец живота. Сказано — сделано!

Мы решили пойти в самый фешенебельный ночной клуб Танжера — «Кутубия палас». Это, сказали нам, единственное заведение, где еще можно посмотреть восточные танцы. Правда, порция вина стоит там двенадцать дирхамов... Но уж кутить так кутить!..

Одетые как подобает джентльменам, вошли мы в десять часов вечера в «Кутубия палас» — невзрачное здание на боковой улице около проспекта Мухаммеда V. По узкой лестнице, вдоль стен, украшенных мозаикой, нас провели наверх. Небольшой, слабо освещенный зал в мавританском стиле был когда-то приемной султана. Стены, потолок, балюстраду, аркады — все покрывали мавританская деревянная мозаика и инкрустации.

Гости — их было человек сорок — сидели на пуфах и низких диванах вокруг танцевальной площадки или в нишах, чуть приподнятых над полом. Кельнеры во фраках и красных фесках провели нас к угловому столику. Мы заказали обязательное вино, стоимость которого включала и входную плату. В нише одетые по-европейски оркестранты исполняли современную танцевальную музыку.

Но вот пробило одиннадцать, и картина изменилась. В нише заняли места музыканты в джеллябах и красных тарбушах с восточными инструментами в руках. Раздался туш. На танцевальной площадке появилась окутанная воздушной вуалью мадемуазель Хабиба.

Она начала танцевать под своеобразный ритм барабанов, сперва медленно, лениво, устало, но постепенно сбросила с себя всю одежду, кроме крохотной серебряной повязки и двух звезд на груди. Ритм все ускорялся, танцовщица делала круговые движения животом. Ее руки, ноги, плечи начали вибрировать. Казалось, через тело пропускали электрический ток. Она медленно склонялась на пол, раскачиваясь и содрогаясь. Еще несколько судорожных движений. Все!

Это была не дешевка, не простое кривлянье. Мы увидели классический танец живота: выраженное в танце самоотречение женщины.

За такое зрелище двенадцать дирхамов — не слишком дорого!

Во время третьего номера — Танца мадемуазель Амины — мою голову внезапно обвил нежно-розовый шифоновый шарф. Альфред засмеялся:

— Это тебе обойдется недешево!

Не успел он закончить фразу, как танцовщица уже оказалась у нашего стола и мягко, но настойчиво потянула меня на площадку. Что мне оставалось делать? Упираюсь? Хочешь не хочешь, пришлось участвовать в игре.

Оркестр заиграл туш, и мадемуазель Амина, грациозно покачивая бедрами, начала раздевать меня! О чем можно было думать в такой момент? Чистое ли у меня белье? Чистое!

Описывая широкий круг, мой пиджак полетел в руки слуги. С галстуком у мадемуазель возникли затруднения. Ей никак не удавалось его развязать, она первичала. В публике раздались смешки. Дело в том, что

я ношу клеенчатый галстук. Помочь ей? Быстрым движением я расстегнул крючок на резинке и заслужил тем благодарную улыбку мадемуазель.

Потом она расстегнула мою рубашку и стянула ее через голову, но майку и брюки милостиво оставила мне.

Вновь загредел туш. Ритмы становились более дикими, и мадемуазель жестом пригласила меня повторять за ней движения: качать бедрами, поводить животом, подергивать плечами... В голове у меня шевелились сумасбродные мысли: ты уже видел, к счастью, танец живота, ты знаешь, что произойдет, с тобой ничего не случится...

Мне не дали никаких поблажек! Я должен был стать на колени и перегибаться назад, пока не достану плечами пола. В обычных условиях мне бы это никогда не удалось. А здесь я сделал это и даже смог сам подняться, не упав.

Наконец прозвучали последние синкопы. Я стоял, обливаясь потом, в свете прожекторов. Бородатый мужчина со слащавой улыбочкой сунул мне в руку запечатанный конверт, буркнул «мерси» и быстро отошел.

У стойки ожидал слуга с моей одеждой. Мадемуазель Амина спросила, не желаю ли я выпить? Я, конечно, желал. Я даже подумал, что мне поднесут стаканчик честно заработанного вина. Но администрация «Кутубия паласа» не одаряет так щедро дилетантов, исполняющих танец живота. Два виски с содовой мы нашли потом в предъявленном счете.

Только вернувшись за столик к друзьям, я рассмотрел подарок. Это был искусно написанный диплом, скрепленный красной печатью. Международный клуб восточного танца удостоверял, что мосье Конрад Шмидт, гражданин Германии, сдал экзамен по танцу живота.

Может быть, на основании этого документа мне занесут в личное дело вторую профессию: дипломированный исполнитель танца живота?

ЗАПРАВЩИК У БЕНЗОКОЛОНКИ

Вечер в «Кутубия паласе» был нашим прощанием с Марокко. Со следующего утра мы принялись готовить машину к безостановочной поездке в Алжир. Все эти недели «Баркас» исправно тащил нас по пескам пустыни;

по перевалам Высокого Атласа. Мы хотели сделать ему что-нибудь приятное, и у бензоколонки на окраине Танжера попросили смазать его.

Один из заправщиков немного говорил на ломаном немецком: после войны он, солдат французской армии, некоторое время находился в Пфальце. Все время он пытался шутить, коверкая немецкие слова. Мы хотя и смеялись, но рассматривали его упражнения как попытку повысить чаевые.

Закончив мыть низ машины, рабочий взглянул на ее номер, чтобы узнать, откуда мы прибыли. Вдруг он насторожился, склонил голову набок, прочитал вполголоса: «Гер-ман-ская Демо-кра-ти-ческая Рес-публика... ГДР?» Мгновение он колебался, оглядываясь, нет ли поблизости хозяина, потом поднял правый кулак:

— Привет, товарищи!

С его лица сползло заискивающее выражение. Задумчиво вытер он замасленные руки, осторожно вытащил пачку сигарет и предложил:

— Закурите!

С минуту мы стояли молча и только улыбались. Потом рабочий спросил:

— Сколько времени вы пробыли в Марокко?

— Шесть с половиной недель.

— И какое у вас впечатление о нашей стране?

— Марокко прекрасная и очень богатая страна, где слишком много нищеты и бедности.

Рабочий кивнул:

— С достижением независимости не стало только генерального резидента и части его чиновников. Старые эксплуататоры — марокканские и французские — остались. Пришли даже новые... Но, верьте мне, восточный ветер, дующий уже в Египте и братском Алжире, достигнет и Марокко!

Он посмотрел на площадь перед бензоколонкой, где на белой мачте развевался марокканский флаг: на красном фоне золотая пятиконечная звезда.

— Приезжайте через несколько лет, может, к этому времени золото с нашего флага станет золотом в руках марокканского народа!

ПОСТ НА ГРАНИЦЕ

Над барьером шерифской таможни мы еще раз взглянули на портрет короля Хасана II, а у алжирской пограничной заставы нас приветствовал белый плакат, на котором красными буквами было написано: «Да здравствует социализм!» В трех метрах далее, на обочине дороги, сидели на корточках несколько ребятишек, просивших милостыню.

Границу между королевством Марокко и Алжирской Народной Демократической Республикой мы пересекали с большими надеждами. Как часто за последние десять лет наши мысли летели к этой многострадальной стране, раскинувшейся между Средиземным морем и Сахарой! Мы слышали о героической, стоившей огромных жертв борьбе алжирцев за свободу, а в сообщениях дезертиров из Иностранного легиона читали о бесчеловечной жестокости парашютистов и легионеров. Мы желали успеха бойцам Армии национального освобождения и собирали пожертвования, чтобы хоть немного облегчить страдания алжирского народа.

Разочарует ли нас встреча с Алжиром или мы увидим героизм освободительной борьбы, проявляющийся теперь при строительстве молодой республики?

Этот вопрос занимал нас с тех пор, как мы распрощались с Танжером. Два дня мы без остановки ехали через Рифские горы по дороге, недавно проложенной параллельно средиземноморскому побережью и связывающей северо-западную часть Марокко с провинцией Уджда. Мы карабкались на крутые перевалы, пробирались сквозь большие кедровые и дубовые леса на склонах гор, кое-где проезжали с зажженными фарами через облака, а порой поднимались и над облаками. Иногда сквозь прорывы облаков мы видели залитые солнцем долины. Прекрасные пейзажи манили нас отдохнуть, но мы отка-

зывались от длительных остановок: хотелось достигнуть пограничного города Уджда еще до конца недели — там на почте нас ожидали письма.

Но почту закрыли уже в субботу утром. Мы все же позвонили у двери и попросили сторожа разыскать наши письма.

— Только потому, что вы немцы... — пробормотал служащий и впустил нас. Шкаф с письмами «До востребования» оказался заперт, ключа не было. Разочарование, которое служитель прочитал на наших лицах, толкнуло его на преступление. Смастерив из проволоки отмычку, он крутил ею в замке до тех пор, пока шкаф не открылся.

Но тут служитель вновь принял официальный вид:

— Ваши паспорта, пожалуйста!

Мы назвали по буквам наши фамилии. Были просмотрены пачки писем — ничего! Что же, все наши старания были напрасны?

Разочарованные, печальные, мы собирались уже попрощаться, как вдруг меня осенило:

— Посмотрите еще на буквы А — Альфред, Д — Дитер и К — Конрад.

Наши родные там, вдали, нас не забыли!

Мы отнюдь не сразу получили желанные письма. Сначала надо было установить, сколько каждое письмо пролежало на почте Уджды и сколько марок наклеено на обратной стороне конверта.

— Всего шесть дирхамов сорок!

Порядок есть порядок, даже если приходится взламывать шкафы!

ЧАЕПИТИЕ С ТАМОЖЕННИКОМ

Письма давно были прочитаны. Мы уже прошли марокканский пограничный контроль и стояли в очереди у алжирской таможни. Перед нами пришел автобус, набитый пассажирами из Орана.

Таможенный чиновник — симпатичный молодой человек.

— Германская Демократическая Республика? Сердечно приветствую. ГДР — наш друг!

Я решил воспользоваться благосклонностью властей:

— Нельзя ли нам переночевать на стоянке, возле таможни?

— Конечно, можно. Если нужна вода, то кран сбоку в стене, а в туалет пройдете через заднюю дверь.

Кемпинг на границе! Мы поставили машину под высокой акацией, сварили макароны и поджарили печенку, купленную на рынке в Уджде на последние марокканские дирхамы. После обильной еды мы подвели итоговый баланс наших расходов в Марокко. Сложные расчеты! Надо было взять с собой бухгалтера...

Кто-то постучал в дверцу машины: молодой таможенник держал поднос с чашками чаю.

— Меня зовут Абдельхак... Не выпьете ли чаю по случаю прибытия в Алжир!

Мы потеснились. Таможенник сел и показал на нашу бухгалтерскую книгу и разбросанные повсюду записи.

— Когда немцы из Западной Германии переезжают границу, они обычно высокомерно справляются о ближайшем фешенебельном отеле. Вы же попросились переночевать на стоянке и сразу же начали работать. В этом разница между обеими Германиями...

Мы засмеялись и ответили, что это не главное различие между двумя немецкими государствами.

Таможенник серьезно сказал:

— Я знаю, ФРГ — капиталистическое государство. Мы порвали с ним дипломатические отношения. В ГДР же строится социализм. К этому стремимся и мы. Но это не легко. Аллах знает...— Он глубоко вздохнул.

— И в нашей стране это было не просто. У нас тоже были большие трудности, и мы терпели неудачи. Новый общественный порядок не рождается без мук.

Таможенник наклонился над столом и посмотрел на нас с мольбой:

— Простите, в ваших паспортах я прочел, что вы журналисты... Пожалуйста, не судите слишком строго о нашей стране. Откуда нам знать, как руководить государством? Более ста лет французы угнетали нас, держали в полном неведении... Возьмите, к примеру, меня: я сын крестьянина, был лейтенантом в армии, умел стрелять и сражаться, во время боев в горах научился командовать ротой... А потом мне сразу же пришлось руководить таможней, хотя я не имел ни малейшего представления о том, как это делается. В первое время я не раз попадал впросак.

Абдельхак засмеялся и рассказал несколько случаев из того времени, когда он только учился работать. Однажды он перепутал печати, а в другой раз взял пошлину с товаров, которые не подлежали обложению.

Лед был сломан, и мы могли задать ему вопрос, который вертелся у нас на языке с самого начала разговора:

— Верите ли вы, что новое правительство способно разрешить проблемы, стоящие перед Алжиром?

Таможенник помедлил, а затем задумчиво ответил:

— Я знаю полковника Хуари Бумедьена. Во время войны он был начальником нашего штаба. Умная голова! Он, конечно, сделает все, что может. Бумедьен обещал, что Алжирская хартия, в которой предусмотрен социалистический путь развития страны, по-прежнему останется основой политики Алжира. Но и у него будут трудности. Во время освободительной борьбы все алжирцы объединились, теперь же рабочие требуют совсем не того, что фабриканты, а то, что хорошо для феллахов, отвергают помещики. Все очень сложно. Но аллах укажет нам верный путь.

— Мы убеждены, что храбрый алжирский народ добьется цели, записанной в Алжирской хартии.

Таможенник посмотрел на нас с благодарностью и предложил еще чаю.

БЕЛЬЕ НА ФАСАДАХ

Алжир построен не на семи холмах, как Рим, а на более чем семи отвесных скалах! Бывалые путешественники, умеющие ценить красоту пейзажа, утверждают, что судить о достоинствах Алжира может с полным правом лишь тот, кто приближался к «белому городу» с моря. Этого мы, к сожалению, сделать не могли, но вид с террасы представительства ГДР полностью вознаградил нас. Нам казалось, будто мы стоим наверху гигантского амфитеатра. Бухта Алжира изогнута полумесяцем. Насколько хватает глаз, по зеленым склонам холмов взбираются белые дома. Как серебряные подвески берберского украшения, в центре полумесяца высятся темно-серые здания порта. На фоне синего моря резко выделяются розовые крыши Рыбацкой мечети и высотные дома делового центра.

Как будто специально по нашему заказу, с моря надвигалась гроза и вся бухта, ежеминутно меняя окраску, освещалась, словно в театре, каким-то феерическим светом. Королева моря — как зовут арабы город Алжир — показалась нам танцовщицей, исполняющей танец живота.

Всю ночь мы ехали в тумане и лишь на рассвете достигли предместий Алжира. Поспав несколько часов, мы затем долго петляли по кривым улочкам и лишь с трудом нашли на холме Эль-Биар дипломатическое представительство ГДР.

Очарование Алжира, увиденного нами с Эль-Биара, когда приближалась гроза, действовало на Дитера недолго. После первой же поездки по городу он нашел его отвратительным:

— Чудовище, пожирающее тормоза машины и разрушающее сцепления!..

Мы поняли его, когда на одной из горных улиц, резко поднимавшихся вверх, были вынуждены затормозить перед светофором. Действительно, невелико удовольствие сдерживать на одних ручных тормозах перегруженный «Баркас», вклинившийся между четырьмя рядами остановившихся автомобилей и автобусов, а затем черепашьим шагом въезжать в гору. Кроме того, когда непрерывно то взбираешься вверх, то спускаешься вниз по извилистой дороге с односторонним движением, не только сцепления начинают дымиться, но и затрудняется ориентация. Дитер часто бормотал себе под нос:

— Хоть бы нам обратно в пустыню!

Для Алжира типичны высокие современные жилые дома с фасадами, сплошь завешанными пестрым бельем. На балконах, на оконных нишах, на веревках, протянутых между окнами, развеваются на ветру рубашки, передники, штаны, пеленки, простыни, платья... Причина этого маскарада, отнюдь не предусмотренного архитекторами, в том, что дома строились для французских семей, имевших не больше двоих детей и достаточно денег, чтобы отдавать белье в стирку. После достижения Алжиром независимости преобладающее большинство этих семейств побросало свои квартиры и вернулось во Францию. В дома въехали многодетные алжирцы, жившие раньше в перенаселенных касбах или бидонвилях — скопищах ветхих лачуг на окраинах города. Украшенные бельем жилые дома — свидетельство трудностей, переживаемых

Алжиром. С их обитателей почти невозможно собрать квартирную плату.

— Дом был построен французами, а следовательно, уже оплачен, — объясняют отцы семейств. — Почему же мы должны платить еще раз? Если раньше мой отец строил глиняную лачугу, я не должен был опять ее оплачивать!

Обезоруживающе простое объяснение! Но откуда городскому управлению брать средства на содержание домов и их ремонт? Один аллах ведает...

Несмотря на фасады, увешанные бельем и придающие столице провинциальный вид, Алжир — город мирового значения с оживленным уличным движением. Ослов, запряженных в повозки, которых мы видели в самых современных кварталах Рабата и Танжера, здесь не встретишь. Поток машин просто прижал бы их к стене.

Зато на улицах современного Алжира мы, к своему великому удивлению, увидели другую реликвию древнего Востока — женщин под покрывалом.

Конечно, не все девушки и женщины Алжира закутываются в покрывала, но число таких поразительно велико. Вид их действует удручающе, ибо алжирки ходят не гордо и грациозно, как их марокканские сестры, и носят покрывала не ради кокетства и моды. На них не увидишь элегантных джелляб и красивых ярких шарфов, они завернуты в белые хаики — широкие покрывала, делающие фигуры неуклюжими. На лицо они натягивают белый платок, иногда с вышивкой на концах. В узких прорезях не блестят красивые глаза. И если вы встретитесь с застенчивым взглядом, то увидите, что он выражает усталость и покорность судьбе.

Мы представляли себе девушек Алжира совсем иными: стройными муджахидами³⁴ — с черными кудрями, скрытыми под широкой шляпой! В нашем представлении они стояли в одном ряду с кубинскими женщинами в военной форме, умеющими носить автоматы с грацией маекенщиц!

И вот вместо этого — робкие, запуганные фигуры, мелькающие по улицам...

³⁴ М у д ж а х и д — буквально «участник священной войны» (по-арабски — «джихада»), «борец за правое дело». Так называли себя в 1954—1962 гг. бойцы Армии национального освобождения Алжира.

САМОУБИЙСТВО—ЭТО ОРУЖИЕ?

В одном из банков в центре Алжира я решил обменять деньги. Мои друзья остались в машине. Время близилось к концу рабочего дня, у банковского окошечка ждал только один пожилой человек. За барьером сидела молоденькая девушка...

Она была из тех, при виде которых дух захватывает: короткие иссиня-черные волосы задорными прядками спадали на лоб, полные губы, умело подведенные синеватой помадой, контрастировали со светлыми, как вода, глазами, в которых, казалось, отражалась бирюза ее свитера. Черная юбка обтягивала безупречную фигуру...

Через широкое окно виднелась улица, по которой сновали закутанные в белые покрывала фигуры... Голубоглазая девушка за барьером заметила мой сравнивающий взгляд и улыбнулась:

— Что вам угодно, мосье?

Занятый наблюдениями, я не заметил, что остался один в помещении. Немного смутившись, я достал бумажник и отсчитал чеки у окошечка, над которым заметил табличку: «Вас обслуживает мадемуазель Айша А.». К тому же и Айша! Так звали любимую жену пророка, необычайной красоте которой мусульманки обязаны покрывалом³⁵.

— Ваш паспорт, пожалуйста! — Мадемуазель Айша посмотрела на него с удивлением: — ГДР? Мы с удовольствием приняли бы молодежь ГДР на фестивале. Но, к сожалению...

— Примите вместо этого нас!

Я сам рассердился на себя за эту неуклюже-дерзкую попытку познакомиться. Не нашел сказать ничего лучшего!

Но девушка, по-видимому, не обиделась. Подавив улыбку, она щелкала на счетной машине. Я осмелел:

— Разрешите пригласить вас на чашку кофе?

³⁵ Согласно мусульманскому преданию, Айша, сопровождавшая пророка Мухаммеда в одном из походов, незаметно исчезла и вернулась лишь на следующий день в сопровождении молодого бедуина, который, как они оба уверяли, подобрал ее на дороге и посадил на своего верблюда. Будто бы после этого события и была составлена 24-я сура Корана, строго регламентирующая поведение женщин.

— Пять, десять, четырнадцать, двадцать динаров³⁶!

— Мадемуазель Айша, сейчас вы кончаете работу...

Скептический взгляд в мою сторону заставил меня поспешно гарантировать ей безопасность:

— Нас трое, и мы были бы очень рады...

— Распишитесь в получении!

— Я хочу писать о девушках Алжира. — Эта политическая приманка — мой последний козырь. И мадемуазель клюнула на нее!

— О девушках, закутанных в покрывала? — спросила она настороженно.

— О борьбе с покрывалами.

Я сразу почувствовал, что победил. Девушка, правда еще колеблясь, посмотрела на часы.

— Через полчаса у меня важный разговор...

— А если бы только минут на пять...

— Хорошо, подождите на улице, — сдалась мадемуазель. — Я должна еще закончить подсчеты.

Свидание в Алжире! Я живо представил себе, какое выражение будет на лицах у моих друзей, когда я появлюсь с Айшой у машины.

Ждать мне пришлось долгих восемь минут. Волнуясь, я ходил взад и вперед, не спуская глаз со входа в банк. Как бы мадемуазель не ускользнула!

Но вот она вышла: пальто цвета меда с черной меховой отделкой, пунцовый платок на голове; глаза слегка отливают теперь лиловым.

Я повел ее к машине. После секундного замешательства Альфред выскочил и галантно раскрыл дверцу, направляя при этом галстук. Дитер смущенно разглаживал свой светлый ежик.

После того как девушка отдала должное внутреннему оборудованию нашей машины, я спросил:

— Куда же нам поехать, мадемуазель Айша? Мы ведь не знаем Алжир.

— Давайте посидим в уютном кафе здесь, на углу!

Кафе напоминало парижские кафе на Больших бульварах с той разницей, что на террасе не было столов и стульев. Даже в Алжире не посидишь на улице в де-

³⁶ Динар — с 1964 г. национальная денежная единица Алжирской Народной Демократической Республики. Приблизительно равен 1 французскому новому франку (1/3 доллара).

кабрьский вечер. Мы нашли свободный столик у окна с видом на улицу.

Еще до того как мы сделали заказ официанту и приступили к беседе, мадемуазель задала тон:

— Я приняла ваше приглашение только для того, чтобы рассказать вам о борьбе алжирских женщин за равноправие. Вы, журналисты, можете нам помочь.

Я попытался сохранить атмосферу галантной болтовни, начатой еще в банке, и показал на улицу, где в этот момент проходили две девушки в покрывалах.

— Было бы до слез обидно, если бы вы скрывали свою красоту под такими же тряпками.

Но Айша не поддержала фривольный тон и серьезно, с горечью произнесла:

— Моя семья считает, что я и сейчас должна была бы носить хаик и покрывало. — Она гордо выпрямилась. — Но я ушла из родительского дома... Как это трудно, может понять только тот, кто знает, насколько крепки в арабских странах семейные узы... У моего отца аптека в Кабилии, братья были офицерами в Армии освобождения. И я сама до 1962 года работала в горах медицинской сестрой. Там никто не требовал, чтобы мы скрывали свои лица, там мы были равноправными товарищами. Тысячи девушек погибли во время войны, их пытали, бросали в тюрьмы. После войны их провозгласили героинями, но во многих семьях, особенно в деревнях, потребовали: «Назад, за решетку, назад, под покрывало!»

— Неужели война со всеми ее последствиями — массовыми переселениями, преследованиями, разлуками — не разрушила традиционные семейные устои?

— Мужчины быстро восстановили рухнувшую стену — так им удобнее и так требуют улемы, толкующие Коран во враждебном женщинам духе. Как я спорила со своими братьями! Пока они были в горах, их жены жили вполне самостоятельно. И вдруг им запретили выходить непокрытыми даже на базар! Дайте мне закурить.

В начале разговора Айша отказалась от сигареты. Теперь она жадно затянулась, и по выражению ее лица было видно, что она вновь переживает тяжелые семейные раздоры

— Вы сказали, что покинули семью?

— Из-за моих взглядов со мной обращались как

с прокаженной. «Хочешь одеваться, как француженки, как женщины наших врагов? — твердили мои братья. — Предательница! Подумай о наших традициях!» Мне даже угрожали... — Айша провела рукой по шее. — И вот однажды я собрала свои вещи и тайком уехала в Алжир.

— ...Сняли комнату и стали искать работу?

— Не так просто. Если одинокая девушка захочет здесь снять комнату, ей ответят: «Девкам не сдаем!» Случайно я встретила доктора Мустафу — бывшего товарища моего старшего брата. Он счастливо женат на учительнице и мыслит вполне прогрессивно. Он принял меня в свою семью, нашел место в банке. Но большинству моих сестер, которые хотели бы сделать то же, что и я, — найти работу и стать экономически независимыми, — так не повезло. Поэтому наша организация старается снимать помещения, где девушки могли бы найти пристанище.

— Большая часть интеллигенции, студенты, наверно, думают так же, как доктор Мустафа?

— Не говорите мне о студентах! Теоретически они рассуждают очень умно и прогрессивно. Но если речь заходит об их собственных семьях, у большинства просыпаются старые понятия о фамильной гордости и чести сестры. Пойдите-ка на студенческий бал: сотни студентов — и не больше десяти девушек. Все студенты жалуются, что не находят пары для танцев. А спросите-ка товарища по университету, почему он не приведет на бал свою сестру, и он с возмущением ответит: «Мои сестры — не вертихвостки!» Если девушка хочет учиться и бывать в обществе — это считается аморальным. А если девушка сидит взаперти, пока ее не продадут совершенно чужому мужчине, — это считается угодным аллаху! Такое лицемерие! Спросите, мосье, того же студента, хочет ли он иметь женой необразованную, запуганную девушку. С не меньшим возмущением он скажет: «Упаси бог, я хочу жениться на женщине современной, образованной, элегантной!» А как, спрашивается, могут наши девушки стать такими женами, имея братьев-консерваторов?

Резким движением Айша погасила сигарету. Ее лицо пылало от волнения. Из такого материала, пришло мне на ум, были сделаны легендарные амазонки! Но Айша — любящая жена, нежная мать? Мои мысли спутались. Молчание прервал Альфред:

— Мы читали, что в последнее время многие алжирские девушки, в том числе и студентки, кончали жизнь самоубийством.

Айша кивнула головой.

— Правильно. В прошлом году было около двухсот самоубийств. Так сообщали газеты, которые издаются мужчинами. По нашим сведениям, их было в три раза больше.

— Самоубийство — акт отчаяния или протеста?

— И то и другое. Многие предпочитают умереть, чем мучиться. Некоторые девушки видят в самоубийстве единственную возможность самим решать свою судьбу. Трагедия, безысходность положения возникает уже в школе. Моя приятельница, жена доктора Мустафы, почти ежедневно наблюдает в школе душераздирающие сцены. Одни родители запрещают тринадцати- или четырнадцатилетним дочерям ходить в школу, потому что будущий муж не желает, чтобы они показывались на людях. Другие, хотя и разрешают девочкам еще посещать уроки, требуют, чтобы те надели покрывало. Бедняжек школьные подруги называют предательницами и, как часто случается в среде подростков, жестоко мучают. Попробуйте поставить себя на место такой девочки. Ее оттолкнули, ее презирают подруги, а впереди замужество и жизнь с человеком, которого она не любит, а часто и не знает. Можно понять, что кое-кто не находит из конфликта иного выхода, кроме смерти.

— В сообщениях газет, кстати сказать, западных, можно прочесть, что самоубийство якобы пропагандируется как оружие женщин в борьбе за свои права.

— Некоторые женские организации и в самом деле пытаются представить самоубийц мученицами и героинями. Но это неверно! Чем может помочь нам тысяча погибших девушек? У нас есть оружие более действенное, чем смерть. Очень жаль, что международный фестиваль молодежи не мог состояться в Алжире. Выступления молодежи из всех стран мира помогли бы нам.

— Девушки Алжира и теперь не одиноки в своей борьбе.

— Конечно! Мы ведь боремся за права, гарантированные нам законом. В конституции Алжирской Народной Демократической Республики провозглашено, что мужчина и женщина равноправны. Мы имеем право из-

бирать, но должны сначала научиться пользоваться этим правом. Наши мужчины все время говорят о социализме. Но может ли быть социализм, если женщины заперты за решетки? Доктор Мустафа сказал мне однажды: пророка Мухаммеда и Маркса нельзя впрямь в один плуг. Я понимаю это так: если мы хотим строить в нашей стране социализм, то прежде всего надо изменить весь общественный порядок, оставшийся от прошлого. А кто должен это сделать? Мужчины? Они слишком влюблены в свои мужские права, им удобно оставаться домашними пашами. Перестраивать должны мы, женщины! И мы перестроим!

«Как, наверное, приятно слушать такую страстную, умную девушку на каком-нибудь большом собрании», — подумал я. А Айша взглянула на часы и испуганно вскочила:

— Простите, я вам тут читаю целый доклад — и опаздываю на совещание!

Встали и мы.

— Нельзя ли встретиться с вами еще раз? — Я быстро прикинул: завтрашний день у нас весь расписан, а вечером следующего дня мы уже покидаем Алжир.

— Сегодня вечером?

Сейчас Айша опять выглядела очаровательной девушкой из банка, знающей цену своей красоте.

— К сожалению, совещание очень важное и затянется надолго. Поймите, дело идет о нашей борьбе.

— А не можем ли мы присутствовать в качестве гостей?

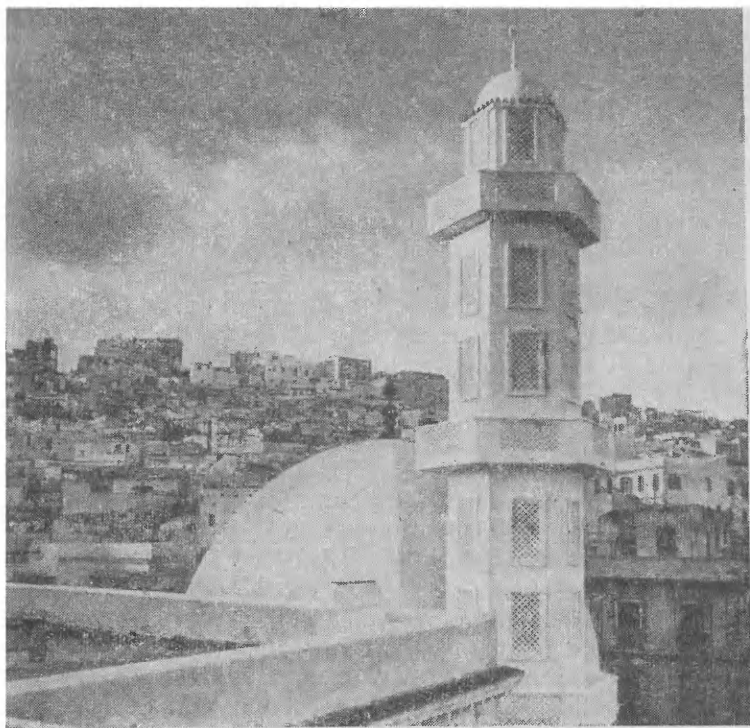
— Вход разрешен только женщинам! К тому же я вам уже рассказала о важнейших проблемах.

Какие шансы нам остались?

— Конечно, мы вас подвезем.

— Спасибо, не стоит. Это здесь, за углом. — Опустив ресницы и наклонившись над столом, она заговорщически лукаво шепнула: — Кроме того, я не хочу больше нарушать добропорядочность: появиться на собрании в сопровождении мужчин... Нет! — она вновь выпрямилась. — До свидания! Привет немецким девушкам. Может быть, встретимся на следующем фестивале!

Слегка смущенные, мы все трое остались стоять, затем снова сели и молча посмотрели на пустые чашки. Вот это было свидание! Несколько иное, правда, чем

Город Алжир. Касба героев

я ожидал, стоя у банковского окошка, но полчаса, проведенные в маленьком алжирском кафе, я не забуду никогда.

КАСБА ГЕРОЕВ

Один из районов Алжира в 1954—1962 годах был известен всему миру. Это Касба. Французские колонизаторы так и не смогли установить над ней полный контроль, хотя они, казалось, чуть ли не герметически закрыли доступ к ней и применили изощренную систему шпионажа, хотя в действие был введен целый полк парашютистов, а внутри Касбы находилась постоянная

охрана. Французы окружили Касбу колючей проволокой, оставив свободными только три прохода, и проверяли каждого входившего. И все же они не смогли помешать тому, что огонь восстания непрерывно тлел в путанице узких улочек, тесно поставленных домов, крутых лесенок и темных переходов и время от времени разгорался ярким пламенем.

Сейчас Касба — живой памятник освободительной борьбы алжирцев. Нужно побродить по ее улицам, чтобы понять социальные корни этой борьбы, которые неизменно отрицала французская пропаганда. Только несколько шагов отделяют деловой центр Алжира с его высокими домами и дворцами банков — символа власти французского империализма — от «гетто мусульманских туземцев». На территории в форме квадрата, каждая сторона которого составляет семьсот пятьдесят метров, жили в условиях средневековья более восьмидесяти тысяч человек. Семья из десяти и более человек ютилась на нескольких квадратных метрах. Тот, кто не закрывает боязливо глаза, поймет с первого взгляда взрывную силу этого противоречия.

В лабиринте переулков Касбы невозможно ориентироваться без опытного гида. Мы попросили сопровождать нас нашего друга Мухтара, молодого алжирца, участника освободительной борьбы, проучившегося несколько семестров в ГДР в Грейфсвальде. Из-за болезни ему пришлось оставить учебу. Одно время он работал в союзе молодежи, а теперь стал переводчиком.

Мы начали свою экскурсию с площади перед Рыбачьей мечетью. Перед нами предстал ряд домов с аркадами. По отвесной скале строения ползут вверх. Переулучки, впадающие в площадь между аркадами, во время войны были заграждены колючей проволокой, открытым оставался только контрольный пункт.

Мы почувствовали вдруг едкий запах. Под глиняной аркой, доходившей примерно до плеча, коптились над углями бараньи головы. Печально глядели мертвые глаза. Главная улица Касбы имеет в ширину не больше четырех метров. По обеим ее сторонам расположились торговцы. Здесь можно купить овощи и фрукты, бараньи ноги, темные очки, расчески, зажигалки, кофейные чашки, амулеты... Нас обогнал юноша, выкрикивавший название своего товара. На голове он нес корзину, наполненную каракатицами.

Чем выше мы поднимались, тем уже становились улочки. Вскоре можно было коснуться руками одновременно противоположных домов. Казалось, что дома над нами срослись. Через узкую щель просвечивало небо. Там и тут над переулком на высоте крыш были перекинуты маленькие мостики.

Правоверные мусульмане, строившие Касбу, не хотели, чтобы их жены выходили на улицу, а потому сооружали плоские крыши, служившие дворами для женщин. А чтобы женщина, не попадаясь на глаза мужчине, могла сбегать к соседке занять горстку соли или посплетничать, садики на крыше соединяли друг с другом. Так в Касбе возникли как бы вторые улицы, которые очень помогли в свое время борцам освобождения. Если парашютисты оцепляли дом, можно было по крышам перебраться в другой квартал и избежать облавы.

В одном кривом переулке мы наткнулись на стену, окружавшую пустырь. Здесь стоял дом первого руководителя восстания в Касбе, легендарного Али ля Пуанта. Здесь был его штаб и здесь в 1959 году он погиб³⁷. Иностранные легионеры выследили его в убежище и окружили дом. Али не мог бежать, но двадцать четыре часа он оборонялся как лев. Тогда легионеры взорвали дом. Пресса колонизаторов преподнесла это событие как большую победу.

Мы позвонили в соседний дом. Девушка лет четырнадцати — племянница Ясефа Саади, заместителя и продолжателя дела Али ля Пуанта³⁸, — открыла нам дверь и смущенно протянула ключ от ворот. Впустить и провести нас она не посмела — в доме не было мужчины.

На дворе настоящие развалины перемежались нагромождениями пенопласта. Несколько дней назад алжирская киностудия, директором которой сейчас является Ясеф Саади, снимала на этом историческом месте сцену последнего боя и гибели Али ля Пуанта. Копоть на стене соседнего дома — следы ли это настоящего взрыва или дело рук кинотехников?

На белых стенах в одном из переулков мы увидели

³⁷ Али Амар, прозванный французами «Ля Пуант» (т. е. «шип», «острие»), погиб не в 1959 г., а в 1957 г. Его именем сейчас названа главная улица Касбы.

³⁸ Ясеф Саади и Али Амар руководили восстанием совместно. Единственным руководителем Али Амар стал после того, как Ясеф Саади был арестован.

рядом с политическими лозунгами рисунки, изображающие эпизоды борьбы за свободу. Их делали люди не без способностей: муджахиды в горах... феллахи и солдаты протягивают друг другу руки... трактор идет по полю, среди высоких колосьев; на радиаторе трактора — красный серп и молот.

— Эти рисунки возникли стихийно. Дети и подростки выразили в них свои сокровенные надежды! — Стена над одними воротами была заполнена рисунком на тему о единстве Магриба: над марокканским, алжирским и тунисским солдатами сплетались в искусные арабески флаги трех стран.

— Единство Магриба? Мечты! — заметил Мухтар усталым голосом. — Вряд ли удастся объединить под одной крышей эту троицу: абсолютную монархию, народную республику и полубуржуазную республику, где властвует один человек...

Сомнения, прозвучавшие в голосе Мухтара, нам не понравились:

— Единство Магриба, как и объединение всех арабов, важная цель, для осуществления которой стоит отдать все силы.

— Да, но прежде чем стремиться к дальней цели, мы должны навести порядок в своем доме.

СПОР В КАФЕ

Мы знали Мухтара как одного из «сердитых молодых людей», страстного социалиста. После прогулки по Касбе мы пригласили его на чашку кофе — нам хотелось побольше узнать о социальном развитии Алжира после победы над французами. По дороге мы встретили товарища Мухтара — Абделя³⁹, работавшего в министерстве нефтяной промышленности. И вот мы впятером сидим в том же кафе, за тем же столиком, за которым синеглазая Айша рассказывала накануне о заботах и страданиях алжирских девушек. Услышим ли мы сегодня о заботах юношей?

В разговоре подтвердилось наше первое впечатление

³⁹ Авторы ошибаются. Такого имени у арабов нет. Это — лишь часть какого-либо имени (Абдельхак, Абдельмаджид и т. п.).

от высказываний Мухтара в Касбе. По-видимому, Мухтар переживал личный кризис. Он устал и разочаровался в окружающих людях. На его взгляд, становление социалистического общественного порядка происходило в Алжире слишком медленно. Неудачи и ошибки удручали его.

— Понятие социализма опорощено,—утверждал он.— Сельскохозяйственные рабочие и крестьяне, услышав это слово, думают о коррупции, о хозяйствах, действующих по принципу: «тащи в свой карман», о плохой работе... На многих плантациях, брошенных французами и доставшихся затем феллахам, председатели кооперативов работали только для себя и, как только набивали свои кошельки, тут же исчезали. Каждый, кому удавалось заполучить какой-нибудь пост, сразу же старался устроить на теплое местечко брата или свата.

— Но, Мухтар... Люди, выросшие в условиях строя, где каждый человек человеку волк, не могут сразу научиться думать об интересах общества!

Наш довод не убедил Мухтара. Он ударил ладонью по столу.

— Нужен диктатор, нужна твердая рука. Того, кто посягает на общественную собственность, немедленно под расстрел! Вот тогда ни один плут не будет председателем кооператива.

Мы в ответ возразили, что не считаем такие методы правильными, но Мухтар лишь отмахнулся от нас:

— Да, да, знаю, что вы скажете: нужно терпеливо воспитывать людей, думать об интересах всего общества! Но нельзя, чтобы по принципам марксизма изменялся только экономический базис, а в надстройке, как вы выражаетесь, по-прежнему господствовал ислам и магометанский фатализм.

Маркс и пророк Мухаммед... Айша тоже противопоставляла их. Эта тема, видимо, здесь очень животрепещущая. Я спросил:

— Считают ли в Алжире возможным запрячь Маркса и Мухаммеда в один плуг, как образно выразилась вчера одна девушка?

— Нет! Они несовместимы, как огонь и вода!

Тут в разговор вступил инженер Абдель, до этого только с интересом прислушивавшийся. По выражению его лица было видно, что он не во всем разделял мнение своего друга Мухтара.

— Но в Египте и Сирии уже много лет практически осуществляется это объединение!

— Там другие условия. Мы начали с самого начала, и радикальный разрыв со старым был бы самым правильным!

— При таком радикальном разрыве легко уничтожить хорошее и жизненное! — возразил Абдель, также начавший волноваться. — Но что ты так горячишься? Со временем влияние улемов само собой уменьшится. Ты ведь мне объяснял: когда изменяются экономические, имущественные отношения, изменяется кое-что и в головах людей!

— Почему же тогда мы не изменяем быстрее имущественные отношения? Где земельная реформа? Почему мы не национализируем помещичьи угодья? Шестьсот тысяч мелких крестьянских хозяйств обрабатывают меньше двух миллионов гектаров земли, тогда как двадцать пять тысяч помещиков владеют тремя миллионами гектаров — более чем половиной обрабатываемой ныне земельной площади.

— Я тоже за быстреешую реформу! — Абдель пришел в ярость.

— А почему мы ведем переговоры с владельцами нефтяных промыслов, вместо того чтобы национализировать их! — снова стукнул по столу рукой Мухтар.

— А где у нас специалисты? Не произойдет ли с нашими ведущими отраслями производства то же, что случилось со многими фермами? Можем ли мы рисковать тем, что производство сократится? Не забывай: восемьдесят тысяч французских специалистов уехали из Алжира. Их нужно кем-то заменить.

— Но в сельском хозяйстве...

— И здесь я с тобой не согласен, — прервал Абдель друга. — Тебе хочется сразу добиться цели, а как это сделать? Сейчас нельзя сразу же создавать колхозы! Феллахи должны сначала получить землю в свое распоряжение, чтобы научиться самостоятельно хозяйничать. Если потом они объединятся, никакому председателю уже не удастся их обмануть!

Мы трое полностью выключились из спора. К счастью, алжирцы вели разговор по-немецки. Нам очень хотелось вмешаться и привести примеры из истории ГДР последних двадцати лет, но мы удерживались: ведь в Алжире совсем другие условия.

Как ни запутаны были аргументы, выдвигавшиеся спорившими, из них вырисовывалось сложное положение, переживаемое Алжиром. Мы поняли, что ближайшие годы будут решающими. Но пока два молодых алжирца могут с такой горячностью обсуждать важные социальные вопросы, мы не боимся за их будущее: в конце концов они найдут правильный путь.

Спор поколебал, видимо, пессимизм Мухтара. В заключение он заявил:

— Во время освободительной борьбы в известном отношении было легче. Мы знали, кто враг, в кого стрелять... Строительство нового общества куда труднее.

МЫ ХОТИМ БЫТЬ ЛОЦМАНАМИ!

В последний день пребывания в Алжире мы были гостями армии.

Нас принимало правление кооперативов народной армии, которое находится в восточном пригороде Алжира, у самого моря.

Армейские кооперативы возникли во время борьбы за независимость. Некоторые были попросту фермами в освобожденных районах, брошенными французскими хозяевами. Их взяла армия, чтобы обеспечить снабжение сражающихся воинских частей. После победы правление кооперативов сохранилось и даже расширилось. Сегодня в его ведении шесть больших ферм, обувная фабрика в Оране, фабрика лимонада в Константине, две типографии и птицеферма. На территории правления в Алжире строится мебельная фабрика.

Подобные снабженческие организации существуют почти у всех армий мира. Однако армейские кооперативы в Алжире выполняют, кроме того, и политические задачи: армия хочет создать модель будущей алжирской экономики.

Председатель правления капитан Аушиш, сорокалетний офицер в штатском, принял нас в кабинете и по-военному точно сформулировал задачи, стоящие перед его организацией:

— Сначала мы должны были только снабжать армию, затем — обеспечить работой демобилизованных солдат. Теперь мы хотим показать пример... Возьмем

сельское хозяйство: настоящим бедствием для феллахов, взявших в свои руки фермы, была и продолжает быть до сих пор низкая квалификация руководящих кадров. Из-за эгоизма отдельных лиц то и дело еще встречаются взяточничество и мелкие подлоги. В армии с ее строгой дисциплиной это исключено. Мы назначаем руководителями ферм только подходящих для этого офицеров, поручаем агрономам разрабатывать планы и в конце концов доказываем, что и самоуправляемые фермы могут быть рентабельными.

Чтобы вы, мосье, составили себе правильное представление, хочу подчеркнуть: наша организация не создает концерна, экономического орудия власти армии внутри алжирской экономики. Мы не хотим ничего другого, как быть лоцманами!

После этой краткой информации нас повели в отдел планирования сельскохозяйственных предприятий, являющийся предметом гордости правления. Руководил им инженер Амар, два месяца назад вернувшийся из Москвы, где он учился шесть лет.

Стены комнаты были сплошь увешаны картами, диаграммами, схемами... Со всех полей шести больших ферм были взяты анализы почвы и произведены расчеты средней урожайности. На основе этих данных Амар разработал для каждой из ферм, разбросанных по всему Алжиру, план обработки земли, определил вид удобрения для них и способ посевов.

— Мы надеемся, что в будущем году урожай на фермах повысится, по крайней мере, на одну треть, — сказал Амар.

Столь же конкретные научные планы Амар намерен разработать и для животноводства.

— Нельзя больше заниматься животноводством беспланово, по наитию, мы должны выращивать племенной скот с расчетом на будущее. — Вдруг Амар громко рассмеялся: — Но к чему я все это вам рассказываю? Вы из опыта своей страны знаете, как важно умное планирование в сельском хозяйстве!

В кабинете Амара мы чувствовали себя, как у хорошего руководителя МТС у нас в ГДР лет пятнадцать назад. Мы сожалели, что нас не сопровождал Мухтар. Размах, с которым здесь решались самые трудные проблемы, придал бы ему мужество и веру в будущее родной страны.

Во время поездки по Алжиру две недели спустя мы посетили один из шести армейских кооперативов: ферму «Керел» близ Константины, имеющую тысячу шестьсот гектаров земли.

И там мы увидели все то, о чем рассказывал Амар. Управляющий фермой работал точно по планам, составленным Амаром. Здесь строго проводился севооборот, а над чистыми стойлами висели подробные «диаграммы развития». Рабочие фермы гордились тем, что она считалась лучшей в районе. Они зарабатывали от трехсот до шестисот динаров и получали бесплатное питание и жилье. Для Алжира это очень хорошие условия.

— К нам приезжали уже из многих деревень! — рассказал животновод фермы, бывший сержант. — Крестьяне знакомились с организацией производства, переписывали планы.

Как выразился капитан Аушиш? «Мы хотим быть лоцманами!» По хорошему курсу ведут эти армейские лоцманы алжирскую экономику.

КОЛОДЕЦ

Перефразируя старую острогу, можно сказать: «Сразу, как войдешь в Сахару, налево бензоколонка!» Она стоит на развилке дороги, перед городом-оазисом Бу-Саада. Здесь начало «большого путешествия по оазисам», рекламируемого алжирским министерством туризма как «незабываемое переживание».

Мы наполнили все канистры и тут рядом с бензоколонкой заметили водопроводный кран. Как по команде все трое сбросили рубашки. Хотя стоял декабрь, уже первые часы поездки по Сахаре заставили нас здорово попотеть. Это был самый жаркий день за все наше путешествие. Вчера вечером мы покинули город Алжир и переночевали в маленькой деревушке, у подножия горы. Утром мы поднялись вверх по зигзагообразной дороге в горы Кабилии и после полудня достигли Сахары. Сначала ландшафт не казался нам достаточно «пустынным». Потом появились первые песчаные дюны, и нам пришлось скинуть куртки, а затем и свитера. Взгляд на термометр убедил нас: мы уже не подвержены влиянию холодного зимнего Средиземноморья.

Будет ли и здесь нас преследовать дождь? Не придется ли нам поэтому усомниться во всех географических описаниях пустыни и многочисленных рассказах о ней?

Альфред подставил голову под струю воды из крана, а потом, фыркая, выпрямился.

— Последний водопроводный кран, теперь мы их долго не увидим! А мне нужна хорошая вода для приготовления пищи!

Мы достали резиновые мешки, сложенные в дальнем углу багажника, и наполнили их водой.

— Пятьдесят литров! Хватит для твоих жидких супов?

Вместо ответа наш шеф-повар пустил мне за шиворот струю воды.

Солнце уже клонилось к закату, через полчаса стемнеет. Не остаться ли нам в Бу-Сааде? В переводе это название означает «Счастливое место»⁴⁰. Я вспомнил один туристский проспект: ««Трансатлантик» — отель-люкс в мавританском стиле — расположен среди пышно цветущего парка. Плавательный бассейн». Чтобы назвать отель в пустыне «Трансатлантик», надо обладать недюжинным чувством юмора!

— Туристский оазис? — буркнул Альфред. — Не достаточно ли мы были туристами в Марокко? Повязывать галстук ради кока-колы в роскошной харчевне? Нет уж, спасибо!

«Бу-Саада — родина знаменитых улед-найльских девушек». Имя красивой танцовщицы из племени улед-найль стало во всем Алжире синонимом мимолетной любовной встречи в пути. Но даже перспектива увидеть в Бу-Сааде танцы этих девушек не прельстила нас. Нам и без того пришлось целых восемь дней носить парадные костюмы с галстуками!

— Поедем дальше, до другого оазиса или до лагеря кочевников. Там выпьем чаю и попытаемся поболтать с жителями.

Мы взглянули на карту. В сорока километрах от того места, где мы находились, изображены две пальмы, под ними подпись: Бен С-Рур. Там мы и переночуем.

Солнце садилось. Небо окрасилось в желтые и оранжевые тона, а цепи холмов начали свою цветовую игру: они становились то коричневыми, то лиловыми, то черными... Мы все время следили за спидометром. Тридцать восемь километров — ничего вокруг, кроме песка и камней! Сорок один — развалины двух барачков у дороги, но пальм нет и в помине! Не может же это быть оазисом? Сорок четыре, пятьдесят — ничего!

После шестидесяти километров картина не изменилась — ни пальм, ни огней! Тогда мы просто остановились на обочине дороги. До следующего большого оазиса, если верить карте, осталось более ста пятидесяти километров. Решили переночевать вдаль от людей — так мы, по крайней мере, думали.

⁴⁰ По-арабски (на алжирском диалекте) «бу саада» означает «отец счастья».

Но когда утром солнце разбудило нас и мы отодвинули занавески, примерно в четырехстах метрах от дороги мы увидели ярко-желтую палатку. Позавтракав, нанесли визит соседям. Четыре алжирских рабочих встретили нас очень тепло. В знак приветствия они положили правую руку на сердце и угостили нас апельсинами. По здешним местам это княжеский подарок!

Все четверо были государственные рабочие. В этом пустынном районе они рыли скважину диаметром два метра. С помощью маленького крана, приводимого в движение руками, одного из рабочих опускали в корзине на дно ямы. Там он пневматическим буром дробил камни и накладывал в корзину, а товарищи поднимали ее наверх. Затем камни на тележках свозили в кучу. Изнурительный труд на таком солнцепеке!

Глубина колодца уже достигла двенадцати метров.

— Только на глубине шестидесяти метров, — объяснил нам рабочий, — можно надеяться найти воду.

— Хорошую воду? — спросил я.

Рабочий покачал головой:

— Вряд ли. Колодцы предназначаются только для скота, для стад кочевников, бродящих в этих местах.

— А почему вы копаете именно здесь? Уж не волшебная ли палочка подсказала, что здесь вода?

— Нет, нет! — возразил начальник группы. — Место определил русский инженер. Он точно знает, где в пустыне вода.

— Советский инженер?

— Да, из Москвы.

— А где его можно увидеть?

Алжирец широким жестом показал на горизонт:

— Там... Тут... Где-нибудь в Сахаре!

Сахара занимает семь миллионов квадратных километров!

КЛАН МАХМУДА

Хотя «Баркас» был оборудован сравнительно комфортабельно, за время экспедиции не раз случалось, что жизнь современных кочевников становилась нам в тягость и мы с тоской вспоминали о благах цивилизации.

К обеду сделали привал на гряде холмов, чтобы са-

мим сварить куриный суп с лапшой. После встречи с группой бурильщиков нам не встретилось ни одного человека, даже ни одной машины. Сейчас мы сидели на корточках в придорожной канаве и мыли посуду, стараясь расходувать побольше песку и поменьше воды. Перед нами мерцала бледно-желтая холмистая пустыня, на которой местами как бы пунктиром были обозначены кусты тамариска. Ртуть в термометре давно переползла последнюю черту «жары». Наша машина не отбрасывала уже никакой тени. Мы разрешили себе взять два литра воды из наших запасов, чтобы освежить головы. Всех троих мучила одна мысль: «Сейчас бы под душ, а затем часок поспать в помещении с кондиционированным воздухом!»

Вдруг из-за выступа скалы показалась группа бедуинов. Их имущество было навьючено на десять верблюдов и столько же ослов: покрывала, ковры, палатки, подушки, посуда, сосуды для воды, корзины с финиками, связки хвороста, мешки с едой, домашние животные... Из мешков, перекинутых через седло одного осла, пугливо выглядывали шесть ягнячьих головок. Мамаши семенили рядом.

На стройном верблюде восседала красивая молодая женщина в яркой одежде. Правой рукой она поддерживала ребенка не старше года, а левой давала грудь младенцу, завернутому в платок. Позади нее на седле висели куры, которые, по-видимому, уже смирились со своей судьбой и даже не кудахтали.

Мы подсчитали, что семья состояла из трех женщин и десяти детей. Все они ехали на верблюдах. Сторожевая собака — и та была прикручена к ослу, и только глава семьи шагал рядом. То и дело он наклонялся и поднимал с недавно заасфальтированной дороги кусочки вара, которые затем сминал в комок: запасал материал, чтобы замазывать сосуды для воды.

Рядом с нашей машиной караван остановился. Глава его приблизился. На лице его, напоминавшем Насреддина, было написано: «Ну-ка посмотрим, как снаряжена конкурирующая группа!»

Он подал каждому руку и представился:

— Меня зовут Махмуд!

Бедуин со светскими манерами!

Потом он с хитрой усмешкой подверг строгому осмотру наше снаряжение. Его интересовали пенопласто-

вые подстилки, спальные мешки, судки, термосы... Очень внимательно он осмотрел нашу двухконфорочную газовую плитку. Нам пришлось несколько раз зажечь ее, и сам он тоже попробовал ее зажигать, но, обнаружив толстые баллончики с газом, печально покачал головой:

— Не для меня! Где же достать в Сахаре газ?

Происходил своего рода обмен опытом между «кочевниками» разных эпох.

Больше всему Махмуду понравились резиновые ведра. Он несколько раз складывал их, брал под мышку, вновь разворачивал... Наконец спросил:

— Сколько?

Мы рассмеялись:

— Не продается!

— Только одно! Прошу!

К сожалению, ведра были нам нужны еще на многие месяцы.

Махмуд позвал трех своих жен и показал им приглянувшиеся ему ведра, все время сожалея, что мы ни одного не хотим продать. Женщины были без покрывал. Они держались с нами гордо, с чувством собственного достоинства, и не протестовали против того, что мы их фотографировали. Мы не заметили у Махмуда высокомерия, с которым арабы обычно относятся к своим женщинам.

Мусульманки-кочевницы всегда выступали в иной роли, чем горожанки. Жена кочевника делит с мужем все опасности и неудобства кочевой жизни, поэтому к ней относятся скорее как к товарищу, чем как к рабыне.

По просьбе Махмуда мы посидели еще несколько минут вместе, покурили и поболтали. Так полагается при встрече двух «кланов» среди одиночества пустыни.

Семья Махмуда возвращалась со сбора фиников обратно в пустыню. Месяц или два в году ее палатка стоит у края оазиса — это период оседлости. В это время бедуины нанимаются на работу к владельцам плантаций. Они обрывают финики, а женщины собирают и сортируют. Их ослы и верблюды пока пасутся в большом общем стаде. На заработанные деньги кочевники покупают все необходимое для жизни в пустыне на целый год, прежде всего муку, сахар, чай, пряности... В этом году урожай фиников был плохой, рассказал

Махмуд. Поэтому он раньше обычного собрался в обратный путь.

Когда сигареты были выкурены, Махмуд встал. Он еще раз с сожалением посмотрел на резиновые ведра, потом поклонился и ударил в ладоши. Верблюды, которые, воспользовавшись остановкой, жевали тамариск, росший у дороги, сразу же поднялись и зашагали дальше. Женщины нерешительно кивнули нам на прощание.

Мы посмотрели вслед удалявшемуся каравану и вновь ощутили удовлетворение условиями нашей кочевой жизни. Дитер глубоко вздохнул и вытер пот со лба.

— Представляют ли себе бедуины, что за наслаждение принять ванну!

ФИНИКИ И ДОМИНО

Много часов подряд мы видели только песок, камни, тамариск, горное плато цвета охры, а между ними — серую ленту асфальта. Но вот на горизонте показалась темно-зеленая полоса. Что это? Фата-моргана? Пальмы, вода в канавах, плантации, покрытые водой, тень... Нам сразу стало ясно, почему кочевники воспевают в своих песнях такие мгновения.

У края пальмовой рощи Фугалы еще стояли черные палатки, группами по пять-шесть штук за высокими изгородями из хвороста. Они походили на маленькие крепости. Клан Махмуда, видимо, покинул оазис одним из первых.

Когда мы приблизились к лагерю, навстречу выскочила целая свора яростно лающих собак. Но как и все псы в североафриканских странах, они трусливо поджали хвосты, как только мы на них прикрикнули. Лагерь был пуст. Одна только сутулая старая берберка сидела на корточках у палатки перед примитивным ткацким станком из бамбука. Долго смотрели мы на нее, пока она заметила нас. Вздрогнув от неожиданности, она боязливо указала на пальмы: все мужчины там.

Но нас привлекло монотонное пение, доносившееся из пальмовой рощи в низине. Десять женщин ползали на коленях по земле и собирали в корзины опавшие финики. Темнокожая девушка запевала печальную мелодию, и все хором подхватывали припев.

Чуть дальше босой бедуин, обмотав веревку вокруг тела, проворно взбирался по черенкам отмерших листьев, как по лестнице, на верхушку дерева. Там он привязывал веревку к грозди фиников, обрубал ее ножом, похожим на саблю, и медленно спускался на землю. Внизу огромные гроздья выстраивали в ряд, черенками кверху. Такая гроздь высотой с метр весит полцентнера.

Бедуины были в превосходном настроении.

— Остались только четыре пальмы, и в этом оазисе сбор урожая закончен! — сообщил, улыбаясь, старший. Значит, мы приехали вовремя.

Через полчаса финики были собраны со всех четырех пальм. Гроздья погрузили на спины ослов, привязали, и мужчины, весело переговариваясь, отправились в деревню. Нас дружелюбно пригласили присоединиться к ним. Ослы семенили сзади. В роще остались только женщины — они до темноты будут подбирать упавшие плоды.

В Фугале гроздья фиников висели на стенах домов и на дверных проемах. Во дворах виселись большие кучи рассортированных плодов, а на обочинах дороги штабелями стояли ящики с финиками, готовые к отправке. Для жителей оазиса это самая горячая пора года, ведь финики — единственная произрастающая здесь культура. В эти дни наслаждались и мухи Сахары. Казалось, что они проводят на грудах фиников свои ассамблеи.

Бедуины подошли к длинному глинобитному сараю, на стенах, на потолке, на рамах которого висели зонтики фиников. Казалось, что все помещение до отказа набито плодами, что они вот-вот вывалятся из двери. Однако и для новой партии нашлось место. Финики с неделю пролежат здесь в гроздьях, потом их оборвут и рассортируют: плохие и мелкие пойдут на корм скоту, средние — для домашнего потребления, а отборные уложат в ящики и отправят в город Алжир.

Когда последние гроздья были уложены в сарай, старший из бедуинов, которого почему-то звали Жан, радостно хлопнул в ладоши. Потом он дружески ударил нас по плечам:

— А теперь выпьем кофе!

Мы направились было к палаткам, но Жан показал на центр селения:

→ В кофейню!

Пока бедуины живут в палатках на краю оазиса и в кармане у них еще водятся деньги, вечера они проводят в мужской компании за игрой в домино или за беседой. Для одиноких вечеров в семейном кругу у жителя пустыни достаточно времени в течение года.

Кофейня — выбеленное помещение с глиняным прилавком — была уже полна. Бедуины группами сидели на ковриках из пальмовой соломы и играли в домино. Нам сейчас же освободили место. И не успели мы оглянуться, как перед нами уже лежала деревянная дощечка, а в руках мы держали кости домино. Свой кофе еще нужно было заслужить!

По правилам игры тот, кто проиграет семь партий, должен платить за кофе или чай для всех партнеров. Играют с увлечением и азартом, прибегая ко всяческим ухищрениям. Мы не знали их приемов и большей частью проигрывали, но один раз мне все же удалось сыграть со счетом 3:3. Это была сенсация. На соседних досках игра прекратилась. У моего противника сразу оказалось много болельщиков. Его подбадривали, поддерживали возгласами... Не удивительно, что я снова проиграл.

Еще не успели принести кофе, а передо мной уже уселся новый противник. Честолюбие повелевало чуть ли не всем кочевникам выиграть у «немца» кофе. После десяти игр мы забастовали, хотя нам хотелось бы еще поиграть и поболтать. Но после такого количества выпитого кофе наши сердца забились учащенно.

МАТРОС ПУСТЫНИ

Что за шум? Я проснулся. По стеклам колотили детские кулачки.

— Тихо!

Как сказать по-арабски «тихо»? К сожалению, наши лингвистические познания очень ограничены.

Вечером мы заснули поздно — за время игры в домино пришлось выпить столько кофе, что мы чуть не отравились. А теперь оказалось, что мы поставили машину перед школой. Я открыл дверцу и выругался по-немецки. Не помогло. Ну, значит надо вставать!

Наш утренний туалет и завтрак были для молодежи

оазиса настоящей сенсацией. Двадцать пар глаз следили за каждым куском, который мы клали в рот. А потом все разом кричали:

— Мосье, какой это газ?

— Мосье, сколько лошадиных сил у вашего мотора?

— Мосье, а в Германии едят финики?

— Мосье, мосье!..

Можно ли сердиться на детей? Если бы караван верблюдов остановился перед какой-нибудь школой в Саксонии, вряд ли его погонщикам удалось бы утром выспаться!

Дети говорили сравнительно сносно по-французски и часто выступали в роли переводчиков, помогая нам объясняться с бедуинами. Сейчас большинство маленьких кочевников ходит в школу, по крайней мере в те месяцы, пока они живут близ оазисов. Многие кочевники уже в течение всего года посылают в школу своих сыновей. Вся семья кочует по Сахаре, а мальчики живут в интернатах, созданных государством в оазисах. Раньше это было бы немислимо. Интернаты, правда, еще довольно примитивные, но свое назначение выполняют. Через несколько лет появятся, без сомнения, и студенты из детей кочевников.

Какие профессии изберут они? Врачей? Гидрологов? Ветеринаров? Офицеров? Я спросил об этом Абделя, самоуверенного двенадцатилетнего мальчугана, верхово-дившего среди детей. Вчера во время игры в домино он давал мне полезные советы.

Ответ Абделя прозвучал быстро, как выстрел из автомата:

— Я хочу быть матросом!

В первый момент мы онемели, но, поразмыслив, решили, что это желание сына безводной Сахары не так уж странно.

Свисток учителя освободил нас от мучителей — начался урок. Без ребят мы сможем побродить по оазису, на радость Альфреду, которому «мухи», как он назвал детей, мешали производить съемку.

Но не прошли мы и ста метров, как из-за колючего кустика появился Абдель:

— Что вам угодно посмотреть, мосье? Я проведу вас!

— А уроки?

— Ради вас стоит снести наказание!

Не хватало только, чтобы он при этом галантно поклонился! Наш довод, что ему, мол, как будущему матросу, нужно много знать, тоже не помог.

— Я второй ученик!

Ну, если так...

Абдель повел нас к новой плантации. Молодые пальмы были посажены в ямы — два метра в ширину и пять в глубину. Их сажают так глубоко, чтобы удобнее было поливать и охранять молодые побеги от горячего ветра пустыни. По мере того как пальма вырастает, в яму подсыпают землю. Взрослые пальмы оказываются уже в неглубоких ямах. Насос подает воду из колодца в водоем, находящийся на возвышении, откуда она по системе труб и канав распределяется по плантации. Чтобы полить пальму, земляную перемычку в канаве разрушают. Когда вода наполняет углубление, канаву перекрывают, а воду направляют к следующему дереву.

Старый бербер вышел из глинобитного домика и пригласил нас выпить с ним кофе. Он арендовал плантацию у помещика, жившего в Алжире, за двести динаров в месяц. Это много, пожаловался он, ведь большинство пальм еще не плодоносит. Он уже задолжал арендную плату за два года...

— Плантацию нельзя расширять по своему желанию, — объяснил Абдель с выражением доцента, читающего вступительную лекцию. — Под оазисом воды мало. Но скоро ее будет вдоволь. Русские инженеры бурят поблизости землю. Часть воды перепадет и Фугале...

— Советские инженеры? А где они работают?

— Там! В десяти километрах от нас.

— А ну покажи-ка дорогу!

По неровной дороге мы поехали к маленькому оазису — спутнику Фугалы. В ста метрах оттуда на плоском холме стояла буровая вышка, окруженная вагончиками, в которых жили люди. Инженер, брюнет с вьющимися волосами, вышел нам навстречу.

Мы направили к нему Дитера — нашего специалиста по русскому языку:

— Здравствуйте, товарищ! Мы из Германской Демократической Республики...

Инженер улыбнулся и ответил по-французски:

— Сожалею. Я итальянец и работаю для французской фирмы... Советские коллеги бурят восточнее, в тридцати километрах отсюда.

Мы извинились. Инженер кивнул головой:

— Мы уже привыкли. Здесь стало обычаем приписывать все поисковые работы советским инженерам. До сих пор они успешнее всех находили воду!

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ТОВАРИЩИ!

В городе-оазисе Бискра мы, наконец, нашли центральный пункт советских бурильщиков: большой двор, окруженный высокими сараями и мастерскими, заполненный грузовиками, кранами, бурильными установками, бензобаками... Здесь же, уложенные штабелями, лежали стальные трубы.

В дирекции мы показали наши визитные карточки. Через несколько секунд в дверях появился широкоплечий мужчина типа Бахирева из книги «Битва в пути».

— Welcome, товарищи!

— Guten Tag! Здравствуй!

Приветствие, произнесенное на трех языках, всех расшемило. Преграда была сломлена. Мы находились среди друзей.

Главный инженер Владимир Александрович Кремшенков постепенно познакомил нас со всеми своими товарищами, которые заходили, увидев «Баркас». Мы уже ответили на многочисленные вопросы о нашей экспедиции, о странах, которые видели, и хотели, в свою очередь, расспросить советских друзей о их работе, но тут Кремшенков посмотрел на часы:

— Работа кончилась, товарищи. Не провести ли нам вечер в каком-нибудь уютном месте?

Час спустя мы сидели с Кремшенковым и главным геологом Эдмундом Антоновичем Шилкором в «Баркасе», на краю пальмовой рощи. Советские друзья принесли бутылку коньяку. Мы достали пластиковые рюмки и разрезали последний кусок венгерской салями, купленной в Ростокке. За «ста граммами» мы разговорились.

По договору между алжирским министерством сельского хозяйства и Советским правительством сорок шесть советских инженеров, научных работников и техников уже год работают в Сахаре. Им пришлось преодо-

леть большие трудности: геологические исследования, оставшиеся в наследство от французских колонизаторов, были весьма неполными. Прежде чем приступить к бурению скважин, нужно было провести трудоемкие изыскания.

— Порой работа была чертовски трудной, особенно в убийственно жаркие летние месяцы, — рассказал Кремшенков. — Но когда мы видели, как нужна вода жителям пустыни, когда слышали, какие надежды они возлагают на нашу работу, мы снова обретали бодрость духа. Мы не имели права их разочаровывать!

Но вот анализы почв были тщательно изучены, и началось пробное бурение. Его проводили там, где нужда в воде была особенно острой, где соль грозила уничтожить оазисы.

— Наше терпение подверглось жестокому испытанию. Мы ошибались и в результате находили только соленую воду. Но, наконец, на глубине пятисот метров все же обнаружили между двумя оазисами богатый резервуар пресной воды.

На лице Шилкора отразилась радость тех дней:

— Наши успехи произвели на жителей оазисов особенно сильное впечатление, потому что именно здесь французы уже много раз проводили бурение, правда, только на глубине двухсот метров. У них не было таких совершенных бурильных установок...

Мы провозгласили тост за счастливое бурение и осушили пластмассовые бокалы.

— Однажды, — сказал Кремшенков, — мы даже нашли целебную минеральную воду. Кочевники годами не могли избавиться от сыпи, а тут выкупались в источнике — и через три дня ее как не бывало.

— Что же стало с этим источником?

— Сейчас Алжир лишен возможности использовать эту воду в медицинских целях. Чтобы ценная влага не иссыкла в песке, даже если ею польют финиковые пальмы, мы закрыли источник, но его можно в любой момент открыть. Может быть, через несколько лет здесь, среди Сахары, возникнет мировой курорт с современными санаториями, ваннами, парками... Может быть...

Мы разговаривали до полуночи, а потом советские друзья пригласили нас на свою виллу.

— Вы должны провести ночь в нашем саду. Там вы можете рвать апельсины прямо с веток!

Перед тем как лечь в постель, каждому из нас, хоть головы и были затуманены, пришлось еще сыграть партию в шахматы.

БОГАТСТВО В ПЕСКЕ

Мы поехали к месту работ советских инженеров — к югу от «Национальной магистрали № 3», ведущей через оазисы Туггурт и Уаргла к Чаду и Нигеру. Дорога прекрасная. Она соединяет Средиземноморское побережье с алжирским нефтяным центром Хасси-Мессауд.

Еще сравнительно недавно, лет двадцать назад, поездка по Сахаре была опасной авантюрой. Величайшая пустыня мира была доступна лишь мужественным путешественникам. Теперь она стала неисчерпаемой кладовой для геологов. Это район с большим будущим, настоящая Сибирь Африки.

Почти до половины нашего столетия Сахара считалась мертвым песчаным морем, приносящим только бедствия. Но ученые вновь и вновь утверждали, что недра Сахары таят в себе неисчислимые богатства. Французские исследователи бомбардировали правительство в Париже сообщениями, в которых точно указывали, где и в каких количествах залегают нефть, природный газ, уголь, железная руда, марганец, свинец, алмазы... Но Париж оставался глух к словам исследователей, их даже часто объявляли безумцами, которым не следует верить. Такое странное поведение объяснялось тем, что в то время интересы французских монополий были направлены в другие районы. Нефтяные компании были тесно связаны со знаменитыми «семью сестрами» — крупными нефтяными трестами, господствовавшими на мировом рынке. Сахарская нефть, расположенная по отношению к Европе гораздо удобнее ближневосточной, могла оказать неблагоприятное влияние на цены.

Только в начале пятидесятых годов, когда усиливавшееся движение за независимость в странах Ближнего Востока сделало их нефтяные ресурсы не столь надежными, французские компании заинтересовались эксплуатацией богатств сахарских недр.

Но теперь алжирский народ поднял голос и заявил о своем праве на богатства родной страны. Через не-

сколько месяцев после того как в великой восточной пустыне, в тысяча пятистах километрах к югу от города Алжира, из буровой щели впервые показался природный газ, 1 ноября 1954 года началась вооруженная борьба за свободу.

После завоевания независимости использование полезных ископаемых пошло быстрыми темпами. В 1964 году было добыто: 26,2 миллиона тонн нефти. 2 миллиарда кубических метров природного газа. 2,7 миллиона тонн железной руды, 65 тысяч тонн цинка. 73 тысячи тонн фосфатов. Однако в добывающих отраслях все еще господствует иностранный капитал⁴¹. Алжирскому государству принадлежит только один из трех нефтепроводов и пятьдесят процентов акций французской нефтяной компании Репаль, добывшей в 1964 году около восьми миллионов тонн нефти — менее одной трети всей добычи.

Алжиру необходима промышленность, которая обрабатывала бы это сырье. В Колон-Бешаре, на марокканской границе, есть все предпосылки для того, чтобы здесь возникла североафриканская Рурская область: железная руда и уголь залегают в близком соседстве. Но для индустриализации Сахары необходима еще вода. Эту проблему также можно решить. Геологи предполагают, что под песками находится пресное море площадью шестьсот тысяч квадратных километров, водные ресурсы которого составляют около шестидесяти миллиардов кубических метров.

Но оно расположено на глубине свыше тысячи метров. Если удастся добыть воду в нужных количествах, величайшая пустыня мира может быть превращена в индустриальную область, окруженную цветущими садами.

Вода для Сахары — богатство для Алжира.

⁴¹ Сейчас положение в Алжире изменилось. Вследствие национализации в мае 1968 г. иностранных компаний, ведавших распределением нефти и газа, и успехов национальной нефтяной промышленности доля контроля Алжира над своими запасами горючего значительно увеличилась. Что касается добычи железной руды, цинка и фосфатов, то она еще в мае 1966 г. перешла под контроль правительства Алжира.

ПОДЕЛЕННЫЙ ИСТОЧНИК

Голые детишки кочевников с визгом барахтались во рву с водой и кидали друг в друга грязью. Что это — картина Сахары будущего? Такую сцену мы наблюдали вблизи колодца, принесшего советским инженерам славу «чудодейственных» искателей воды.

Колодец расположен на холме, между двумя маленькими оазисами — Бен-Тиус и Кереллах, — в тридцати километрах к западу от шоссе Бискра — Хасси Мессауд. Из трубы диаметром сорок сантиметров в бассейн била кристально чистая тепловатая вода. Две глиняные дамбы высотой в метр, похожие на маленькие виадуки, отводили воду в западном и восточном направлении. Отсюда по рвам она текла к оазисам. Открыт был только один сток, другой — заложен камнями.

У колодца толпились женщины и подростки. Они набирали воду в деревянные бочки, а также в мешки из козьих шкур, которые перевозили попарно, перебросив через спины ослов. Молодой человек в черной кожаной куртке, по-видимому, выполнял здесь административные функции. Он командовал женщинами и детьми и очень деловито регулировал движение. Заметив нас, он подошел и больше уже не отходил. Может быть, он следил, чтобы мы не испортили колодец? Нет, ему не терпелось рассказать, что произошло здесь два месяца назад, но ему это было трудно — он плохо говорил по-французски. К его великой радости, мы все же поняли, что он хотел сказать. Советские инженеры весьма наглядно обрисовали накануне это событие.

В тот день глубина скважины приблизилась к пятистам метрам. Из Бискры, как обычно, прибыли инженеры, руководившие работами. Правда, они надеялись в ближайшие дни наткнуться на хорошую воду, но когда это будет — точно не знали. К их смущению, они обнаружили, что население обоих соседних оазисов собралось у места бурения и ждало воду!

И вот свершилось чудо! Из буровой скважины внезапно брызнула вода под давлением примерно пяти атмосфер и образовала фонтан выше минарета! Из ста глоток вырвался крик! Люди ликовали, обнимались, прыгали под струи огромного фонтана. Вымокнув до нитки, они резвились, как расшалившиеся дети. Наконец-то, наконец-то пресная вода! Слава аллаху и рус-

Вот она, вода для Сахары!

ским кудесникам! Кое-кто из женщин затаскивал инженеров и техников под струи искусственного дождя и там начинал танцевать. Появление воды надо было отпраздновать!

Праздник еще не кончился — а уже прорывали первые каналы, отводившие воду на плантации. И тут возник спор: куда направить основной поток? Каждый оазис требовал для себя львиной доли. После стихийно возникшего совета старейшин обоих селений было найдено соломоново решение: двенадцать часов вода будет течь в восточном направлении, двенадцать — в западном. Сторож, нанятый общинами, будет следить за соблюдением этих условий. Мирный договор был скреплен рукопожатием старейшин, и празднества продолжались еще целые сутки.

Необычное для населения оазисов изобилие воды породило новые проблемы. Через несколько дней люди поняли, что для орошения имеющихся плантаций, полей и садов достаточно только части добываемой воды. Что делать с остальной?

— Давайте зожим новые плантации, возделаем новые поля! — сказали одни.

— Но кому принадлежит земля пустыни? — возразили другие.

— Никому!

Все растерялись. Наконец кто-то сказал:

— Никому — это значит всем! Кому принадлежит вода? Нам всем! А если земля и вода принадлежат нам всем, то почему бы не обрабатывать и не орошать землю совместно, а потом делить урожай?

После этого в обоих оазисах возникли сельскохозяйственные производственные кооперативы.

Старейшина Бен-Тиуса, седовласый старик с обликом пророка, показал нам статут кооператива, выработанный самими крестьянами и записанный учителем. К сожалению, мы не смогли его прочитать, но даже из несовершенного перевода поняли, что в нем нет юридических мудрствований, он изложен простыми, часто беспомощными фразами, но по сути дела мало чем отличается от устава наших первых кооперативов.

Колодец, животворная сила воды изменили общественные отношения в этих двух оазисах.

ОНИ ПРОБУЮТ ЕЖЕДНЕВНО!

На краю Бен-Тиуса создавали новые поля. Участок пустыни очистили от камней, сровняли и с помощью машины, напоминавшей снегоочиститель, окружили двойной дамбой. Возникшие при этом каналы соединили с колодцем. Теперь, открыв отверстие в насыпи, можно, по желанию, залить поле водой.

Заливные поля переливались на солнце, и мокрый, бурого цвета песок блестел, как жирная пахотная земля... Два молодых крестьянина, подвязав рубашки у бедер, с мотыгами через плечо шли вброд по канавам, протянувшимся вдоль дороги.

— По воде лучше ходить? — спросил я.

Смеясь, оба жестами объясняли: по сухой каменистой почве они ходили годами. А теперь у них водные пути!

Один из парней взял ком глины, слепил из него шар и с шумом бросил в воду. С сияющим от радости лицом он сказал: «L'eau: russki ingenieurs! Pour nous: beaucoup plus!» Эта смесь арабского с французским означала: «Вода советских инженеров принесет нам много денег».

Как выглядел Бен-Тиус два месяца назад, мы узнали после получасовой поездки по зыбучим пескам в оазис Лиуа. Поля здесь лежали под слоем белой пыли, как будто их покрыл иней. Пальмы растрепанными метлами печально торчали на фоне неба. У одних осталось два-три веерообразных листа, другие стояли совсем голые. Земля под пальмами, на которой в Бен-Тиусе росла трава, здесь была покрыта твердой соленой коркой.

Уже много лет колодцы Лиуы дают только соленую воду, которая постепенно губит растительность на полях и плантациях. Оазис обречен на смерть.

Но в четырех километрах отсюда в Сахаре мы увидели надежду Лиуы — буровую вышку советских инженеров. Они и здесь установили ее на холме посреди большого шотта — высохшего соленого озера.

Алжирские рабочие меняли деталь установки, руководил ими буровой мастер из Баку по фамилии Бушев. Бурение производили в две смены. Постоянно присутствовал только один советский мастер, но сегодня на скважину прибыли и несколько инженеров. Шилкор стал

на колени у буровой щели и наполнил пробирки водой — это проба для анализа.

— Здесь мы столкнулись с большими трудностями — просачивается соленая вода, — пояснил он. — Пришлось вставлять трубы, а промежутки между ними заполнять специальным цементным раствором. Это нас очень задержало.

В этот момент невдалеке на дороге остановился грузовик. Из него вышли несколько жителей оазиса. Они подошли к буровой вышке, склонились над источником, помочили в нем руки, а затем облизали пальцы.

— Крестьяне-финиководы каждый день приходят пробовать воду, — сказал Шилкор. — Так, по содержанию соли в воде, они контролируют нашу работу, чтобы знать, скоро ли конец!

— Можно ли нам приготовить фотокамеру, чтобы заснять момент, когда пойдет вода?

Шилкор, смеясь, показал на жителей оазиса, возвращавшихся к машине:

— Они уезжают. Значит, сегодня ничего не произойдет! Но я уверен, когда мы наткнемся на пресную воду, все жители, как и в Бен-Тиусе, будут тут как тут. Но вам-то вряд ли можно так долго ждать... Мы дошли пока до двести тридцать седьмого метра, а рассчитываем на хорошую воду только после пятисот!

— Всегда одно и то же: приезжаешь либо слишком рано, либо слишком поздно! — жалобным тоном произнес Альфред и в раздумье сел на кучу труб. — Ликование под фонтаном воды в Сахаре... неплохой кадр!

ЧЕЛОВЕК С ОБЛОЖКИ ЖУРНАЛА

Я сидел в машине и писал... рождественские поздравления! В окно я видел, как мимо проплывали песчаные дюны, видел стада верблюдов, причудливые скалы, а между ними кое-где карликовые оазисы из трех-четырех пальм. Затем дорога начала постепенно подниматься в гору, и, как бы под влиянием моих рождественских мыслей, с каждым километром становилось все холоднее.

Глубокие ущелья, густые леса пиний и дубов, горы высотой до двух тысяч метров — таков массив Аурес на

востоке Алжира. На отвесных склонах лепятся деревни, центр которых образуют гелла⁴² — похожие на крепости зернохранилища. Пробраться к ним можно только по узким ступенькам, выбитым в скалах, или по веревочным лестницам.

Этот район с его неприступными деревнями-крепостями много веков был недостижим для иноземных завоевателей. Гордые берберы Ауреса выстояли против нашествий вандалов, византийцев, турок и долгое время оказывали сопротивление войскам французских колонизаторов. В этих горах, история которых богата освободительными войнами, в ноябре 1954 года началась героическая борьба алжирцев за независимость. С тех пор Аурес считается колыбелью алжирской свободы.

Когда мы достигли Батны — главного города Ауреса, было уже темно и очень холодно. Термометр показывал два градуса выше нуля. Четыре часа назад в Сахаре мы изнывали от тридцативосьмиградусной жары.

В Батне мы встретили группу механиков из Карл-Маркс-Штадта, работавших на строительстве текстильного комбината. Обрадованные встречей, они пригласили нас на ужин и дали возможность смыть с себя пыль пустыни под горячим душем. На следующее утро они показали нам стройку и помещения, где обучали своих алжирских коллег управлять текстильными машинами.

Осмотр стройки был не единственной и не главной целью нашей остановки в Батне. Нам хотелось отыскать места, откуда в 1954 году началась борьба за независимость. Но кто мог их показать? Можно ли было рассчитывать встретить в горах бывших партизан? Нам помог случай. Один механик рассказал, что несколько дней назад в городе с ним заговорил по-немецки алжирец, который потерял во время боев в Ауресе ногу, а затем долго жил в ГДР. Вот был бы идеальный гид!

Но как его найти? Мы навели справки в городском управлении и в штабе армии. И тут и там с первого слова поняли, о ком идет речь, назвали даже имя этого человека: Ахмед Ябка, но адреса его никто не знал. «Через три дня он выступит перед новобранцами в армейском клубе. Если вы подождете...»

⁴² Гелла (от арабского «кальа» — «крепость, цитадель») обычно расположена в самой верхней точке горного селения. В средние века служила защитой от врагов. Сейчас это — общественные амбары для хранения зерна, овощей, фруктов.

Наконец мы с механиком нашли улицу, где он встретил Ахмеда. Справились у лавочника и в автомастерской, но только булочница показала нам дом Ахмеда. На стук никто не открыл. После повторного сильного стука за закрытой дверью раздался женский голос, сообщивший, что мужа нет дома. Мы попросили женщину передать, что в восемь часов вечера будем ждать Ахмеда в отеле, где живут немецкие механики, но вовсе не были уверены, что она нас поняла.

До назначенного часа мы сидели с земляками в вестибюле отеля и играли в скат. Вдруг Альфред вскочил:

— Это он! С ума сойти: герой с моей обложки!

Ахмед Ябка тоже сразу же вспомнил:

— Это было в 1959 году в Эйзенберге. Вы пришли с очень хорошенькой блондинкой.

Вместе с другими тяжелоранеными Ахмед лечился в одном из наших санаториев. Ему сделали протез, пользоваться которым он учился в госпитале для выздоравливающих в Эйзенберге. Ахмед догадался, чего мы от него хотим. Прежде чем мы успели его попросить, он сам сказал:

— А теперь вы хотите посетить места боев в Ауресе? Конечно, я с удовольствием покажу вам все, что знаю... В котором часу мы завтра встретимся?

ПЕРВЫЕ ВЫСТРЕЛЫ

Если бы мы предвидели, как утомительна будет для нашего друга поездка в горы, мы не приняли бы его предложения.

Утро следующего дня было дождливым, с вершин гор дул ледяной ветер. Через несколько километров мы въехали в густые облака, а четверть часа спустя «дворники» на «Баркасе» закрипели, счищая хлопья снега. Снежная буря в Африке! Сначала мы храбрились, хорошее настроение не покидало нас, на перевале мы даже затеяли игру в снежки. Но потом дорога, вьющаяся вокруг горы, стала скользкой, машину несколько раз заносило, и мы начали клясть снег.

— Вон там был холм, покрытый лесом... Напалм все сожрал! — объяснял Ахмед.

Но мы видели только стену тумана.

— Деревню там, на склоне, три раза пыталась за-

хватить рота иностранных легионеров. Потом ее уничтожили бомбами...

Мы различали только контуры гор, затянутых пеленой облаков.

Ахмеда погода не обескураживала. Много раз он просил остановиться и выходил из машины, хотя ему было трудно передвигаться по скользкой дороге. Он прошел с нами по развалинам бывшей французской базы снабжения, которую стремительным ударом захватил со своей ротой, разгромил и взорвал.

— Здесь был склад консервов, а там — ручных гранат... С того дерева я поджигал подрывной заряд.

А потом мы стояли у опушки леса. Под нами расстилалась долина, по ней петляла дорога. Такой пейзаж можно увидеть в Тюрингском Лесу. Только мощная каменная сторожевая башня на противоположном холме напоминала остатки средневековой крепости. Французы окружили весь район сетью подобных башен, расставив их так, чтобы из каждой была видна соседняя, но и это не остановило операции Армии освобождения. Сегодня эти башни на кручах Ауреса напоминают о тяжелых временах, связанных с большими жертвами.

Ахмед показал палкой на ямы у опушки леса:

— Отсюда 1 ноября 1954 года раздались первые выстрелы. Рота муджахидов — добровольцев из района Ауреса — окопалась в лесу и напала на колонну французских грузовиков. Такие же налеты были совершены одновременно в тридцати других точках Алжира. Кроме того, в казармах и на вокзале в Батне взорвались самодельные бомбы. Выступлению предшествовали массовые собрания в деревнях Ауреса и Кабилии. Ораторы Революционного комитета единства и действия разъясняли смысл решения — начать вооруженную освободительную войну против колониального режима — и проводили голосование. Поднимались все руки. «Мы призываем всех алжирцев независимо от их партийной принадлежности к единству!» — говорили ораторы. На таких собраниях в районе Ауреса в последних числах октября в армию вступили более двух тысяч алжирских добровольцев. О необходимости вооруженной борьбы говорилось и в листовке, распространенной по всему Алжиру 31 октября: «Наша тяжелая борьба окончится только тогда, когда будет достигнута великая цель: Алжир станет независимой демократической республикой».

Ауресское восстание было не выступлением кучки заговорщиков, как твердили французские газеты, а подлинным народным восстанием. Время для него назрело. Угнетение алжирцев колонистами и колониальными учреждениями усилилось настолько, что иного выхода не оставалось. Попытки алжирских руководителей вести переговоры с французским правительством, чтобы найти мирный путь для получения независимости, терпели неудачу, так как бóльшая часть колонистов была ультра-реакционной и симпатизировала фашистам.

Мы не ставим перед собой задачу излагать историю освободительной борьбы в Алжире, но об одном событии все же нельзя не вспомнить — о кровавой расправе 8 и 9 мая 1945 года.

В те дни, как и в Москве, Париже, Вашингтоне, Лондоне, как во всех странах, участвовавших в борьбе против фашизма, жители алжирских городов, счастливые и гордые, праздновали победу. В городе Сетифе — район Константины — пятнадцать тысяч алжирцев направились к памятнику павшим, чтобы возложить венки. Впереди несли флаги стран, участвовавших в борьбе с фашизмом. Среди них было и зелено-белое знамя с красным полумесяцем и звездой — флаг Алжира. Демонстранты полагали, что имеют право на это, ибо триста тысяч алжирских добровольцев боролись против фашистских армий в Тунисе, Италии и Франции. Многие были награждены за доблесть орденами.

В Сетифе демонстрация была организована Ассоциацией друзей Алжирского манифеста. В феврале 1943 года манифест был принят группами националистов, объединившимися вокруг Фархата Аббаса. В нем выдвигалось требование конституции и создания самостоятельного алжирского правительства в рамках федерации с Францией. «Друзья манифеста» верили в мирный путь достижения независимости. 8 мая 1945 года им был преподан жесточайший урок.

Когда около девяти часов утра колонна демонстрантов достигла рыночной площади, ее остановили жандармы. Разъяренный офицер французской полиции Оливьери потребовал убрать алжирский флаг и транспаранты. Ему спокойно возразили, что демонстрация, и притом с флагами, была разрешена администрацией. Тогда Оливьери скомандовал: «Огоны!» Полицейские начали стрелять в безоружных людей. Одним из первых был убит

человек, несший алжирский флаг. Несмотря на это, демонстранты дисциплинированно отошли назад, собрались у памятника и возложили к его подножию цветы. Оратор предложил почтить память погибших минутой молчания. И в этот момент над площадью прозвучал залп. Полицейские безжалостно стреляли в людей, которые лишь хотели отдать должное тем, кто погиб на войне.

Такие же нападения произошли в Омале, Гельме, Константине и других городах. Алжирские руководители были арестованы. Военные власти объявили чрезвычайное положение в районе Константины. Началась охота на людей, которую можно сравнить только с преследованием евреев фашистами. Алжирцев сотнями сгоняли и расстреливали в каменоломнях или перед свежеврытыми массовыми могилами. Французские самолеты без предупреждения бомбили десятки деревень. Крейсер «Дюгэй-Труэн» также без предупреждения обстрелял прибрежные городки... Десять дней длилась эта бойня. Погибло сорок пять тысяч алжирцев. Сорок пять тысяч невинных были убиты!

Только через девять лет алжирский народ нанес ответный удар. Девять лет потребовалось ему для подготовки. За это время была создана сильная подпольная организация.

1 ноября 1954 года считается днем начала борьбы. Но решение начать борьбу было спровоцировано французскими колонизаторами в кровавые майские дни мирного 1945 года.

ДЕРЕВО АХМЕДА

Мы решили остановиться и выпить чаю в Медине — маленьком поселке, расположенном на высоте двух тысяч метров в центре гор Ауреса. Согреться было необходимо — резкий ветер буквально пронизывал нас до костей. Как только Ахмед вышел из машины, его, несмотря на снежную метель, тотчас же окружила толпа берберов. Особенно сердечно его обнимал какой-то великан двухметрового роста с крючковатым носом.

— Это Рабах,— представил великана Ахмед.— Три года он был у меня старшим сержантом! Другие братья, собравшиеся здесь, тоже из моей роты.

Нам крепко, до боли, жали руки. Рота худощавых

берберов, напомнивших мне римских легионеров с картин, была, вероятно, хорошим отрядом.

Прежде чем мы смогли усесться в теплой чайной, Ахмед должен был пойти в соседний дом, посмотреть новорожденного, дать совет торговцу насчет кредитов, посетить больного товарища... По тому, как берберы с ним разговаривали и как почтительно к нему относились, было ясно, что Ахмед для них — большой авторитет. Жители Медины еще и сейчас называли его с уважением — «наш лейтенант», хотя он не уроженец здешних мест и не бербер, а араб из города Алжира.

В 1952 году девятнадцатилетний Ахмед, сын хозяина харчевни, был призван во французскую армию. Он уже тогда был связан с руководителями движения за независимость. Его часть прошла подготовку во Франции и в Кобленце, после чего ее отправили во Вьетнам.

— Мои друзья из революционного комитета в городе Алжире сказали мне перед тем, как меня призвали: «Ахмед, если попадешь во Вьетнам, изучай методы вьетнамских партизан!» — рассказывал Ахмед за чаем. — Я, правда, не был среди партизан, но все же научился многому, что мне пригодилось потом здесь, в Ауресе.

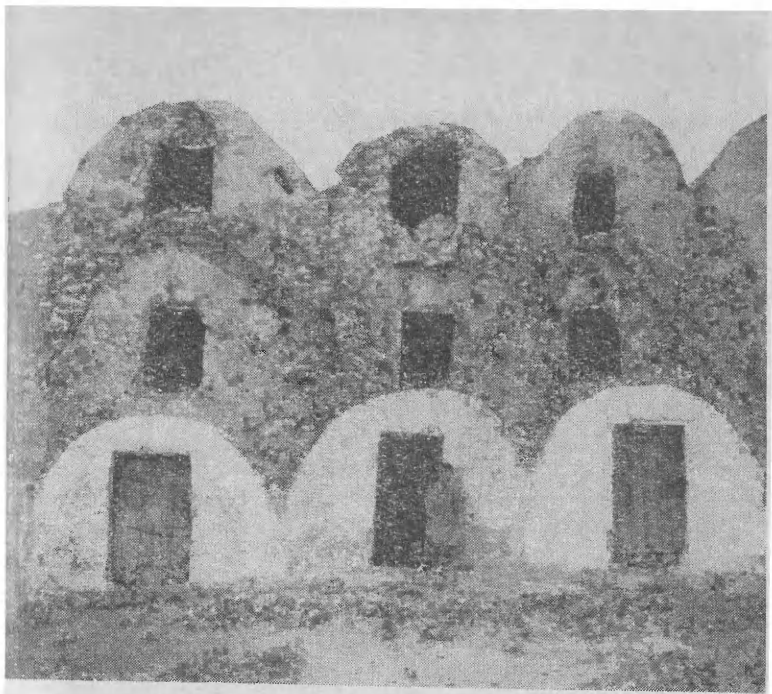
В 1954 году часть Ахмеда вернулась в Алжир. Он тотчас же восстановил контакты с освободительным движением. Осенью он получил приказ дезертировать со своим оружием и пробиться в горы Ауреса. Пятнадцать дней шел он от Омаля в Центральном Алжире до Медины, все время рискуя быть схваченным французскими патрулями и расстрелянным на месте.

В районе Ауреса, где командование было возложено на полковника Айсауи, родом также из Медины, Ахмед принял роту храбрых, но не обученных военному делу берберов. Уже в боях он должен был сделать из них дисциплинированных солдат.

Товарищи Ахмеда до сих пор оставались слушателями и только просили переводить наши вопросы. Теперь освоившись, они вступили в разговор. Длинный Рабах внезапно так хлопнул по плечу своего лейтенанта, что тот вздрогнул.

— Нас даже заставляли часами тренироваться на этой кособокой поляне в лесу...

Рабах вскочил и чуть не ударился головой о потолок чайной. Вместе с двумя друзьями он показал, что еще не забыл того, чему его учили:

И здесь живут люди...

— Кругом! Ружье наперевес! Даже «на караул» еще получается!

Брат Таиб, пожилой человек с лихо закрученными усами, смеясь, напомнил лейтенанту, как тот наказал его тремя днями ареста за то, что он, будучи послан добывать провиант, без разрешения провел ночь у жены.

— Сначала мы не понимали, как необходима такая строгость, но все же это было правильно!

Я вышел на улицу, чтобы взять сигареты из машины. За мной пошел длинный Рабах и повел меня в хлев соседнего дома. Любовно похлопал он двух лошаков по крупам:

— Это были наши верные соратники, наше «секретное оружие»! Часто они вели себя умнее самых опытных муджахидов. Вражеские самолеты, например, они слышали раньше нас и немедленно искали укрытия. Как

будто у них в ушах радарная установка... Когда стреляли, они ложились, и мы могли спрятаться за ними. Они чувствовали любую опасность и умели так хорошо укрываться в кустах и так смиренно стоять, что мы потом с трудом находили их. Что бы мы делали без лошаков? Нужно бы поставить им памятник...

Рабах выдернул две большие охапки сена и дал их длинноухим.

— Наш лейтенант тоже обязан жизнью лошаку. Он вам не рассказывал? Он не любит говорить об этом... Когда в мае 1957 года он был тяжело ранен, мы крепко привязали его к спине лошака и вместе с двадцатью другими ранеными доставили к тунисской границе. Пятнадцать ночей провел он в пути привязанный, с разбитой ногой, без болеутоляющих средств... Он жестоко страдал. И все же ему еще повезло. Наша колонна последней перебралась на север через границу. Несколько дней спустя здесь прошла «линия смерти» — с заграждениями из проволоки под током высокого напряжения, с минными полями...

Во время этого тягостного путешествия нога Ахмеда воспалилась. В Тунисе ее пришлось срочно ампутировать. Только через полтора года он смог выйти из больницы и улететь в ГДР.

Я почувствовал угрызения совести: не слишком ли много потребовали мы сегодня от Ахмеда? Я возвратился в чайную и предложил прервать зимний поход в прошлое и по кратчайшей дороге вернуться в Батну, но Ахмед энергично запротестовал: сначала надо посетить могилы!

Братья Рабах и Таиб поднялись вместе с нами, и мы по обледенелой дороге поехали к горной вершине, где в разрушенной усадьбе, в седловине, устроено «кладбище мучеников». Последние сто метров мы шли по вязкой глине.

Ахмед знал каждого, кто был здесь похоронен. При смерти многих он присутствовал.

— Абдельkrim... Это было уже в пятьдесят четвертом... Белькасем... Бомбой, зимой пятьдесят шестого...

Мы отошли в сторону, чтобы не мешать трем алжирцам почтить память своих павших братьев.

Обратно в Батну Ахмед предложил нам ехать другой дорогой. В узком ущелье он попросил еще раз остановиться. На выступе скалы, у крутого поворота, стояло

мертвое дерево, на его сухих, корявых ветках лежали хлопья снега.

— Отсюда я в последний раз руководил боем. Это было 9 мая 1957 года, в шесть часов утра. Мы сумели обратить в бегство батальон легионеров. Тридцать пять убитых оставили они здесь. Но через четыре часа легионеры вернулись с броневиками и самолетами и отомстили нам. Под градом бомб моя рота потеряла двадцать мучажидов. Меня ранили в ногу. Там, под выступом, я и лежал без сознания. Рабах с двумя братьями перенесли меня на другую сторону долины и спрятали в надежном убежище...

Ахмед постучал палкой по стволу мертвого дерева, так что с него облетел снег.

— Дрова в здешних местах очень ценятся, но это дерево никогда не срубят. Берберы Ауреса называют его деревом Ахмеда.

НОЧЬ В ПОЛОСЕ СМЕРТИ

Как и первый наш вечер в Алжире, последний мы провели с таможенниками, неподалеку от того места, откуда в 1957 году тяжело раненный Ахмед был переправлен на спине лошака через тунисскую границу.

Напялив на себя все теплые вещи, мы пили глинтвейн и все равно мерзли. Кашель, насморк, жар — таков был результат нашей экскурсии в горы Ауреса. В первый раз мы прибегли к помощи аптечки. Мы мечтали о теплой, сухой комнате. Через три дня наступало рождество.

На холме, по ту сторону границы, блестели огни Сакиет-Сиди-Юсефа. В 1958 году о нем узнал весь мир. 9 февраля французские самолеты бомбили этот городок, расположенный на тунисской земле. Налет был совершен утром, когда женщины делали покупки на базаре, а дети сидели в школах. Сотни домов были разрушены, среди развалин остались лежать убитые и раненые. Одно сообщение особенно потрясло читателей газет: восемь детей-первоклассников были убиты на школьных скамьях, когда они как раз учились писать букву «Т». С буквы «Т» начинается арабское слово, означающее «самолет».

После Сук-Ахраса — районного центра в Восточном Алжире — мы долго ехали вдоль заржавевших проволочных заграждений, мимо опрокинутых баррикад, разру-

шенных хуторов, обуглившихся лесных массивов... Пресловутая «линия смерти» и сегодня производила впечатление мертвой зоны, хотя большинство полей уже было обработано, а во многих деревнях снова поселились люди. Раны войны зарубцовывались с трудом.

Перед заходом солнца мы достигли пограничной станции — скромного барака у подножия холма-крепости, со всех сторон опутанной колючей проволокой. Мы хотели подняться к развалинам крепости, но таможенный чиновник с ужасом закричал:

— Что вы! Один неверный шаг — и взлетите на воздух! Здесь еще повсюду в песке мины.

Единственное, что он нам разрешил — это поставить машину на ночь у шлагбаума.

Сейчас оба таможенника, симпатичные парни, любившие пошутить, сидели в «Баркасе» и пили с нами глинтвейн. Им очень хотелось выучиться играть в «немецкий скат». Работой своей они, кажется, были вполне довольны, никакие проблемы их не волновали.

Но вот один из парней, менее разговорчивый, спросил вроде бы невзначай, как нам понравился Алжир и что мы думаем о нынешней ситуации. Я заколебался — очень трудно было выразить в нескольких словах наши впечатления. Таможенник перехватил мой ответ:

— Я, кажется, знаю, что вы хотите сказать... Конечно, многое у нас еще не так, как должно быть. Но подумайте, пожалуйста, — он показал на черный силуэт заминированной крепости, — нам еще и сегодня приходится устранять остатки колониализма. И не только здесь, на границе, не только в песках пустыни, но и в сознании людей... Мы можем, конечно, взорвать бункера и мины, а колючую проволоку использовать для ограждения пастбищ, но у нас нет людей, умеющих строить новые дома...

Возьмем, к примеру, мою семью: старший брат смог закончить только четыре класса и с трудом нашел низкооплачиваемую работу — собирает железный лом на «линии смерти». Я — второй сын — восемь лет посещал школу, могу читать и писать, знаю таможенные инструкции, но построить дом? Руководить фабрикой? Вести корабль? Нет, этого я не могу. Вот младшие братья — те когда-нибудь смогут. Они уже учатся в старших классах... А там, где много учатся, дело пойдет вперед.

Был бы доволен этим ответом страстный, нетерпеливый Мухтар из города Алжира?

СОЧЕЛЬНИК ПО-МУСУЛЬМАНСКИ

Приближалось рождество, «семейный праздник». В эти дни даже самый черствый немец склонен к сентиментальности... Куда же деваться нам, троим бродягам? Может, отметить праздник где-нибудь в оазисе или на обочине дороги, а «Баркас» украсить ветками пальм или пиний? Но холодная, дождливая погода не манила провести рождество на биваке. Тут мы вспомнили, что в Тунисе живет небольшая группа граждан ГДР...

И вот с алжирской пограничной станции Сакиет-Сиди-Юсеф мы без остановки помчались прямо в город Тунис. Мы были так простужены, что, когда попали в торгпредство ГДР, едва смогли поздороваться и назвать себя. Это у нас память о снегах Ауреса. Нас ждали друзья, лежала наготове целая стопка писем. Пока мы их разбирали, торговый советник между прочим спросил, где мы собираемся остановиться.

Мы смущенно пролепетали:

— Э-э-э... В кемпинге... Или... Может, у вас есть свободный гараж?

Торговый советник засмеялся:

— Гаража нет... Ну да пойдете со мной!

Он повел нас через несколько улиц в пустую квартиру: в ней жил работник торгпредства, отозванный сейчас в Берлин. Натопленные комнаты, ванная, кровати с чистыми простынями, кушетка, кухня... Мы обменялись взглядами: рай, да и только! Здесь и встретим Новый год! Да здравствует наша внешняя торговля!

Итак, наступил сочельник. Мы отпраздновали его с жившими в Тунисе гражданами ГДР. Два дня наслаждались удобным, теплым жильем, лечились горячим молоком, медом и таблетками, не решаясь выйти в город.

Сочельник совпал в том году с мусульманским праздником — началом рамадана, религиозного поста, кото-

рый продолжается целый месяц. Религиозные мусульманские праздники исчисляются по календарю, ведущему начало с 16 июня 622 года — дня бегства пророка Мухаммеда из Мекки в Медину, так называемой хиджры. У мусульман — лунный год, который на десять-двенадцать дней короче нашего солнечного. Так случилось, что 24 декабря этого года мы праздновали в Тунисе двойной праздник!

На авеню Хабиба Бургибы, в центре современного Туниса, — широкой, как площадь, улице, тянущейся с востока на запад, — все напоминало о наступающем веселом рождестве! В витринах сверкали цветные стеклянные шары, под золотым дождем сияли электрические свечи. Между воздушными дамскими гарнитурами и кружевными лифчиками меланхолично кивали головами рождественские деды-морозы из папье-маше, над аппетитными окороками и колбасами распростерли серебряные крылья ангелочки. Под деревьями в средней части авеню Хабиба Бургибы были расставлены вплотную один к другому лотки с цветами. Розы, гладиолусы, гвоздика, сирень, маргаритки продавались в таком изобилии, являли собой столь многообразную цветовую гамму, что мы не выдержали и купили несколько букетиков дамам из представительства ГДР. На улицах и в магазинах толпились преимущественно взволнованные мужчины. Совсем как в Берлине: в самый последний момент перед закрытием магазинов мужчинам вдруг пришла в голову мысль, что надо бы еще купить флакон духов для жены, куклу для дочурки, пистолет для сына... Веселого вам праздника, господа!

Всего несколько шагов отделяло западную оконечность авеню Хабиба Бургибы от Порт-де-Франс, ворот в старый город — медину. Здесь не было никакой рождественской суеты. Лавчонки на базаре, правда, еще торговали, но продавцы апатично сидели на корточках без дела. Их глаза светились голодным блеском. Зато в харчевнях и ресторанах варили и жарили вовсю. Столы стояли накрытые, но за ними никого еще не было. Готовили впрок к тому времени, когда солнце сядет.

Через три часа, выпив в торговом представительстве ГДР кофе с настоящей дрезденской коврижкой, мы возвратились в медину. Перед нами предстала совершенно иная картина. Празднично одетая толпа заполнила арабский увеселительный квартал близ Баб-Суика. Идти про-

тив течения было почти невозможно. На ресторанных столиках виднелись остатки обильного праздничного пиршества. Лишь немногие едоки, либо опоздавшие, либо особенно выносливые, еще сидели перед кучками куриных ножек, грудями баранины, мисками с кускусом, блюдами с салатом... Из репродукторов над дверями ресторанов, заглушая одна другую, звучали восточные мелодии. Над праздничной толпой мелодии сливались в сплошной шум. Я наклонился к уху торгового советника и во весь голос прокричал:

— Тихая ночь, святая ночь...⁴³

Небольшая площадь перед мечетью была сплошь забита павильонами. Здесь стреляли по цветам, бросали мячи в пирамиды жестяных банок, старались набросить железные кольца на увешанные бубенцами шесты. На наклонных рельсах стояла вагонетка, снабженная двадцатисантиметровой гранатой. Вагонетку надо было толкнуть вверх так, чтобы капсюль гранаты ударился о мишень наверху, от чего раздавался взрыв.

Повсюду царило веселье. Первый день поста остался позади, это требовалось отпраздновать!

У входа в арабские кабаре толпились люди.

Мы присоединились к самой большой толпе, и, когда через четверть часа дверь открылась, нас рывком всосало внутрь. В зале, украшенном пестрыми гирляндами, стояли скамьи. У рампы на небольшой сцене сидели несколько женщин в национальном одеянии берберок и мужчин в театральных костюмах. Статная дама посередине, одетая в платье с блестками, из-под которого виднелись голые ноги, была, вероятно, звездой вечера. Современный оркестр исполнял своеобразные восточные ритмы. Молодые люди в белых джеллябах и красных фесках лавировали между рядами и предлагали чай, кофе, лимонад и кренделя, бисквиты и лепешки, на вид такие же сдобные и сладкие, как марокканское печенье, которое вызывает изжогу.

Оркестр сыграл туш. К микрофону подошел с серьезным видом конферансье. За ним прятался маленький толстяк, пародировавший все движения своего рослого партнера. Публика визжала от восторга. По-видимому, конферансье объявил выход певицы, ибо после его ухода со сцены маленький шут появился у рампы еще раз и

⁴³ Слова из немецкой рождественской песни.

мастерски, но страшно смешно исполнил колоратуру. Действительно, вышла грустная на вид девушка и исполнила печальную песню. Затем появилась группа жонглеров, которой, к радости зрителей, все время мешал маленький толстяк. После этого номера оркестр снова сыграл туш, а затем выступила звезда программы: статная женщина в платье с блестками исполнила — довольно скромно — танец живота. До танжерских танцовщиц ей было далеко. Пародия маленького толстяка была, пожалуй, лучше оригинала. В заключение четыре темпераментные, богато одетые берберки под шелканье кастаньет исполнили бешеный танец, похожий то ли на ча-ча-ча, то ли на шейк. Часть зрителей вскочила с мест и с воодушевлением танцевала между рядами. Аплодисменты еще не смолкли, когда следующая волна посетителей вытеснила нас и остальных зрителей через узкую дверь черного хода на улицу. Программа заняла меньше получаса.

В торжественном настроении, навеянном праздником, мы в торговом представительстве сели около маленького, сияющего огнями дерева за хальберштедтские сосиски и пунш. Каждый стремился подавить приступ ностальгии. Сочельник, да еще во время рамадана, должен быть веселым! Думать о доме разрешается только лежа в постели!

ПОСТ И ОБЖОРСТВО

Пока можно отличить белую нитку от черной, то есть от рассвета до захода солнца, правоверные мусульмане не должны во время рамадана ни есть, ни пить, ни курить. Это очень суровое требование, особенно в те годы, когда рамадан приходится на летние месяцы с жаркими длинными днями. От обязательного поста освобождаются лишь больные, маленькие дети и беременные женщины.

В Тунисе далеко не все мусульмане соблюдали так строго предписанный пророком пост. И все же каждый день около пяти часов вечера в арабских кварталах Туниса происходило одно и то же: в ресторанах и частных домах столы ломились от блюд, а люди стояли на улицах, на балконах, на крышах и смотрели на ближайший минарет. Как только на минарете взвивалась ракета,

официально сообщавшая верующим о заходе солнца, улицы, балконы и крыши пустыли за несколько секунд. Люди устремлялись к столам и жадно поглощали все, что мог вместить желудок.

По статистическим данным, в мусульманских странах за месяц поста поедают больше, чем за любой другой месяц в году. И еще кое о чем повествует статистика: месяц рамадана — рекордный по числу смертных случаев и тяжелых заболеваний. Чаще всего случаются заворот кишок, различные заболевания печени, желтуха, апоплексический удар. Врачи считают четырехнедельное чередование голодовки днем и обжорства ночью преступлением против здоровья. Поэтому они выступают за отмену или по меньшей мере за смягчение законов рамадана «как не соответствующих больше достигнутому уровню знаний и требованиям современного общества». Но этим они навлекли на себя враждебность улемов, стражей исламской чаши Грааля⁴⁴. Для них даже смягчение строгих законов — грех перед аллахом. Пост во время рамадана в конце концов один из пяти столпов мусульманской веры (четыре других — признание аллаха единым богом, ежедневная пятикратная молитва, раздача милостыни и паломничество в Мекку).

В борьбе против догматов веры тунисские врачи нашли теперь союзника. Правительство установило, что во время рамадана сильно падает производительность труда, а число несчастных случаев на производстве и транспорте увеличивается настолько, что наносит серьезный ущерб молодой тунисской экономике.

Поэтому правительство распорядилось, чтобы в пост все служащие, студенты, преподаватели и рабочие государственных предприятий днем обедали. Если понадобится, их следует силой заставлять есть. Это было оскорбление улемов!

Правительству не удалось победить сразу. Его поддержали лишь молодежь и интеллигенция, а многие пожилые тунисцы пускались во все тяжкие, лишь бы и впредь следовать заповедям Корана. Борьба между правительством и улемами не закончилась и по сей день.

Студент педагогического училища Юсеф, с которым

⁴⁴ Чаша Грааля — в средние века чудодейственный сосуд, священная чаша благодати французских, немецких и прочих рыцарских легенд.

мы познакомились однажды днем во время рамадана в кондитерской на авеню де Пари, был полон уверенности в будущем. Он демонстративно сел за стол, на котором стоял кофейник, лежал нарезанный кусками торт.

— Когда-то пост был оправдан, — объяснил он. — Он очищал организм и улучшал кровообращение. А теперь? У рабочего после восьмичасовой тяжелой работы темнеет от голода в глазах, и он попадает рукой в станок... Разве это угодно аллаху? Водитель такси после полудня не находит пассажиров — они боятся, что он от слабости спускает красный свет с зеленым... Кому это нужно? Во многих мусульманских странах ныне возникла современная промышленность. Знаатоки Корана должны приспособиться к этому прогрессу, хотя бы они того или нет! Поверьте мне: через несколько лет рамадан у нас будет значить столько же, сколько ныне в европейских странах значит пасхальный пост. Кто у вас еще думает о том, что в эти дни нужно поститься?

ХЛОПОТЫ О ВИЗАХ

— К сожалению, я не могу дать вам визу. Телеграфируйте нашему министерству иностранных дел в Эль-Бейду...

Ливийский консул произнес эти слова таким тоном, как если бы думал: «Попытаться-то вы можете, но пользы от этого не ждите!»

Между тем нам была необходима ливийская виза, без нее мы не могли попасть в Каир. Мы уже обращались в ливийские посольства в Рабате и Алжире, и каждый раз нам отвечали: «В Тунисе вы за сутки получите визу». И вот — извольте! Может быть, западногерманские дипломаты, узнав из газет о наших намерениях, ставят нам палки в колеса? Ливийский консул составил текст телеграммы на арабском языке, и мы не смогли его прочесть. Чиновник на почте тоже не смог перевести. Мы удивились: разве арабский не является наряду с французским официальным языком? Чиновник усмехнулся.

— Мы объясняем на тунисском диалекте. Литературный арабский для нас почти иностранный язык. На нем говорит и пишет меньше людей, чем на французском.

После нескольких неудачных попыток мы, наконец,

нашли торговца, который перевел текст телеграммы. В ней указывались лишь наши анкетные данные, никаких намеков на то, что нашу просьбу следует отклонить, не было. Итак, мы отправили телеграмму и, не теряя надежды, стали ждать.

Спустя два дня мы наведались в консульство. Ответа еще нет! Прошло четыре дня, шесть, восемь, десять... Все то же! Мы позвонили другу в Триполи и попросили помочь нам.

Ночью нам снилась скучная приемная на заднем дворе ливийского консульства и консул, который, заметив нас среди ожидающих, сразу же начинал качать головой в знак отрицания: «Ответа нет, ответа нет, ответа нет...».

Мы отправили вторую телеграмму и снова связались с Триполи. Наш друг вздохнул:

— Каждый день хожу в министерство, но не могу встретиться ни с одним ответственным чиновником. Рамадан! А работать во время поста — слишком утомительно для высокопоставленных чиновников! Потерпите. Я не сдаюсь!

После трехнедельного ожидания мы начали нервничать и думать, как нам поступить в случае отказа. Как миновать Ливию? Выбрать морской путь? Пароходы ГДР совершают регулярные рейсы в Триполи, но редко заходят в Тунис. В порту мы выяснили, что между Тунисом и ОАР нет паромного сообщения.

— Вам следует отправиться в Марсель. Там вы найдете пароход, идущий в Александрию!

Это слишком дорого. Кроме того, для этого нужна французская виза!

Мы проклинали бюрократию всего мира. Неужели наше путешествие потерпит неудачу из-за отсутствия одной-единственной печати?

А если коренным образом изменить маршрут? Мы раскладывали карты и ломали себе головы... Обратю в Алжир, а оттуда через Сахару, Мали, Нигерию и Гвинею? Из любого западноафриканского порта мы сможем на пароходе ГДР возвратиться в Ростов. А дороги? Сумеем ли мы пересечь Сахару на перегруженной машине? Мы строили планы и тут же их отвергали. Наконец мы пришли к выводу: без ливийской визы нам не обойтись, надо вооружиться терпением и ждать. Быть может, после рамадана нам повезет и телеграмма попадет к чиновникам в Триполи, когда они будут в хорошем настроении.

МОЖНО ЛИ ОТЫСКАТЬ КАРФАГЕН ?

«Великий Карфаген вел три войны. Он был еще могущественным после первой, в нем еще можно было жить после второй. Его нельзя было отыскать после третьей» (Брехт).

Сегодня, спустя две тысячи сто двенадцать лет после третьей пунической войны, в Карфаген можно проехать на трамвае по дамбе, ведущей через озеро Тунис. На развалинах некогда богатой и агрессивной пунической метрополии возникло одно из наиболее аристократических предместий Туниса. Здесь живут дипломаты, управляющие государственных предприятий, министры, врачи, профессора... На одном из холмов, среди ухоженного парка за высокими стенами, прячется от любопытных взоров один из дворцов президента республики Хабиба Бургибы.

«Ceterum censeo Carthaginem esse delendam»⁴⁵. Эти слова вспомнились мне, когда мы приблизились к Карфагену. Так обычно заканчивал свои речи в римском сенате Катон, но это было также излюбленное изречение Галла, нашего старого преподавателя латыни, носившего гинденбургские усы. Знаменитая фраза Катона была для него не только примером из латинской грамматики, но и обоснованием агрессивных войн. В соответствии с направлением ударов фашистских армий она означала для Галла: «Впрочем, я считаю, что Варшава... Лондон... Белград... Москва... должны быть разрушены!» Я все еще вижу Галла стоящим в позе карликового Катона возле кафедры и с наслаждением скандирующим эту злобную фразу. Большею частью за этим следовало: «Dulce et decorum est pro patria mori»⁴⁶. Старая германская гимназия старалась на свой лад внушить ученикам «житейскую мудрость».

Для меня это было не первое свидание с Карфагеном. В декабре 1957 года, в такую же дождливую холодную погоду, я уже бродил однажды между развалинами и виллами. Тогда мы наблюдали, как несколько американцев грузили в багажник своего сухопутного крейсера «кусок Карфагена»: осколок колонны весом в центнер. Быть

⁴⁵ «Впрочем, полагаю, что Карфаген должен быть разрушен» (лат.).

⁴⁶ «Приятно и почетно умереть за родину» (лат.).

может, он теперь украшает плавательный бассейн где-нибудь в Соединенных Штатах. Подлинный Карфаген в Калифорнии! Ведь нужно же в конце концов приобщиться к истории!

Ныне подобный грабеж не зависел уже от мускулатуры посетителей или размеров их багажника. Тунисское правительство поняло, что Карфаген стал магнитом, притягивающим богатых туристов, и даже развалины могут быть источником валюты. Поэтому в рекламных целях аэропорт Аль-Ауина переименовали в «аэропорт Тунис-Карфаген», а уцелевшие еще кое-где руины огородили заборами и превратили в музей под открытым небом.

Близ развалин терм Антония — римских бань — были произведены раскопки пунического некрополя, города мертвых. Между рядами откопанных колонн стояли стелы, мраморные скульптуры, урны, вазы, лежали сложенные грудями каменные ядра. Хотя все эти экспонаты расположены и не в строгой исторической последовательности, посетитель получает представление о многообразии культур, оставивших свои следы на земле Карфагена. Возле замечательного полукруглого колонного зала, встроенного в склон горы, нас развеселило объяснение экскурсовода, к которому мы присоединились:

— Некогда здесь перед «переполненным залом» читали стихи и выступали с докладами... Культурная работа в древности!

Центром Карфагена был бывший храмовой курган Бирса, на вершине которого ныне возвышаются белые башни собора святого Людовика. Построенный в конце девятнадцатого века в византийско-мавританском стиле, он кажется несколько безвкусным. В 1957 году мне довелось встретить перед собором нескольких своеобразных монахов: баварских деревенских парней со светлыми бородками, в горных ботинках, гольфах и кожаных штанах под коричневой рясой. В соседнем монастыре Белые отцы⁴⁷ готовили их для миссионерской деятельности в Африке. За это время монахи были вынуждены покинуть монастырь, и в соборе святого Людовика больше не отправляют богослужение. В мае 1964 года тунисское правительство экспроприировало крупные иностранные земельные владения, и собственность Ватикана подпала

⁴⁷ Белые отцы — монашеский орден миссионеров, занимающийся распространением католицизма в Африке.

под действие этого закона. Римско-католической церкви Туниса, представлявшей интересы колонизаторов, специальным декретом было разрешено использовать в дальнейшем лишь семь храмов. Собор святого Людовика в их число не попал. Теперь он будет преобразован в музей. В саду уже выставлены археологические находки пунической и римской эпох, в том числе крупный торс коня (конь изображен на гербе пунического Карфагена).

С высоты храмового кургана можно окинуть взглядом весь полуостров между озером Тунис, мелкой лагуной и Средиземным морем: на севере — до круто спускающейся к морю гряды холмов Сиди-Бу-Саида и на юге — до мыса Ла-Гулет с мачтами океанских судов и трубами электростанции. А позади, на противоположной стороне озера, подобно сахарной голове, возвышается силуэт Джебеля-Бу-Корни с ретрансляционной телевизионной станцией.

Между Ла-Гулетом и Карфагеном, среди вилл небольшого утопающего в садах городка Саламбо мы увидели остатки знаменитых морских портов карфагенян. Торговый порт представлял собой большой прямоугольник длиной шестьсот метров. С севера к нему примыкал круглый бассейн с островком посередине: здесь была военная гавань, в которой помещалось до двухсот галер одновременно.

Мы уселись на фундамент древнего карфагенского дома у южного склона храмового кургана и задумались о том, свидетелем каких событий был этот узкий полуостров. Карфаген был основан в 814 году до нашей эры финикийскими купцами, вынужденными покинуть свою родину на нынешнем побережье Ливана из-за того, что ей угрожали вавилоняне и ассирийцы. Финикийцы назвали свое поселение Карт-Хадашт — «новый город». Благодаря выгодному расположению на пересечении средиземноморских путей Карфаген быстро вырос в крупнейший торговый порт тогдашнего мира, стал столицей могучего государства, под властью которого одно время находились вся Северная Африка, Испания, Сицилия, Сардиния и Корсика. В Карфагене проживало двести тысяч человек. Множество дворцов и высоких домов в шесть-восемь этажей было сосредоточено на холме Бирса вокруг цитадели и храма бога Эшмуна. Карфагенские корабли доставляли с британских островов олово, с берегов Голландии — янтарь, из Испании — серебро, из Западной

Африки — золото, драгоценные камни и рабов. По тогдашним понятиям, город казался почти неприступным. Он был с трех сторон окружен морем, а с суши защищен мощной системой укреплений из каменных стен, рвов и валов.

Двести лет воевали карфагеняне с греками за господство на Средиземном море, затем начался период соперничества с Римской империей, завершившийся знаменитыми пуническими войнами. Со стороны Карфагена военные действия вели полководцы Гамилькар Барка, Гасдрубал и Ганнибал. В результате первой пунической войны (264—241) карфагеняне потеряли Сардинию и Корсику, но завоевали Испанию. Во второй (218—201) Ганнибал с девяноста тысячами пехотинцев, двенадцатью тысячами конницы и тридцатью семью слонами, этими «танками древности», совершил переход через Альпы, стоивший ему больших потерь, и разбил римлян в битве при Каннах. Однако Римская империя⁴⁸ оказалась сильнее, и войска Ганнибала были разбиты. По условиям мира, Карфагену пришлось сдать военно-морской флот, кроме десяти галер, и всех слонов, а также уплатить большую дань.

Однако Карфаген сумел восстановить свое военное могущество. Третья пуническая война продолжалась всего лишь три года (149—146). Когда две римские армии высадились в Северной Африке, карфагеняне заявили, что покоряются. После того как им было обещано «пощадить город», они сдали оружие и корабли. Тут римляне разъяснили, что обещание «пощадить город» означало лишь, что будет сохранена жизнь его населению. Они потребовали, чтобы карфагеняне покинули родной город и поселились внутри страны. Сопrotивление было безнадежно, но карфагеняне решили бороться до конца. Они выковали новое оружие и все, кто мог держать в руках меч, вышли на поле брани.

Римляне во главе с Корнелием Сципионом Эмилианом перегородили гавань искусственной дамбой. Целый год осаждали они Карфаген, а затем в шестидневном уличном сражении захватили город и сровняли его с землей. Карфаген пылал семнадцать дней и сгорел дотла.

Лишь спустя сто лет, при императоре Августе, Карфаген был вновь отстроен и стал административным цент-

⁴⁸ Во время пунических войн древний Рим был еще республикой.

ром римской провинции Африки. В пятом и шестом веках он был столицей империи вандалов. Затем город был захвачен полководцем Велизарием и некоторое время принадлежал византийцам. В 698 году арабы разрушили римский Карфаген так же основательно, как уничтожили пунический город римляне. С тех пор его руины служили каменоломней для строительства расположенного неподалеку Туниса. Даже для большой мечети в святом городе Кайруане были использованы колонны из Карфагена.

Мы сидели на фундаменте древнего карфагенского дома на южном склоне холма Бирса и смотрели на полуостров, напоминавший мне вид на Хиддензее с высоты Дорнбуша.

Сколько человеческой крови было пролито в течение веков на этой узкой полосе земли?!

НАСЛОЕНИЯ ВЕКОВ

Пока что из груд щебня между Ла-Гулетом и Сиди-Бу-Саидом добыта лишь небольшая часть свидетельств прошлого. Стоит копнуть в любом саду — наткнешься на следы былых поселений. Но деление территории на мелкие участки, принадлежащие частным лицам, препятствует систематической работе археологов.

Среди вилл Саламбо на двух случайно незастроенных участках несколько лет назад нашли остатки тафета пунических богов Танита и Ваала-Хаммона. Тафет — священная площадь, где приносили жертвы богам. Танит и Ваал-Хаммон были жестокими божествами и требовали человеческих жертвоприношений. Знатные семьи древнего Карфагена должны были по мере надобности умерщвлять своих первенцев, чтобы «боги были благосклонны к государству». Останки жертв в маленьких глиняных урнах подносили богам и предавали земле на тафете. Если на священном участке не оставалось места для новых урн, насыпали слой земли и наращивали следующий «этаж». При раскопках в Саламбо было открыто больше десяти жертвенных слоев и обнаружено более двухсот урн с детскими скелетами и полторы тысячи стел.

Стало быть, жители соседних роскошных вилл знали, что их дома стоят на кладбище зверски зарезанных

Встреча веков: древний акведук и современные оросительные каналы

жертв божествам. Думали ли они иногда об этом во время приемов с коктейлями?

Некоторые архитектурные памятники минувших эпох ныне используются в довольно прозаических целях. Деревушка Ла-Марса, расположенная к северо-западу от Бирсы, выросла на древнем гидротехническом сооружении карфагенян. Из двадцати четырех цистерн пятнадцать еще хорошо сохранились. Сложенные из плоских неотесанных камней своды длиной сорок, шириной девять метров служат теперь местным крестьянам хлевами и сараями. Из некоторых цистерн доносилось бляение овец, в других хранилась солома. В двух цистернах даже стояли мопеды и мотоциклы. Современная техника под античной крышей!

Некогда эти цистерны питались из протекающего в семидесяти километрах источника храма нимф у горы Загуан. При императоре Адриане римляне построили водопровод с гигантскими акведуками, достигавшими тридцатиметровой высоты. Еще и поныне Тунис получает из этого источника отличную, вкусную воду, причем используются значительные отрезки древнего римского водопровода. Лишь через отдельные долины, в которых красно-коричневые акведуки частично разрушены, проложены новые трубы. Шляпы долой перед техническим мастерством древних римлян и трудом их рабов!

Не всегда приходится затрачивать много усилий, чтобы откопать сокровища древности, иногда земля Карфагенского полуострова отдает кое-что и добровольно. После сильных ливней дети обшаривают полевые межи и сады и нередко находят блестящие монеты и мелкие ювелирные изделия, вымытые из развалин и куч щебня. После шторма морское дно также нередко выбрасывает на пляж исторические сувениры.

Дети, гиды и сторожа всегда носят с собой более или менее полную коллекцию древних монет. Стоило нам остановиться, как нас тотчас окружали бродячие антиквары: «Мосье, деньги!» Они извлекали из карманов завязанные узелками носовые платки и раскладывали свои сокровища. Не только сторожа, но и дети хорошо различали монеты разных эпох. Больше всего предлагали византийских монет, затем шли римские. Реже встречались и стоили дороже монеты пунические. Если понимать в этом деле, при известном везении можно сравнительно недорого приобрести ценные экземпляры. Но, повторяю,

для этого надо быть специалистом! Даже путеводители предупреждают: среди монет попадаются подделки. Они сериями изготавливаются за границей и через международную организацию завозятся в исторические места Средиземноморья!

Есть, правда, средство, помогающее профану отличить подделку от оригинала: это цена. Продавцы очень хорошо знают ценность подлинных монет. Если невзрачные, до неузнаваемости отшлифованные водой и песком монеты вам предлагают по баснословной цене, можете быть уверены — это не фальшивка.

Мы даже научились, не обращая внимания на цену, с первого взгляда различать серийные изделия. Слишком часто нам предлагали одинаковые, особенно мастерски «патинированные» экземпляры. Впоследствии мы не раз ставили втупик иного продавца и внушали ему уважение, когда тут же выделяли среди предложенных монет фальшивые.

Несомненной подделкой были пунические масляные светильники, которые все гиды и сторожа извлекали из карманов брюк и предлагали как «подлинные находки». Светильники отливаются по оригиналам, за несколько марок их можно приобрести в любом магазине сувениров. Хотя гиды при помощи огня и ржавчины очень искусно «старили» этот товар массового производства, результаты их усилий большей частью бросались в глаза.

Если, поторговавшись, купишь несколько монет и тем завоеешь доверие «государственного стража древностей», может случиться, что он предложит и более ценные сувениры. Когда мы покидали музей, устроенный в развалинах римской виллы, сторож сделал нам таинственные знаки и, оглядываясь на своих коллег, последовал за нами до ближайшего поворота. Хотя поблизости не было никого, кто мог бы его услышать, он прошептал, прикрывая рукой рот:

— Не желаете ли приобрести римскую голову из мрамора? Приходите завтра ко мне домой. Вот адрес. Я не могу принести ее сюда... Голова прекрасная! Даже нос сохранился!

Зачем нам древний римлянин, даже если у него сохранился нос? Был бы он, по крайней мере, из бронзы, а то мрамор всегда немного напоминает кладбище... Наверное, мы ничего не понимаем в искусстве!

Деревушка Сиди-Бу-Саид на гряде холмов карфагенского мыса — перл мавританской архитектуры — являла собой причудливое сочетание синих, белых и зеленых тонов. Ослепительно белые хижины лепились одна к другой у крутого склона, у подножия которого раскинулась широкая тунисская бухта. В нее вдается полуостров Ла-Гулет. Окна, открывающиеся в узкие улочки, забраны искусно выкованными пузатыми металлическими решетками, сбоку имеющими форму половинок груш. Все двери, веранды, крытые балконы покрашены в сверкающий синий цвет, смесь ультрамарина и бирюзы, который в Тунисе называют «бу-саид-синий». Между домами из-под вечнозеленых пальм, кипарисов и агав открывается вид на море.

Эта живописная идиллическая деревушка — заповедник искусства Туниса, средоточие художников и артистов.

Арабские художники не могли опираться на национальные традиции. Ислам запретил изображать человека, поэтому в течение веков высокого расцвета достигло лишь искусство орнамента. Только в прошлом веке в различных арабских странах — Сирии, Кувейте, Тунисе — появились группы художников, пытавшихся синтезировать современные направления в европейском искусстве с орнаментальными традициями Востока.

В Тунисе художники встретили понимание и поддержку государственных учреждений. Президент Хабиб Бургиба, долго живший во Франции, слышет сторонником современного искусства. Многие общественные здания, например радиоцентр, дворец труда, украшены монументальной живописью и фресками, росписью, изображающей исторические события или символизирующей тунисский народ и его борьбу за национальную и экономическую независимость.

Аль-Мекки — один из выдающихся художников Сиди-Бу-Саида. Его имя стоит на прекраснейших почтовых марках Туниса. Сейчас Аль-Мекки уже не живет в Сиди-Бу-Саиде. Он построил себе красивый домик внизу, на окраине Карфагена.

Когда мы посетили Аль-Мекки, у него сидел гость: Абу, известный карикатурист лондонской газеты «Обсервер», индиец. Мы извинились и попросили разрешения

зайти в другое время. Но Аль-Мекки улыбнулся и пригласил нас в дом:

— Заходите! Теперь за моим столом соберется действительно интернациональное общество!

Хозяин немного преувеличил: за его столом и без нас уже было представлено достаточно национальностей. Сам Аль-Мекки — интернациональный художник в полном смысле этого слова: его отец — тунисец, мать — индонезийка, бабушка — китайка. А светловолосая жена художника — дочь француза и норвежки.

У Аль-Мекки длинные вьющиеся волосы, задорная бородка клинышком, вызывающая улыбку. Темные глаза-пуговицы лукаво поблескивали, даже когда он после кофе показывал нам свои картины, выполненные темперой.

По стилю эти выразительные картины, посвященные жизни тунисского народа, напомнили мне ранние работы дрезденских художников. Однако Аль-Мекки отрицал такое родство. По его словам, в его творчестве скорее заметно влияние современных индонезийцев и древних египтян. Наибольшее впечатление на нас произвел цикл картин против войны во Вьетнаме и несколько работ, в которых Аль-Мекки протестует против голода и эксплуатации человека человеком.

После оживленного обсуждения, временами на трех языках, Аль-Мекки повел нас в свою мастерскую. На полу он выложил мозаичный ковер размером пять метров на десять, состоявший из многочисленных квадратов с сюжетными изображениями и абстрактными узорами в красках.

— Работа по заказу? — поинтересовались мы.

— Я уже сделал эскиз мозаики для гостиницы в Хаммамете и для правительственного здания. Но эту мозаику я подарю себе в день моего пятидесятилетия!

За два часа до этого в нескольких шагах от дома Аль-Мекки мы стояли на хорошо сохранившемся мозаичном полу, оставшемся от римской виллы. На нем можно было различить изображения птиц и сцен охоты. Есть ли сходство между древней и современной карфагенской мозаикой?

— Меня вдохновлял не стиль, а техника древних произведений, — объяснил Аль-Мекки. Подмигнув, он добавил:

— Хотя скоро мне исполнится пятьдесят лет, я не

древний римлянин, а тунисец, и хочу отобразить современное восприятие жизни...

Отныне, когда я буду вспоминать о Карфагене, мне уже не придут в голову слова Катона. Перед моим взором возникнет мастерская Аль-Мекки и его впечатляющие работы темперой, на которых он изображает людей своей родины и осуждает войну во Вьетнаме.

Карфаген Ганнибала на Карфаген Аль-Мекки — вовсе не плохой обмен!

ВЕРХОВНЫЙ БОРЕЦ

Новогодние номера тунисских газет поражали своим однообразием. Лишь на первых двух полосах можно было найти актуальные сообщения, остальные восемь-десять были заполнены почти одинаковыми извещениями. Все начинались с набранной жирным шрифтом строки: «Верховному борцу и госпоже Бургиба...» Затем следовали пожелания счастья в новом году и вместо подписи — название фирмы, объединения или кооператива. Это своеобразный способ заверять президента республики в своей преданности. Кроме того, размер приветствия официально свидетельствовал о значении и финансовых возможностях подписавшихся.

Печать и радио создали вокруг личности президента такой культ, что о современном Тунисе так и хочется сказать: государство — это Хабиб Бургиба! В Тунисе мы трижды побывали в кино. В получасовой хронике, обычно предшествующей основной программе, в течение двадцати пяти минут на экране мелькала невысокая фигура президента: Бургиба на государственном приеме, Бургиба среди детей, Бургиба осматривает завод, Бургиба посещает школу...

Тунисский президент обладает такими же широкими правами, что и президент США. Однако здесь его практически нельзя забаллотировать спустя четыре или пять лет. Хабиб Бургиба правит почти как абсолютный монарх. Он является одновременно главой правительства, верховным главнокомандующим и руководителем Нео-Дестур — единственной легальной партии.

Хабиб Бургиба, бесспорно, имеет большие заслуги перед Тунисом. Длительная борьба за независимость и соз-

дание суверенного государства неразрывно связаны с его именем.

Из официальной биографии Хабиба Бургибы известно, что он родился в 1903 году в городке Монастир в Центральном Тунисе, в семье со скромными доходами. Он изучал в Париже право, в 1927 году сдал выпускные экзамены и возвратился в Тунис, имея диплом адвоката. Он сотрудничал в различных газетах, а с 1930 года издавал «*Vua дю тюнизье*»⁴⁹. Совместно с единомышленниками он в 1934 году организовал партию Нео-Дестур — Новую либеральную конституционную партию, — ставившую своей целью добиться внутренней автономии Туниса. Французская колониальная администрация немедленно нанесла удар и арестовала Бургибу и других руководителей Нео-Дестур. За исключением периода правительства Народного фронта, с 1936 по 1938 год, Хабиб Бургиба до 1942 года просидел во французских тюрьмах. Когда немецкие и итальянские войска захватили место его заточения у Ривьеры, а также Тунис, ему разрешили вернуться на родину. Однако Бургиба отказался сотрудничать с державами оси и даже призывал тунисский народ помогать союзникам.

Французы проявили неблагодарность. После освобождения Туниса от немецких войск в 1943 году французский губернатор посадил Бургибу под домашний арест. В 1945 году он бежал через Ливию в Каир и оттуда стал разъезжать по всем странам, добываясь поддержки национально-освободительной борьбы Туниса. Когда в 1951 году переговоры с французским правительством закончились неудачей, он ненадолго прибыл в Тунис и был вновь арестован⁵⁰.

По призыву нео-дестуровской партии началось вооруженное восстание. В Южном Тунисе возникли сильные партизанские соединения, действия которых причиняли столько хлопот французским колонизаторам, что в 1954 году они, наконец, согласились начать переговоры.

1 июня 1955 года Хабиб Бургиба, подобно мессии, въехал в Тунис. Население восторженно приветствовало «отца свободы». 20 марта 1956 года Тунис получил независимость. Бургиба стал первым премьер-министром.

⁴⁹ Авторы неточны: Бургиба лишь входил в редакцию этой газеты, а сам начал издавать с 1932 г. «*Аксион тюнизьен*».

⁵⁰ Бургиба вернулся в Тунис не в 1951 г., а в 1949 г. Арестован был в январе 1952 г.

Год спустя Бургиба заставил номинального главу государства бея Мухаммеда Ламина отречься от престола. Бургиба провозгласил республику и был избран президентом.

До сих пор Бургиба опирался прежде всего на средние слои населения и интеллигенцию. Чтобы еще больше упрочить свои позиции и завоевать поддержку крупной буржуазии и мусульманского духовенства, он развелся со своей женой-француженкой и женился на тунисской мусульманке из богатой, влиятельной семьи. Многие прогрессивные тунисцы поныне ставят ему в упрек «политический брак».

В последующие десять лет Бургиба проводил весьма двойственную политику. Не желая давать повод для сомнений в его прозападной ориентации, он часто подрывал единство братских арабских государств и во внешней политике шел не в ногу с ними. Примеры тому — его позиция по поводу агрессии Израиля и при разрыве дипломатических отношений с Федеративной Республикой Германии.

Во внутренней политике Бургиба вначале стремился повысить национальный доход путем усиления государственного и кооперативного секторов в промышленности и сельском хозяйстве, однако одновременно поддерживал частные предприятия. Земли крупных иностранных землевладельцев он экспроприировал лишь после того, как было подготовлено достаточно национальных кадров. Конфискованные земли остались собственностью государства, а обработка ферм и плантаций была передана кооперативам.

По воле Бургибы промышленность, отвечающая потребностям небольшой страны, должна была создаваться под руководством государства. В так называемых смешанных компаниях, основывавших предприятия с помощью иностранного капитала, не менее пятидесяти одного процента акций принадлежало государству.

В 1961 году был принят десятилетний план, установивший этапы развития различных отраслей народного хозяйства и рост государственного дохода до 1971 года. Был создан национальный плановый совет, а для руководства важнейшими отраслями промышленности — национальные бюро.

В 1964 году на партийном съезде в Бизерте была сформулирована программа развития, получившая на-

звание тунисского пути к социализму. Нео-дестуровская партия была переименована в Социалистическую дестуровскую партию.

Хабиб Бургиба однажды дал следующее определение «тунисского социализма»: «Тунис не обременяет себя какой-либо идеологией и не применяет систематически никакой политекономии. Мы свободно ищем свой путь и стремимся найти подходящие методы, которые прежде всего соответствуют национальным традициям, особенностям нашего народа, экономическим и социальным потребностям. Но мы не пугаемся слов: если социализм заключается в том, чтобы освободить человека от нужды, чтобы при помощи труда предоставить ему возможность для развития его личности, если социализм означает достижение равенства в обществе посредством труда, благосостояния и справедливости, — тогда Тунис решительно выбирает социализм. При этом мы не ссылаемся ни на одну иностранную модель...»

Несмотря на осторожную и расплывчатую формулировку, характеризующую тунисский социализм как мелкобуржуазный и преследующий лишь цель проведения определенных реформ в рамках буржуазного общества, Хабиб Бургиба все же вступил в конфликт со своими друзьями на Западе. Американцы, а также западные немцы ни в коем случае не хотят способствовать социалистическому развитию и требуют использовать их кредиты и «экономическую помощь» лишь для финансирования частных предприятий. Вначале тунисское правительство отказывалось принять это условие, но в отдельных случаях было вынуждено уступить. Хабиб Бургиба попал в трудное положение. Как он из него выйдет — изменит ли он свою политико-экономическую позицию в угоду внешнеполитической ориентации или наоборот, — покажет будущее.

ПУСТЫЕ ДОКИ

Автомашины, запряженные ослами тележки и грузовики пестрой чередой вытянулись на южном берегу канала Бизерты в ожидании парома, на котором можно переправиться в город. На этом самом месте в 1957 году мои документы проверяли французские солдаты, хотя

Тунис уже тогда был независимым государством: французское правительство оставило за собой право использовать эту военно-воздушную и военно-морскую базу, необходимую ему якобы по стратегическим соображениям.

База в Бизерте — идеальная естественная гавань: через полторакилометровый искусственный канал крупные суда проходят в обширное глубокое озеро, где они защищены от штормов прибрежной грядой холмов. Французы пошли на большие затраты, чтобы обеспечить эту естественную гавань всем необходимым для содержания современного военно-морского флота: причалами, цистернами, верфями, доками, противоатомными подземными убежищами...

Однако Тунис не хотел мириться с существованием базы НАТО на своей территории. Когда в июле 1961 года французские парашютисты с оружием в руках выступили против демонстрантов, тунисские войска встали на защиту своих земляков. Произошло кровопролитное сражение за Бизерту, в котором французы ввели в бой танки и ракеты. Тунисцы потеряли более пятисот убитых — мирных жителей и солдат. Они покоятся ныне на Кладбище мучеников, на их могиле воздвигнут памятник.

Возмущение мировой общественности заставило наконец парижское правительство подписать соглашение о выводе войск из Бизерты. 15 октября 1963 года последний французский солдат покинул Тунис. Но прежде все, что можно было демонтировать — подъемные краны, станки, моторы, — вывезли во Францию. Тунисцы приняли пустые ангары, причалы без погрузочных кранов, доки без оборудования... и более трех тысяч рабочих, нуждавшихся в работе.

— Пожалуйста, господа! Въезжайте!

Паром переправил нас на другой берег. Мы пересекли новый город и индустриальный район, миновали современные нефтеперегонный и цементный заводы. Направлялись мы в Манзаль-Бургибу, бывший Ферривиль, расположенный возле озера, в двадцати километрах от побережья. Здесь находились французский военно-морской арсенал с верфью и мастерскими и четыре крупных сухих дока, принимавших даже танкеры водоизмещением семьдесят тысяч тонн. Манзаль-Бургиба стал центром мирной реиндустриализации военной базы Бизерты.

Хеди Мабрук, уполномоченный правительства по осуществлению проекта, принял нас накануне вечером в своей конторе, высоко над тунисским портом. Этот сорокапятилетний человек производил впечатление умного, энергичного администратора. Он слыл одним из наиболее способных тунисских специалистов по планированию и кроме своего ведомства руководил государственным пароходством. В начале нашей беседы он счел нужным дать некоторые разъяснения:

— Народ, стремящийся преодолеть трудности и бедствия, вызванные многолетним колониальным угнетением, легко впадает в ошибку — старается двигаться вперед слишком быстро. Это ведет к неупорядоченной, бесплановой индустриализации, создающей новые трудности. Мы хотим предотвратить это и строго придерживаемся принципа, предложенного президентом: не индустриализация любой ценой, а внимательное изучение рыночной конъюнктуры перед осуществлением каждого проекта. Какую пользу принесет строительство современного предприятия, если его продукция потом не найдет сбыта? К тому же наша страна очень мала, рынок ее ограничен, поэтому мы должны согласовываться в своих действиях с друзьями и соседями — странами Магриба. Ведь рано или поздно, но возникнет же общий рынок Магриба. Мы все время должны помнить об этом.

Секретарша принесла кофе и коньяк. Мабрук подождал, пока наполнили рюмки, затем спокойно продолжал, время от времени подчеркивая отдельные слова скупыми жестами:

— Этим общим принципам, положенным в основу десятилетнего и всех региональных планов, подчиняется ныне и индустриализация района Бизерты и Манзаль-Бургибы. В октябре 1963 года, когда мы приняли сооружения базы, здесь кроме зданий и фундамента для крупной верфи больше ничего не было. Естественно, возникла мысль создать отечественное судостроение. Наведя справки, мы, однако, выяснили, что крупная верфь поглощает огромные капиталовложения, а добиться ее рентабельности впоследствии очень трудно... Тогда возник план создать в Манзаль-Бургибе судоремонтный завод. Расположенный на наиболее оживленных морских путях, он наверняка не страдал бы из-за недостатка заказов. Но и этот проект превышал наши тогдашние возможности...

— Мы читали, что Крупп предлагал построить крупную верфь в Манзаль-Бургибе?

— Условия господина Круппа были неприемлемы для Туниса! — отрезал Мабрук.

Из газет мы знали: Крупп требовал, чтобы только он решал, какие заказы принимать, чтобы использовались лишь западногерманские материалы. Крупп рассчитывал, что сочетание дорогой стали, производимой его предприятиями, и дешевой рабочей силы арабов принесет ему огромные прибыли. Тунисцы поняли это и захлопнули перед ним дверь.

— Проблема верфи отнюдь не отложена в долгий ящик, — продолжал Мабрук. — Мы будем изыскивать другие возможности, но в первую очередь нам надо было быстро обеспечить работой три тысячи человек. Поэтому мы решили в пустовавших ангарах создать небольшие предприятия, наладить совместно с датским предприятием сборку дизельных моторов для рыболовства и сельского хозяйства; организовать при помощи гамбургской фирмы производство электробытовых приборов, при помощи французской — производство плит и печей. Как вы знаете, одну из важнейших наших строек мы ведем при помощи ГДР: это фабрика швейных изделий, которая обеспечит работой более пятисот человек. Но зачем я все так подробно рассказываю? Поезжайте в Манзаль-Бургибу и посмотрите сами! Я сообщу, что вы приедете.

Мабрук сдержал свое слово. У ворот арсенала в Манзаль-Бургибе нас ожидал помощник директора:

— Добро пожаловать, господа! Разрешите предложить вам кофе, или вы предпочитаете сначала осмотреть территорию?

Мы посетили огромные ангары с небольшими станками для производства металлической мебели, видели конвейер для сборки тракторов, столярную мастерскую, сарай, заполненный готовыми газовыми плитами... Нам называли цифры, имена, снова цифры...

— До сих пор мы создали рабочие места для тысячи шестисот человек, — сказал помощник директора. — В будущем году их будет более трех тысяч!

Огромные сухие доки выглядели печально. Рельсы на причалах ржавели, подъемных кранов не было. В самом большом доке стоял крошечный пожарный катер. Он производил такое же впечатление, какое производит футбольный мяч, одиноко лежащий на пустом стадионе, где

проходили олимпийские игры. Во сколько обходится строительство дока? Будет очень жаль, если сооружения покроются ржавчиной.

Вдруг до нас донесся знакомый саксонский говор. Семеро механиков из ГДР!

— Все же добрались сюда? Когда мы прочли в газетах о вашем прибытии, то тут же подумали: «А вдруг они появятся в наших краях?»

В зале, залитом светом неоновых ламп, наши соотечественники монтировали установки для кондиционирования воздуха. Швейные машины фирмы «Текстима», еще не распакованные, стояли во дворе. Лишь часть их временно расставили в соседнем помещении, и там около ста девушек и юношей учились строчить. Сотни черных глаз уставились на нас. Лишь когда в дверях появился руководитель монтажной группы, инженер из Циттау, который вместе с тунисцем будет в ближайшие годы руководить предприятием, темные курчавые головы быстро склонились над тканью и машины вновь зажужжали.

Девушки и юноши были одеты аккуратно и чисто. Повидимому, они были довольны своей работой. Что бы они делали, не будь этого предприятия? Скорее всего пополнили бы армию чистильщиков сапог и «гидов»... или пошли бы попрошайничать!

Что сказал вчера, предлагая прощальный тост, генеральный директор Мабрук?

— Мы благодарим ГДР за сотрудничество. Оно помогло нам разрешить трудную проблему!

Теперь я понял, что это была не пустая формула вежливости.

ОТКАРМЛИВАТЬ НЕВЕСТ ЗАПРЕЩЕНО!

Если между четырьмя и пятью часами пополудни побродить по авеню Хабиба Бургибы — главной торговой улице Туниса, — можно подумать, что находишься в современной южноевропейской столице. Из банков, магазинов и учреждений на улицы выходят толпы красивых девушек. Одетые по последней парижской моде, они отлично сознают свою красоту и понимают, какое впечатление производят на прохожих. В это время на улицах

почти не попадаетея сефсери, традиционная белая чадра тунииских женщин, которую еще носят в деревнях, на базаре и на окраинах города. Большинство девушек не сразу садятся в автобус или трамвай, а прогуливаются вдоль витрин, заходят с подругами, а то и с друзьями в кафе. В «Кафе де Пари», что напротив театра, в этот час нет ни одного свободного места.

Это удивило нас. Ведь мы только что побывали в Марокко и Алжире! Такого множества девушек, оживленно беседующих в кафе с молодыми людьми, мы не видели с начала поездки!

Но типична ли такая картина для нынешнего Туниса? И да и нет! Туниисское правительство гордится тем, что освободило женщин от сефсери и от пут средневековой традиции. В официальных изданиях постоянно публикуются фотографии артисток, учительниц, танцовщиц, медицинских сестер, лаборанток и единственной женщины — депутата парламента. В Тунисе уже считается в порядке вещей, что девушки участвуют в работе молодежных организаций, занимаются спортом, голосуют на выборах, учатся, проводят дискуссии на различные темы.

По закону женщина в Тунисе имеет те же права, что и мужчина, пользуется избирательным правом, сама может быть избрана, равноправна во всех юридических вопросах.

Многоженство запрещено, закон устранил прежний порядок, когда детей женили родители. Девушка может вступить в брак лишь с восемнадцати, а юноша с двадцати лет.

Но соответствует ли практика законоположениям? Вот три примера, показывающие, сколь сложна эта проблема.

Лаила, домашняя работница сотрудника нашего торгового представительства, была разведена и жила одна с четырнадцатилетним сыном. Однажды мы поинтересовались, когда и при каких обстоятельствах ее муж с ней развелся. Лаила взглянула на нас удивленно:

— Мой муж? Это я с ним развелась!

Лаилу почти ребенком выдали замуж за железнодорожного рабочего. Со временем муж стал разыгрывать из себя пашу, а к жене, как это было принято, относился как к рабыне. Себя же он ни в чем не стеснял. Наконец Лаила взбунтовалась и подала адвокату заявление о раз-

воде. Все ее подруги считали такой шаг безумием и пытались удержать ее. Но произошло то, что во многих арабских странах еще невозможно: суд вынес решение в пользу жены. Умный судья встал на сторону установленного законом равноправия, против пережитков прошлого!

Второй пример: однажды в субботу вечером нам захотелось взглянуть, как проводит конец недели тунисская молодежь. Мы обратились к доценту университета, который был руководящим деятелем Дестуровской социалистической партии. Он ответил:

— Как в Германии! Посещают кино, театр, устраивают вечеринки, ходят на ярмарку, танцуют...

— Танцуют? Где?

Наш собеседник ответил менее уверенно:

— Ну, в казино «Бельведер», в студенческих клубах, в «Амилькаре», «Карфагене», даже в «Хилтоне»...

Мы принялись разыскивать веселящуюся молодежь, но сначала безуспешно. В студенческом клубе лишь несколько юношей играло в карты. В ответ на наши вопросы они сказали, что у студенток есть свой клуб. В «Хилтоне» и «Амилькаре», действительно, танцевали, но не те, кого мы искали. Кроме нескольких супружеских пар из числа «первой десятки» в эти рестораны ходят одни лишь иностранцы.

Мы уже хотели вернуться домой, когда на авеню Хабиба Бургибы случайно попали в «Ротонду». Этот ресторан из-за тускло-красного освещения производил на первый взгляд впечатление дешевого ночного клуба. Заметив на танцевальной площадке веселую компанию из пяти юношей и трех девушек, говоривших по-арабски, мы сели за соседний столик. Вскоре разговорились. Оказалось, что это студенты педагогического училища отмечали сдачу экзамена. Беседовали мы лишь в перерывах между танцами, ибо студенты не пропускали ни одного. Будь то твист или шейк, они танцевали с исступлением.

Мы заговорили с Джаминой, стройной двадцатилетней девушкой с длинными рыжеватыми волосами. Я спросил, как ее родные относятся к тому, что она ходит танцевать одна. Джамина сразу стала серьезной:

— Мало-помалу начинают привыкать к тому, что мы, молодые, хотим жить своей жизнью, иначе, чем жили наши родители... Но столкновений, и порой весьма жесто-

Выступление всадников в Кайруане

ченных, было много. Нам помогало то, что общественность, молодежные организации, а также правительство на нашей стороне...

Третий случай произошел без нас, но мы много о нем слышали. За несколько месяцев до нашего приезда о нем говорил весь Тунис. В центре событий была учительница с острова Джерба, бывшая соученица Джамины, но года на два старше ее. За четыре недели до свадьбы отец запер ее для откорма в полном смысле этого слова. Ей запретили выходить из ее комнаты и закармливали там всевозможными деликатесами. Отца никак нельзя было убедить отказаться от обычая откармливания невесты, распространенного ранее во всех арабских странах.

— Я не допущу, — говорил он, — чтобы зять упрекал меня, будто моей дочери жилось у меня плохо!

Его не интересовало, разделяет ли вообще его зять устаревший идеал красоты: «Чем толще, тем лучше!»

Лишь когда подруги учительницы обратились к президенту республики и тот, не долго думая, запретил откармливать невест, несчастная девушка с Джербы была освобождена из-под домашнего ареста.

Откармливание невест и твист, сефсери и джинсы — вот крайности, типичные в настоящее время для процесса эмансипации женщин в Тунисе. Я уверен, что через несколько лет сельская молодежь последует примеру городских юношей и девушек. Сефсери и черные покрывала вскоре можно будет увидеть только в музеях.

КОННЫЙ ПРАЗДНИК В КАЙРУАНЕ

У южных ворот города Туниса стоит большой дорожный указатель желтого цвета: «Каир — 3245 км, Бенгази — 1807 км, Триполи — 762 км». Мы часто проезжали мимо него, совершая короткие поездки в пустой машине, и каждый раз с тоской смотрели на надписи: начнем ли мы когда-нибудь этот марафонский пробег?

Но вот, наконец, долгожданный день настал. В набитой до отказа машине мы в последний раз миновали «колонну вздохов» и, громко сигналив, попрощались с Тунисом.

Совершилось чудо, на которое мы уже не смели надеяться! Когда в предпоследний день рамадана мы на-

несли привычный визит в ливийское консульство, консул не встретил нас обычным отрицательным жестом. Его лицо сияло:

— Ответ из Триполи! Вы получите транзитную визу на десять дней!

Мы едва могли этому поверить и подтолкнули друг друга в бок. За пять минут необходимые для продолжения поездки визы были проставлены в наши паспорта.

Очутившись на улице, мы уставились друг на друга:

— Если мы поторопимся с погрузкой и до восхода солнца тронемся в путь, то окончание рамадана отпразднуем завтра в священном городе Кайруане.

Что нам требовалось сделать? Смазать и помыть машину, закупить продукты, постирать сорочки, проявить пленку, написать письма в редакцию в Берлин... Мы работали с новым подъемом. Ощущение было такое, будто наша поездка начинается еще раз! Лишь поздно вечером мы запихали в машину все, что из предосторожности внесли в теплый дом.

Прощание с товарищами из торгового представительства было тяжелым для всех. Они сделали все возможное, чтобы скрасить нам недели удручающего ожидания. Спасибо за это, друзья!

Итак, мы двинулись дальше! Дорога к Нилу была открыта! Три тысячи километров... По приемнику мы отыскали радиостанцию ГДР. Пел Манфред Круг. Последний взгляд через озеро Тунис на карфагенский полуостров и дальше — на холмы Сиди-Бу-Саид. Восходящее солнце гасило огни Ла-Гулета.

Спустя три часа перед нами из красно-бурой пустыни появились башни священного Кайруана. Над ними возвышался громоздкий трехступенчатый минарет большой мечети. На этом месте, на расстоянии всего лишь двух часов скачки галопом от прибрежных византийских крепостей, знаменитый мусульманский полководец Окба бен Нафи приказал в 670 году раскинуть шатры. Отсюда он начал завоевание Северной Африки. В течение столетий Кайруан временами был столицей, но религиозным центром Туниса оставался всегда. Еще и поныне семь паломничеств в Кайруан равнозначны для верующих мусульман одному паломничеству в Мекку. Легенда гласит, что колодец Бир-Бирут на базаре старого города связан под землей со священным колодцем Земзем в Мекке.

Мы оставили «Баркас» перед воротами, вблизи бассейнов Аглабидов⁵¹.

Оба многоугольных, почти круглых бассейна диаметром сто двадцать девять и тридцать семь метров сооружены в девятом веке. Они служат наглядным опровержением распространенного среди европейских туристов мнения, будто после арабского завоевания североафриканская культура не создала ничего значительного.

Кайруан — чисто арабский город — богат архитектурными сокровищами. И мы могли познакомиться с ними! Кайруан — первый город на нашем пути, где вход в мечети разрешен и неверным. Правда, предварительно надо было приобрести за одну марку в туристическом бюро входной билет.

Больше, чем спрятанная за высокими стенами главная мечеть — ее как раз реставрировали, — нам понравилась завийя⁵² Сиди Сахби, мечеть брадобрея⁵³. Она была сооружена в семнадцатом веке над могилой одного из спутников пророка, постоянно носившего с собой три волоса из бороды своего господина. Завийя Сиди Сахби, в которой чудесно сочетаются мозаика, филигранная резьба по кедру и тончайшие цветные орнаменты, — прекрасный гимн аллаху.

Нам все время встречались празднично одетые дети с трещотками и воздушными шарами в руках, лакомящиеся сладостями из толстых бумажных кулек. Последний день рамадана — Аид ас-Сагир⁵⁴, — главным образом, детский праздник. Детям дарят новую одежду, игрушки, родители водят их на прогулку, конечная цель которой у всех одна: ярмарочная площадь у мечети брадобрея. Здесь можно найти все, что заставляет сильнее биться детские сердца: карусели, качели, летающие лодки, тир, балаганы... Больше всего детей привлекают ослиные упряжки с увитыми гирляндами тележками, на которых совершают круг по городу.

⁵¹ Аглабиды (800—909) — фактически независимая династия арабских наместников Ифрикии, формально признававших верховную власть багдадского халифа. Государство Аглабидов включало территорию современных Туниса, Западной Ливии, Северо-Восточного Алжира, Сицилии и Южной Италии.

⁵² З а в и й я — старинное название укрепленного мусульманского монастыря в странах Магриба.

⁵³ Сиди Сахби, по преданию, был цирюльником пророка Мухаммеда.

⁵⁴ Аид ас-Сагир — «малый праздник» (араб.).

У длинных столов предлагали блюда тунисской кухни: брик — жаренные в масле пирожки из слоеного теста, начиненные яйцами; на древесном угле жарили мергезы — красноватые колбаски из баранины, которые едят не с горчицей, а с хариссой — острой пряной пастой из паприки, чеснока, перца, растительного масла и соли; здесь была, конечно, и мешуи — зажаренная на вертеле баранина, а также каскруты — сэндвичи с тунцовым мясом, оливками, каперсами, овощным салатом и хариссой. Сэндвичи можно было сделать и самому. На столе в стаканах и мисках стояли всевозможные приправы.

Перед балаганами зрителей привлек четырнадцатилетний подросток, только что появившийся с новым аттракционом. Из тряпок он смастерил некое подобие бутылочной тыквы и поставил на большой глиняный сосуд. На узкое горло игрок клал монету и дубинкой сбивал тыкву с сосуда. Если монета падала в сосуд, то она доставалась подростку, а если рядом, то игрок получал в два раза больше того, что поставил. В мгновение ока мы испортили изобретателю всю игру. В противоположность большинству детей мы старались не размахиваться сильно. Тряпичная тыква падала медленно, и монета катилась на песок. Три раза подряд мы выиграли, но нас растрогало лицо мальчика, на котором уважение к нашему мастерству сменялось боязнью потерять заработок, и мы перестали играть, прежде чем окружающие ребята поняли наш трюк. В знак благодарности подросток угостил нас... сигаретами!

После полудня ярмарка за несколько минут опустела. Дети и взрослые, горожане и туристы устремились к городским воротам. Там, перед высокой кирпичной стеной, еще и поныне окружающей старый город, состоялась «фантазия». Чтобы посмотреть выступления конников, в Кайруан прибывают бедуины племени зласс из пустыни Салех на белых в яблоках конях, убранных коврами, темляками, золотыми монетами...

Лишь с помощью бакшиша нам удалось раздобыть место на крыше кафе, откуда через головы тесно сгрудившейся толпы нам было видно все. Вначале выступали танцоры, акробаты, певцы. Затем раздались выстрелы и щелканье плетей! Толпа вскрикнула. Трое наездников проложили себе путь к центру засыпанной песком клумбы и оттеснили людей назад.

Мы посочувствовали операторам тунисского телеви-

дения, которых толпа оттерла. Пыль, поднятая конскими копытами, осела на объективах аппаратов. Впервые из Африки в Европу будут переданы по телевидению подлинные кадры «фантазии».

Расчистив себе достаточно места, трое бедуинов показали каскад удалых джигитских трюков. На полном скаку они становились на голову, делали стойку на руках, пролезали под брюхом коня, соскакивали с коней и вновь вскакивали в седла, падали, позволяя волочить себя... Вершиной искусства сынов пустыни было сальто на скачущих по кругу конях. Мы затаили дыхание, но наездники каждый раз падали обратно в седла. Эти трое бедуинов могли бы выступить на лучших цирковых аренах мира.

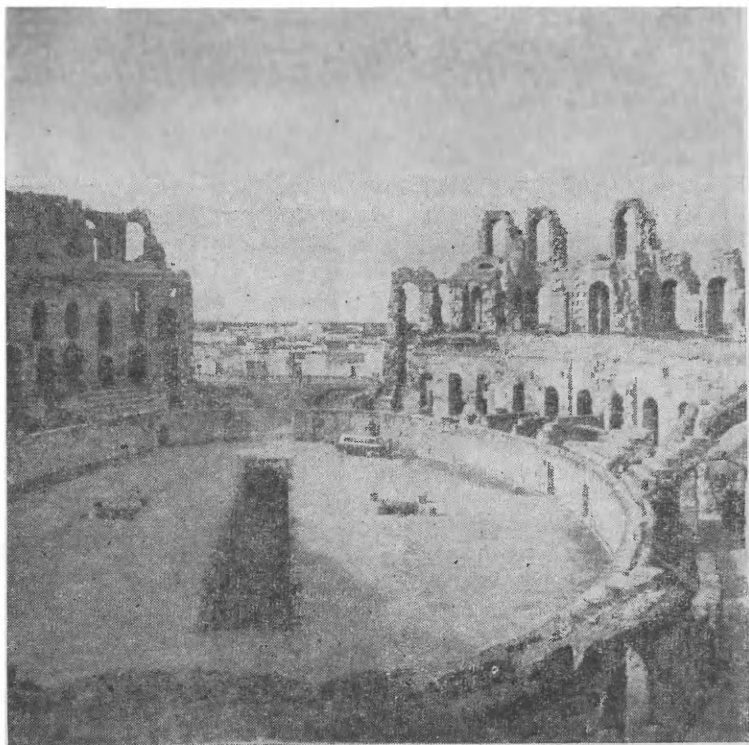
Вечером нас пригласили выпить коллеги из тунисской телестудии, большей частью французские специалисты. Они, как и мы, ожидали, что окончание месячного поста будет ознаменовано во всех ресторанах роскошными пиршествами. Но нам пришлось разочароваться. Как и в обычные дни, мужчины Кайруана и сегодня со скучающим видом сидели перед кафе и пили ахва и тшай — сладкий кофе и чай. Оказалось, что губернатор еще на неделю продлил действовавший в Кайруане запрет продавать во время рамадана алкогольные напитки. Надо было привыкать к дьявольским соблазнам земной жизни швей-швей, то есть постепенно.

КРАТЕРЫ И ТРАНЗИСТОРЫ

Туризм порождает своеобразнейшие явления. Иногда он даже бедность превращает в средство привлечения иностранцев. «Не желаете ли провести ночь в пещере наподобие первобытных людей? Пожалуйста! Охотно бронируем для вас место в Отель де терр в Матмате...» Подобную рекламу скоро можно будет увидеть во многих западноевропейских бюро путешествий.

Несмотря на недостаток времени, мы решили ненадолго поехать в южнотунисские горы. Друзья говорили нам, что здесь мы сможем изучить жизнь полукочевников из племени ашеше в ее первоизданном виде.

Из священного Кайруана мы выехали поздно вечером и ночь провели под сенью амфитеатра в Эль-Джеме.

Развалины римского амфитеатра в Эль-Джеме

Крупнейший в Северной Африке памятник римской архитектуры, находящийся в центре плоскогорья и окруженный лишь несколькими хижинами, производит более величественное впечатление, чем римский Колизей. Утром мы долго ехали через оливковые плантации с тянувшимися до самого горизонта деревьями. Недаром Тунис занимает четвертое место в мире по экспорту оливкового масла! После Сфакса картина изменилась. По правую руку раскинулась желто-бурая холмистая пустыня, слева — матово-синее Средиземное море. В городе-оазисе Габес — конечной станции тунисской железной дороги на юге — мы свернули с магистрали в направлении красновато-синего горного массива.

Преодолев первые перевалы, мы увидели в этой глуши совсем новый дорожный указатель: «Матмата». Остановились. Внизу раскинулась рябая ржаво-коричневая котловина, пересеченная паутиной белых дорог. Она казалась лунным ландшафтом со скупо разбросанными по нему пальмами. Рябинками были кратеры. Внизу виднелась лишь маленькая белая мечеть.

На дне долины дорога кончилась. Деревянная стрелка с каракулями «Отель» поманила нас налево, но мы заблудились в путанице дорог. Не было видно ни души. Лишь на окраине оазиса нам повстречался человек с коробом кактусовых веток на спине.

— Отель? — спросили мы.

Он показал на кратер в середине долины и задал встречный вопрос:

— Чай?

Нам, конечно, хотелось выпить чего-нибудь горячего. Мужчина склонился, прижал руку к сердцу и жестом пригласил последовать за ним в пещеру.

Мы миновали длинный темный ход, едва достигавший в высоту полутора метров, и на дне кратера вновь вышли на свет. Кратер имел около семи метров в диаметре, а в высоту достигал десяти. По бокам в глиняных стенах были выкопаны пещеры. В одной из них помещались овцы, в другой были привязаны два осла. Закопченный угол под земляным выступом служил кухней. Один из входов был завешен старыми коврами. Что это? Не играло ли за ними радио?

Абид, наш хозяин, два раза хлопнул в ладоши. Музыка оборвалась, из-за ковров появилась кочевница в прекрасном красочном одеянии: желтый тюрбан, ярко-синий жакет, пурпурные шаровары. Морщинистое лицо украшала татуировка — штрихи, крестики, крючочки... В ушах болтались серьги из золотых монет, на груди красовались серебряные броши... Альфред тотчас же поднял заряженную цветной пленкой камеру. Ему не пришлось долго упрашивать — кочевница не боялась фотоаппарата. Она лишь желала сфотографироваться со всей семьей. Очень красивая девушка, к счастью еще не татуированная, вынесла из спальни малыша и передала матери.

— Мириам — один год, Айше — четырнадцать! — сказал Абид.

После того как семейная фотография была сделана,

мать разожгла сухие пальмовые листья и верблюжий навоз и поставила кипятить воду. Тем временем Абид показал нам свой «дом», стойла и склады... «А если пойдет сильный дождь?» — подумал я... Все входы в пещеру были на две ступени выше дна воронки, а подземный ход, ведущий наружу, имел уклон вниз. Через него отводилась дождевая вода... Завешенный коврами вход вел в спальню семьи. Там у стен лежало лишь несколько протертых матрацев, ковров и подушек. На табурете, единственной здесь мебели, стояла керосиновая лампа... и современный японский транзисторный приемник. Абид гордо включил его. Итальянский тенор пел о любви.

К сожалению, мы с Абидом с трудом понимали друг друга. Он знал лишь несколько французских слов, а наш арабский разговорник не мог помочь, ибо Абид говорил на берберском диалекте⁵⁵. При помощи жестов и рисунков на песке мы узнали, что транзистор доставлен из Ливии контрабандой и Абиду пришлось отдать за него осла. Однажды он даже поймал Каир и выступление Насера!

Слушая легкую музыку, мы примостились во дворе на камнях и принялись пить сладкий мятный чай из двух чашек — больше посуды не было. В это время из школы возвратилась со стопкой тетрадей под мышкой третья дочь Абиды, одиннадцатилетняя Фатма. Она вежливо приветствовала нас:

— Здравствуйте, мосье!

Дитер оглядел мрачный кратер.

— Где же девочке делать уроки? Ведь здесь даже нет стола...

Лишь двести метров отделяли кратер Абиды от земляной гостиницы тунисского туристического клуба. Она состояла из нескольких соединенных между собой ходов и кратеров, подобных тому, в котором жил Абид. Правда, вход, закрытый деревянной дверью, был выше, так что можно было войти, не пригибаясь. Здесь находилась «регистратура»: стол с регистрационной книгой и телефон, а над ним доска, но вместо ключей на ней висели номерки. В гостинице было пятьдесят четыре кровати, место стоило пять марок за ночь.

Номера представляли собой пещеры, где едва помещались две походные кровати и табурет с керосиновой

⁵⁵ Район Матматы и остров Джерба — единственные в Тунисе области, где еще говорят на одном из диалектов берберского языка.

лампой. В большом среднем кратере пещеры даже имели два этажа. Из входов во втором этаже свешивались веревки, а в крутых стенах были выбиты уступы. Гость должен, держась за канат, взобраться наверх. Втянув его за собой, он может быть гарантирован от любых посещений. Неудобно, но романтично.

Гостиничная кухня представляла собой широкую железную плиту под отверстием для вытяжки дыма, столовая — высокую сводчатую пещеру с деревянными столами и плетеными табуретами. В «баре» стойки и полки для бутылок были вырублены в стене. К стенам не рекомендовалось прислоняться: жирная глина пачкала.

Верхом цивилизации в пещерной гостинице наряду с работающим от батареи холодильником в баре являлся туалет: перед голой глиняной стеной — белые керамические унитазы, в которых даже спускалась вода. Гигиену следует соблюдать, иначе не будут приезжать американцы. Ватерклозет в первобытной обстановке!

Единственными постояльцами были два тунисца. Они обрадовались нашему появлению и тут же пригласили распить бутылку бухи — крепкой тунисской водки из винных ягод. Старший — его звали Тауфик — носил красную феску и серый бурнус. Он отрекомендовался председателем местной дестуровской организации. Младший, его племянник, был одет по-европейски. Он приехал на два дня из Туниса. Дядя гордо сообщил, что племянник занимает важный пост в министерстве хозяйства.

— Ну, что скажете об этой гостинице? Занятно, не правда ли? Мы построили ее осенью. Теперь туристы тысячами повалят сюда и привезут деньги в наш оазис!

Мы не оспаривали, что некоторые туристы охотно израсходуют несколько долларов за ночь, проведенную под землей. Затем поинтересовались:

— А на какие средства существовали жители Матматы до сих пор?

— Бедуины из племени ашеше всегда вели наполовину кочевой образ жизни, — пояснил Тауфик. — Они кочевали со своими стадами по горам и степям внизу, на равнине. Они использовали кратеры для жилья не только в Матмате, но и повсюду в горах, но находились в них только зимой, а в остальное время хранили здесь свои запасы. В прошлом столетии эрозия почвы и процесс превращения степей в пустыни усилился. Ашеше стали еще беднее, так как их стада почти не находили корма.

Ныне ашеше существуют главным образом благодаря сбору альфы — важного сырья для производства бумаги. Тунис экспортирует ее даже в Англию. На ослах и верблюдах альфу доставляют с гор и степей в Матмату на государственный заготовительный пункт. Но... много на этом не заработаешь. Статистики подсчитали, что в этой местности годовой доход семьи едва достигает двадцати долларов...

Касим, ответственный сотрудник министерства хозяйства, счел нужным разъяснить политику правительства:

— Бедность в южных районах — серьезная проблема, требующая безотлагательного решения. Десятилетний план предусматривает, что средний годовой доход бедняков, составлявший в 1959 году лишь четырнадцать динаров⁵⁶, к 1971 году возрастет до пятидесяти. За этот же период доход наиболее состоятельной группы населения снизится с двухсот восемнадцати до ста шестидесяти девяти динаров... Для первой группы это означает рост доходов на двести пятьдесят семь процентов, а для второй — снижение на двадцать два процента. Это станет возможным лишь путем усиления индустриализации...

— И благодаря туристам, — добавил Тауфик. — Мы построим еще несколько гостиниц здесь, в горах, и на Джербе. Это дешевле, чем строить заводы... Как вы думаете, сколько стоило сооружение «земляной гостиницы»? Через два месяца, если она будет заполнена, мы начнем получать прибыль!

Повысится ли тогда доход нашего гостеприимного хозяина Абида? Ему, конечно, и в последующие годы придется отправляться со своими двумя ослами в горы для сбора альфы.

Стемнело. Официант поставил на стойку бара керосиновую лампу и новую бутылку бухи. Мы запротестовали, но Тауфик сказал:

— Вы мои гости. Рамадан кончился!

И в самом деле! Кончился рамадан, из-за которого мы так долго не могли выбраться из Туниса. По графику нам уже следовало быть в Каире...

Провозгласить ли тост за рамадан? Бокал бухи за продолжение нашей поездки!

⁵⁶ Динар — с 1958 г. национальная денежная единица Туниса. Равен примерно 2 долларам.

ГОЛОВА В ПЕСКЕ

Стрелка спидометра колебалась между семьюдесятью пятью и восьмидесятью. По обеим сторонам узкого шоссе то тут, то там из каменистого грунта поднимались чахлые пальмы. Вдруг из-за поворота появилась дорожно-строительная колонна. На грузовике стояли двое рабочих с инструментами в руках. Дитер дал сигнал. Рабочие, как загипнотизированные, уставились на нас, и лишь когда до «Баркаса» оставалось метров десять, бросили заступы, кирки и лопаты прямо перед нашим радиатором... Дитер затормозил, но, чувствуя, что не может остановить машину, резко свернул влево... Машина завалилась на бок, под откос. От внезапного сильного толчка мы ударились головами о стекла. Затем все стихло, и только громкий вздох нарушил тишину.

— Проклятие!

Бормоча ругательства, мы вышли из машины. Передняя ось глубоко увязла в песке. Положение казалось угрожающим. Прежде чем начать в нем разбираться, мы закурили.

Тунис нас не выпускал!

Полчаса назад мы выехали из Сиди-Махреза, что на райском пляже Джербы. Не больше десяти километров отделяло нас от дамбы, соединяющей остров Джербу с материком. Мы намеревались за два часа достичь границы, а после обеда — Триполи. Таковы были планы.

Дитер осмотрел место, где машина натолкнулась на препятствие, и обнаружил обломок скалы весом в центнер. Что, если сломались такие детали, которых у нас нет в запасе? Тогда придется ожидать на этом идиллическом островке, пока не пришлют новый мотор из Хайнихена! Солнце и пальмы, теплые плавательные бассейны, западногерманские братья и сестры, дорогие напитки и дешевый песок... Чего же вам еще? Давайте устроимся по-домашнему на средиземноморском Таити!

Это был юмор висельников. Конечно, было бы неплохо провести несколько дней на хваленном тунисском морском курорте, но мы должны в течение десяти дней миновать Ливию, иначе пропадут ценные визы. Кроме того, наша дорожная касса понемногу пустела, а следующий перевод ожидал нас только в Каире.

— Пожалуйста!

Водитель грузовика — он сидел за рулем и был ни при чем — вручил каждому из нас лопату и сам тут же начал откапывать из песка передок машины. Опасаясь нашего гнева, его товарищи спрятались за машиной.

— Правильно! Нечего горевать! Посмотрим, в чем дело!

Командование взял на себя Дитер, наш технический руководитель. Он определил плотность песка, крутизну откоса и оценил мощность грузовика.

— Этот никогда не вытащит нас отсюда.

Он дернул за рукав яростно копавшего шофера.

— Эй, друг, нам нужен... Проклятие, как же по-французски трактор?

— Очень просто: tracteur.

— Да, мосье!

Шофер уже понял. Он сел в свою машину и уехал. Оба виновника происшествия, лишившиеся укрытия, смущенно стояли на дороге. Мы подозвали их и бросили им лопаты. Если уж они стали причиной несчастья, то пусть, по крайней мере, помогут устранить его! Не успели мы откопать и колеса, как подошел сильный «Катерпиллер». Чудо? Нисколько! На расстоянии километра отсюда строилась гостиница.

Не долго думая, тракторист зацепил трос за заднюю ось машины и осторожно дал ход, но даже трактор завяз в песке. Вторая попытка, третья... Лишь когда пятеро мужчин изо всех сил подтолкнули машину, она медленно стронулась с места. Мы устали на колеса. Они вертелись! И никаких посторонних звуков не было слышно!

Мы сделали большой крюк по предательскому песку — и вот наша машина вновь стояла на асфальте. Дитер тут же залез под машину, простучал мотор, рессоры, попробовал рулевое управление...

— Кажется, что...

На его лице еще боролись скептицизм и надежда. Он сел за руль и включил мотор. После третьей попытки он заработал. Теперь потихоньку вперед! Мы, прислуши-

ваясь, шли рядом: никакого лишнего шума! В окне появилось улыбающееся лицо Дитера:

— Отдых на Джербе не состоится!

Мы покурили с трактористом, водителем грузовика и обоими незадачливыми крестьянами. Осмотрели место происшествия. Всего в нескольких сантиметрах от следов колес с обеих сторон из песка торчали огромные камни. Если бы мы врезались в них? Но мы попали как раз посередине. Слава аллаху! Он, видно, не очень обиделся за то, что мы столько раз проклинали рамадан.

«АЛЛАХ УСЛЫШАЛ НАШУ МОЛИТВУ!»

По опыту, накопленному при многочисленных переездах через границу, я знал, что поведение таможенников и полицейских многое говорит о государстве, которому они служат. В неказистом полицейском бараке в Зуаре мы явно помешали чиновникам. Они, не ответив на наше приветствие, брюзжа, сунули нам несколько объемистых анкет.

— Заполнить!

После того как наряду с другими вопросами мы ответили и на такие, как даты рождения и вероисповедание наших дедов и бабок, нам пришлось несколько раз громко кашлянуть, прежде чем один из полицейских оторвался от кофе. Он угрюмо перелистал паспорта, проштемповал их, затем по очереди посмотрел на нас:

— Вам запрещается в Ливии работать! И если вы до одиннадцатого числа ноль-ноль часов не выедете из страны, то...

Мы вежливо попрощались и вышли. Конечно, господин полицейский, мы поспешим покинуть Ливию. Мы не хотим быть отданы на милость одного из ваших коллег.

На последних каплях бензина мы добрались до заправочной станции на окраине Зуары. На Джербе мы точно, до последнего километра, подсчитали необходимое нам количество горючего: ведь в Ливии оно в два раза дешевле, чем в Тунисе.

Восемь лет тому назад мне уже приходилось заправляться у этой же колонки компании ЭССО. Мы прибыли на «Вартбурге» с противоположной стороны, из Каира, и намеревались вернуться в Берлин через Тунис и Италию.

В то время Ливия была одной из самых бедных и отсталых арабских стран. Бюджет правительства складывался почти целиком из кредитов и арендной платы, которую американское и английское правительства вносили за аренду военно-воздушных баз для атомных бомбардировщиков — Уилус у Триполи и Эль-Адем у Тобрука. Нам тогда казалось, что мы проезжаем через усталую страну, примирившуюся с жизнью в бедности и апатии. Спустя двенадцать лет после окончания войны лопата еще не коснулась развалин, оставшихся после африканской кампании, а жадный песок пустыни грозил поглотить покинутые итальянцами города и плантации.

В свое время ливийское правительство возлагало большие надежды на нефть. В соседней алжирской Сахаре нашли нефть. Почему же под песками ливийской пустыни также не мог быть океан жидкого золота? Международным нефтяным трестам были сданы концессии, и в пустыню направились геологи и буровые отряды. Король провозгласил нефтяной закон. Однако в течение многих лет прилагаемые усилия не приносили успеха.

В примитивной гостинице у залива Сирт мы повстречали в 1957 году американского инженера. Он возвращался с буровой точки в пустыне. Вид у него был кислый, он считал свою работу бессмысленной.

— Ливия — страна с самыми сухими нефтяными источниками мира! — острил он.

В 1959 году, когда некоторые компании уже хотели прекратить дорогостоящие изыскания, произошло то, что ливийцы восприняли как чудо: в долине Бир-Зелтен, в двухстах километрах к югу от залива Сирт, инженеры компании ЭССО обнаружили нефть. Другие компании усилили разведку, и вскоре из различных районов поступили аналогичные сообщения.

Король Идрис I заявил:

— Аллах услышал наши молитвы! Он открыл нам неисчерпаемые сокровища!

В Ливии начался нефтяной бум. В страну устремились специалисты, в пустыне выстроили нефтепроводы, дороги, резервуары... В заливе Сирт вырос нефтяной порт. В октябре 1961 года танкер «Кентербери» компании ЭССО вышел с рейда Марса эль-Брега с первым грузом ливийской нефти.

В 1962 году было вывезено за границу восемь миллионов тонн нефти, а в 1965 году — уже шестьдесят миллио-

пов. Чистая прибыль, то есть доля ливийского государства в экспорте, составила в 1965 году сто сорок шесть миллионов фунтов стерлингов, а в 1966 году — свыше ста семидесяти миллионов фунтов стерлингов.

Население Ливии составляло лишь полтора миллиона человек, следовательно, королевское правительство получало в виде дополнительных налогов от нефтяных компаний более тысячи трехсот марок в год на душу населения. За ночь Ливия превратилась из страны-золушки в одно из самых богатых государств.

Как же распределяются в государстве короля Идриса I «открытые по воле аллаха» неисчислимы богатства?

ХАЛИД ИЗ БИДОНВИЛЯ

Пока мы заправлялись, с нами заговорил на хорошем английском языке одетый по-европейски молодой человек. По некоторым соображениям, назовем его Халидом. Он рассказал, что навещал своих родителей в Зуаре, а теперь возвращается в Триполи, где работает в банке Барклей. Не будем ли мы так любезны подвезти его?

— Садитесь!

Мы не могли отказать столь вежливому человеку.

Когда мы затем сидели за столом в нашем салоне на колесах, Халид достал оливки, земляные орехи и вручил каждому по крупному апельсину. Это немного сгладило наше первое плохое впечатление от Ливии, вызванное полицейскими.

— Вы работаете в барклейском банке? Восемь лет тому назад я менял там деньги, — сказал я, чтобы завязать беседу.

— В то время я еще учился в школе.

— Я рад еще раз посетить Триполи. Он, видимо, сильно изменился. Ведь Ливия тем временем стала богатой страной.

Халид бросил на меня испытующий взгляд и сказал задумчиво:

— Богатой? Не знаю... Богатыми стали король и иностранные нефтяные компании.

Наш попутчик, по-видимому, был критически мыслящий человек.

— Я подсчитал, что ваше правительство получает от нефтяного бизнеса не менее ста семидесяти миллионов фунтов стерлингов в год.

Халид иронически улыбнулся.

— Мне известны эти цифры. Но я получаю такую же заработную плату, как и в 1960 году. И у моих родителей — они имеют маленький участок под оливами и цитрусовыми — выручка за урожай не увеличилась ни на грош, а все, что они вынуждены покупать, ввозится из-за границы и стоит очень дорого.

— Вы, стало быть, полагаете, что ливанский народ не имеет никакой доли в нефтяном буме? — спросил я.

— Этого нельзя утверждать так категорически. За прошедшие годы построены школы, жилые дома, больницы, гостиницы, правительственные здания. Это, конечно, приносит пользу всем, но наживались на строительстве главным образом иностранцы. Это круговорот. Нефтяные компании платят правительству, а оно дает подряды на строительство опять же иностранным фирмам. Таким образом, большая часть денег опять уплывает за границу.

Готовясь к поездке в Ливию, я читал, что есть закон, предписывающий, чтобы все услуги, необходимые нефтяным компаниям, в частности доставка материалов и снабжение продовольствием, выполнялись лишь ливийскими фирмами. Это должно было послужить толчком для развития национальной промышленности.

Я рассказал Халиду об этом законе. Он сделал отрицательный жест:

— Закон существует. Но какой же ливийский предприниматель обладал до начала нефтяного бума такими капиталами, чтобы приобрести станки, грузовики, суда? Это понимают иностранные дельцы — англичане, итальянцы, западные немцы... Они заволокли нашу страну. Отдавая дань закону, они для отвода глаз берут в компанию ливийца в качестве подставного лица... Видите ли, в банке я ежедневно вижу, кто хозяин так называемых ливийских фирм и куда переводятся прибыли.

— А Мухаммед Нга? — В прошлом году это имя часто упоминалось в западных газетах, которые излагали ливийский вариант старой капиталистической сказки: «от чистильщика сапог до миллионера». Мухаммед Нга якобы начал свою карьеру боем в отеле, а ныне владеет первоклассной гостиницей «Уаддан» в Триполи, не говоря уже о нескольких транспортных фирмах и мастерских.

Халид засмеялся.

— Я так и знал, что вы назовете это имя. Можно подумать, что его карьера типична для всех ливийцев. Да,

Мухаммед Нга — миллионер. Однако он стал им за счет своих земляков, которых бессовестно эксплуатировал, и благодаря своей семье, о чем, впрочем, никогда не упоминают: он располагал для начала достаточным капиталом. Мой друг работал в его бухгалтерии. Он мог бы вам такое рассказать... Таких людей следовало бы...

Халид гневно сжал кулаки, но вскоре вновь овладел собой. Кажется, он вдруг испугался, что зашел слишком далеко. Чтобы переменить разговор, он осмотрел нашу машину.

— Красивая и удобная машина. Какой она марки? Вы проводите отпуск в поездке? Или едете по делам службы? Журналисты? Ах, вот оно что...

Мы ехали мимо редких пальмовых лесов, оливковых рощ, плантаций цитрусовых... Видимо, приближались к Триполи. «Случайно ли, — думал я, — что первый ливиец, с которым мы разговорились, оказался «сердитым молодым человеком», оппозиционно настроенным против своего правительства?»

Альфред угадал мои мысли. Он повернулся с переднего сидения ко мне и, ухмыляясь, сказал по-немецки:

— Можно ли мечтать о лучшем введении в «нефтяной рай»? Если ты напишешь все, что рассказал этот малый, можно будет подумать, что ты его нарочно пригласил или сам все выдумал.

Однако Халид не желал обсуждать политические темы. Он отводил все мои попытки, каждый раз явно переводя разговор на другую тему. Мы беседовали об автомобилях, туризме, о ценах, о марках ливийского пива...

Когда мы подъехали к первому пригороду Триполи, Халид попросил остановиться. Он жил здесь и хотел проститься в машине, но мы все вышли. Нам хотелось узнать, на какой стороне улицы живет Халид.

Справа от нас высились новые дома — современные серийные дома с небольшими садиками и крытыми террасами. Слева, между дорогой и пляжем, раскинулся бидонвиль, или, как говорят по-английски, shantytown⁵⁷. Из остатков бензиновых канистр, бочек, жести, рекламных щитов, частей старых автомобильных кузовов и других отходов беднейшие из беднейших смастерили здесь примитивные хижины. Несколько лет назад подобные бидонвили «украшали» окраины всех североаф-

⁵⁷ Город лачуг, хибар.

*Бидонвиль и... нефтяной бум
Ливия*

риканских городов. Теперь их ликвидировали во многих местах, например в Тунисе.

Однако в богатом Триполи бидонвили за последние годы еще более разрослись. Слишком много рабочих прибыло из деревни, из южных оазисов и даже из соседних стран, чтобы принять участие в буме. Некоторым это, кажется, удалось. У границы бидонвиля стояли автомобили, конечно, старых марок, но все же автомобили. Трущобы для владельцев автомобилей!

Нас тотчас окружила толпа босоногих ребятишек:

— Бакшиш! Мистер! Бакшиш!

Халид чувствовал себя неловко. Одно мгновение он колебался, затем смущенно сказал:

— Извините... Я с удовольствием пригласил бы вас на чашку кофе, но мне приходится экономить. К тому же я живу у знакомых, там, в бидонвиле, а это неподходящее место, вы понимаете...

Он показал на другую сторону дороги:

— Быть может, через год-два, когда я женюсь, то смогу поселиться в одном из новых домов... Ведь прави-

тельство стремится возможно скорее уничтожить бидонвилли.

Нам не хотелось еще больше смущать Халида, и мы тепло попрощались с ним. Он уже сделал несколько шагов по направлению к бидонвиллю, но снова обернулся:

— Пожалуйста... Если вы напишете о нашем разговоре, не называйте моего имени. Прошу вас! У меня могут быть неприятности.

Мы обещали — и долго смотрели ему вслед: банковский служащий в элегантном черном костюме возвращался домой... в жестяную лачугу.

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ В ГОРАХ

Нефтяной бум пока что мало изменил внешний облик Триполи. В центре города, несмотря на несколько современных высотных построек, все еще господствовал колониальный стиль итальянских фашистов — здания с колоннами, арками, капителями. Новыми здесь были промышленный район и жилые дома на периферии. Здания ярмарки также построили недавно.

Мы посетили некоторых рабочих фирмы «Деваг», строивших павильон ГДР для открывавшейся через неделю ярмарки. При этом мы познакомились с двумя ливийскими журналистами, которые тут же пригласили нас совершить поездку по городу, а затем пообедать.

Оба были ответственными работниками печати. По той же причине, что и в случае с банковским служащим Халидом, я назову старшего господином А., а младшего — господином Б.

Сначала у нас не было особого желания принимать приглашение. Утром мы представились в министерстве информации, где нас снабдили книгой проспектов, восхвалявших достижения королевского правительства, и мы, конечно, опасались, что оба журналиста по заданию министерства покажут нам лишь светлые стороны нефтяного бума и попытаются скрыть темные. Но по их поведению мы поняли, что они сами желают побеседовать с нами.

— Обедать мы поедем в горы, там никто не помещает, — сказал один из них.

Перед безостановочной поездкой через пустыню Дитер решил еще раз проверить машину (без нее мы не могли никуда двинуться), поэтому приглашение приняли Альфред и я. Однако в начале поездки мы снова запо-

дозрили, что нас «официально сопровождают». Мы осматривали квартал новых жилых домов, из которых половина была уже построена, но пока не заселена.

Господин А. разъяснил нам суть проекта жилищного строительства короля Идриса.

Королевская программа жилищного строительства, провозглашенная в августе 1965 года, была немедленно распропагандирована как «достойный подарок властителя стране, архитектурное чудо», которое «войдет в историю». В ближайшие годы должно быть построено семьдесят тысяч жилых домов, из них шестьдесят процентов в сельской местности, на сумму четыре миллиарда фунтов стерлингов.

Крестьяне, учителя, государственные служащие, солдаты, ветераны борьбы за свободу и люди со скромным доходом получают собственные квартиры. В качестве платы за них будет высчитываться пятнадцать процентов заработной платы или жалованья. Спустя десять лет дом или квартира станет собственностью съемщика.

— Наш нефтяной бум превращается в бум строительный, — сказал господин А. — Благодаря королевскому проекту жилищного строительства мы сотрем с карты Ливии отвратительные бидонвили!

Нам оставалось лишь пожелать успешного осуществления плана.

Проезжая через пригород Суани, мы запустили первый пробный шар, чтобы выяснить подлинное настроение наших гидов. В Суани обслуживающие фирмы и транспортные предприятия построили гаражи, мастерские и склады. После того как мы прочли имя Мухаммеда Нга на третьем крупном комплексе зданий, Альфред спросил:

— И все это господин Нга купил на чаевые, которые получал, работая боем в гостинице?

Наши коллеги лишь сдержанно усмехнулись.

Во дворе авторемонтной мастерской я заметил два «мерседеса-220» с дипломатическими знаками и западно-германскими номерами. С наигранным удивлением я заметил:

— Видно, ливийские предприниматели наняли западногерманских бухгалтеров.

Господин А. дружески подтолкнул меня в бок и, иронически улыбаясь, ответил:

— Я полагаю, что кто-то вежливо справляется у владельца фирмы о процентах на свой капитал.

Итак, лед был сломан, мы нашли верный тон. В магазине самообслуживания мы погрузили в машину два ящика пива в консервных банках, затем выехали из города в южном направлении и на предельной скорости помчались к горам. На полном ходу мы открывали банки с пивом и даже останавливались два раза у ресторанов, чтобы отведать особой водки. Не хотят ли нас напоить?

Целью поездки был ресторан в горном городке Гарианн. Мы были единственными посетителями. Господина А. здесь, по-видимому, хорошо знали. Так как ни хозяин, ни бармен, ни официант не появлялись, он достал с полки позади стойки бутылку «Московской» и бутылку «Джонни Уокера».

— Мы — слаборазвитая страна, но, несмотря на это, благодаря нефти имеем все, что нужно, настоящую русскую водку и шотландское виски! — Виски он поставил обратно.

— С гостями из ГДР, само собой разумеется, пьют только водку! Из чайных стаканов! Ваше здоровье, друзья!

Подозрение, что нас хотели напоить, оказалось необоснованным. Жажда мучила самого господина А. Он ударил кулаком по столу:

— Кстати, мы — развивающаяся страна и нуждаемся в иностранных рабочих... — Он наклонился вперед и прошептал, хотя здесь никого, кроме нас, не было: — При этом у нас самих еще достаточно безработных в бидонвиях.

Господин Б. подчеркнуто деловито дополнил своего друга:

— Большой частью это пожилые люди, не имеющие никакой специальности и уже не могущие ее получить.

— Но ведь и эти люди должны жить и получать свою долю от общего благосостояния, а они даже не застрахованы!

Господин А. опять понизил голос:

— Однажды я писал об этой проблеме... и здорово поплатился!

Он наполнил стакан и одним духом осушил его:

— Проклятие! Обо многом хотелось бы написать и следовало бы, но... — Он с горечью засмеялся. — Мы — независимая газета, и все же правительство контролирует каждую строчку!

Господин Б., который почти не пил, опять уточнил:

— Мой друг полагает, что пресса должна открыто обсуждать непорядки в нашей стране, чтобы их исправить.

— От кого же иначе король узнает, что делается не то, что нужно? От своих министров? Но ведь они говорят лишь то, что ему хочется услышать... Ну да, в вашем социализме мне тоже многое не нравится, но... — Чтобы вызвать дискуссию, я было спросил, что ему, в частности, не нравится в социализме, но нас, по-видимому, пригласили лишь в качестве молчаливых слушателей. Господин А. хотел излить душу и не дал перебить себя: — ...но мы принадлежим к так называемому западному миру. У нас постоянно болтают о демократии, однако кто спрашивает народ и интересуется его мнением? А когда я слышу «свобода»...

— Программа жилищного строительства короля Идриса, — вдруг громко прервал друга господин Б., — совершенно изменит облик нашей страны.

Мы оглянулись. Зашли два новых посетителя.

— Секретарь губернатора! — шепнул господин Б.

Я был не в силах сдержать улыбку. Реплика, достойная эстрадного актера!

Господин А. так же быстро сориентировался в обстановке:

— Если вам нужны цифры о проекте жилищного строительства, фотографии, наброски, мы охотно снабдим вас ими.

Теперь уже нельзя было не заметить новых посетителей. Нас познакомили. И они и мы невнятно пробормотали, что это очень приятно. Тут впервые появился хозяин и сообщил, что в соседнем зале накрыт стол. Господин А. воспользовался благоприятным моментом:

— Не окажет ли господин секретарь нам честь...

Последовал скучный официальный обед с тягучей, спотыкающейся беседой, ни к чему не обязывающей.

Лишь на обратном пути пиво немного улучшило наше настроение. Напевая, мы въехали в Триполи и остановились неподалеку от территории ярмарки. Господин А. извинился: ему надо в редакцию, он — выпускающий утреннего номера. На прощание он обнял каждого из нас и обещал обязательно навестить когда-нибудь в Берлине. Слегка покачиваясь, он перешел улицу. Дьявол типографских опечаток сегодня без труда проскользнет на газетные полосы.

Мы взглянули на карту: Триполи находится на полпути между Касабланкой и Каиром. А одиннадцатого до полль-полль часов мы должны выехать из Ливии!

Мы и так задержались в Триполи на день дольше, чем рассчитывали: пытались получить в различных министерствах разрешение посетить нефтяные разработки. Нас посылали из одного места в другое. Не сделать ли завтра еще одну попытку? Решили выехать немедленно. Если подождать еще день, все равно не останется времени, чтобы сделать крюк и заехать в пустыню. Оставалось надеяться на покладистого охранника нефтяных разработок.

Когда мы выезжали из города, над нами пронеслось звено реактивных истребителей. Пришлось заткнуть уши. Слева на полуострове — военно-воздушная база Уилус. Каждый день в воздух поднимаются патрулирующие ее атомные бомбардировщики США. Одна из этих птиц смерти, нагруженная тремя атомными бомбами, в прошлом году упала возле исландского побережья. В разгар сезона тысячи крестьян остались с радиоактивными овощами.

В Триполи мы почти не встречали американцев. «Гражданам страны господ бога» незачем посещать «нестерильный город». Они ведь построили наконец собственную стерильную маленькую Америку с магазинами самообслуживания, парикмахерскими, кинотеатрами, ночными клубами, госпиталями... И зачем покупать выпивку у «проклятых арабов»? В Уилусе виски не обложено пошлиной, стоит дешевле. Густые заграждения из колючей проволоки и высокие железные ограды защищали американский город — спутник Триполи — от нежеланных визитеров. Неамериканцам вход воспрещен!

До вечера мы сделали лишь сто сорок километров. На парковой площадке древнего римского города Лептис Магна мы поджарили бифштексы и из-за отсутствия собеседников спокойно поиграли в скат.

Нам говорили, что осмотр Лептис Магны оставляет неизгладимое впечатление, что он дает полное представление о планировке римского города. Может, это и так. Наша духовная потребность в осмотре руин была полностью удовлетворена Карфагеном. В конце концов не собирались же мы писать историю искусства!

Но утром развалины были освещены так своеобразно, что мы поддались очарованию. Колонны и остатки перекрытий, фасад и ступени театра сияли, как янтарь. В тени цветá варьировались от густого темно-фиолетового до пурпурного. Альфреда охватил азарт. Лишь спустя два часа, когда солнце поднялось выше и освещение потеряло свою прелесть, нам удалось отправиться в путь.

В Мисурате оканчивалась плодородная Триполитания и начинался путь жажды. Нам пришлось проехать тысячу километров, прежде чем мы вновь увидели зеленые плантации и пальмовые рощи. Теперь у нас была лишь одна задача: пожирать километры.

По обе стороны дороги тянулась волнистая пустыня с пятнами тамариска и альфы. Время от времени слева между дюнами мелькала узкая синяя полоска Средиземного моря.

Местами дорога была очень неровная — пятидесятикилометровое шоссе, говорили мы. Это означало, что мы не могли делать больше пятидесяти километров в час, фактически даже меньше: при встрече с каждым грузовиком или трубовозом приходилось притормаживать, ибо края асфальтированного шоссе были настолько выщерблены и разбиты, что мы не отваживались на полной скорости пропускать встречные машины.

До сих пор нам как-то не приходило в голову дать кличку нашей машине. Это говорит о ее достоинствах, ведь кличку большей частью дают за какую-либо слабость или недостаток. Но на ливийских дорогах, напоминавших стиральную доску, где наша машина все время ныряла то вверх, то вниз, мы ее окрестили Качалкой.

Километры, километры...

Поздно вечером мы приехали в Бен-Бурвад. Я не узнал его. В 1957 году рядом с примитивной заправочной колонкой здесь стояли лишь два металлических барака. В одном мы ели макароны с томатным соусом, слушая жалобы хозяйки, усталой итальянки, пристрастившейся к араку. Из-за войны она потеряла отель в Тобруке и теперь мечтала заработать денег, чтобы купить небольшую гостиницу в Неаполе. Запинаясь, она ругала свою красивую дочь Пию, не желавшую быть любезной с двумя американцами, которые пили за соседним столом.

— Воротит от них нос! Тоже мне дама! Она разорит меня!

Сейчас в Бен-Бурваде было не меньше ста бараков,

три автозаправочные станции, водокачка и мастерская. Около двадцати грузовиков, нагруженных громадными трубами, стояли на обочине дороги. С трудом нашел я старую закусную итальянки. Хныкала шарманка, накурено было так, что почти ничего не было видно. Транспортные рабочие играли в карты за столами, заставленными бутылками. У стойки стояли пьяные, а в углу двое мужчин угрожали друг другу ножами. Друзья пытались развести их. Дикий Запад в пустыне!

У стойки я справился об итальянке и ее дочери. Никто ничего о них не знал. Может, мечта матери наконец сбылась?

Когда я возвращался к машине, я не мог не улыбнуться: рядом с огромными грузовиками она казалась игрушечной.

НЕФТЕРАЗРАБОТКИ ЭССО

— Вперед суда!

Слева, на гребне дюны, возникли три пузатых танкера, а моря не было видно. Фата-моргана? Мы приближались к Эс-Сидеру — первому нефтяному порту Сиртского залива.

Проволочные ограждения, серебристые резервуары с эмблемами компании, несколько барачков, контора, а в море на рейде два стальных острова на якорях и пришвартовавшиеся к ним суда — больше ничего не удалось рассмотреть.

Через тридцать километров аналогичная картина: Рас Лануф, где заканчивается нефтепровод компании «Мобил ойл». Здесь рядом с шоссе сровняли кусочек пустыни и превратили его в посадочную площадку для самолетов компании.

Вдруг перед нами возникла триумфальная арка. «Произведение искусства» одиноко стояло среди песков пустыни: это памятник, оставленный итальянскими фашистами. Им они отметили границу между своими колониальными провинциями — Триполитанией и Киренаикой. Фасад украшала скульптура умирающего воина с мечом в руках. На одной боковой стене каменные фашистские солдаты вместе с крестьянами маршировали по символическим пшеничным полям. А на другой — трудно поверить! — огромного роста Муссолини под пучком ликтора беседовал с королем Виктором Эммануилом. И это

спустя двадцать пять лет после бесславного окончания итальянского колониального господства в Ливии!

Раз в пустыне осталась такая красивая арка, ее нужно было использовать в качестве ворот. Шлагбаум, окрашенный в национальные цвета Ливии — красный, черный, зеленый, — перекрывал проезд. Проверка паспортов! Был бы здесь полицейский пост, не будь арки?

Третий и самый значительный нефтяной порт в Сиртском заливе — порт Марса-эль-Брега компании ЭССО. Здесь мы быстро — чтобы никому не пришло в голову спросить пропуск — свернули на частную дорогу ЭССО. Вдоль нефтепровода и высоковольтной линии дорога, покрытая битумом, тянулась на сто семьдесят километров на юг, к нефтяному центру Бир-Зельтен.

По сторонам дороги валялись скелеты верблюдов и остовы разбитых машин. Кусты тамариска попадались все реже и наконец исчезли совсем. Вот когда Сахара предстала перед нами такой, какой мы ее себе с детства представляли: состоящей из бесконечных нетронутых дюн цвета слоновой кости, на которых вьет свои узоры ветер. Они усыпаны мельчайшими пластинками слюды, сверкающими в лучах солнца. На горизонте маячит сизоголубое горное плато, за которым лежат снежно-белые соленые озера.

В одной из горных котловин ветер и вода создали гигантскую скульптурную галерею. Не надо иметь богатое воображение, чтобы разглядеть некие фигуры в остатках плоских гор, постепенно разрушившихся под натиском песчаных бурь и еще более губельных водных потоков. Вот утка высотой двадцать метров, которую инженеры-нефтяники окрестили Дональд Дак, вот лежащая кошка, стол с тремя табуретами, две судачащие женщины, а вот и абстрактные скульптуры.

Примерно в тридцати километрах от Бир-Зельтена нас напугал толстый черный столб дыма на горизонте. Не горит ли нефтяная скважина?

Перевалив через последнюю гряду холмов перед Зельтенской долиной, мы успокоились: дым не опасен. Его источником были четыре толстые трубы, откуда поднимались высокие оранжевые факелы: там сжигали газ, сопутствующий выходу нефти.

Так вот где в 1959 году начался нефтяной бум! Зельтенский «центр» состоял из барачного поселка, нескольких жилых вагончиков и четырех резервуаров с нефтью.

Нас никто не остановил, и мы подъехали прямо к бараку дирекции. Седоволосый администратор с типичной для людей его профессии внешностью принял нас приветливо. Он прочел наши визитные карточки.

— О'кей! Что вы желаете посмотреть? Я пошлю с вами инженера. На «джипе». Ведь ваша машина там не пройдет! Где вы будете спать? В машине? Хорошо! Вечером вы, разумеется, — гости нашего клуба... Пока!

Он не дал нам и рта раскрыть. И не спросил разрешения министерства! Незачем было обивать пороги учреждений в Триполи.

Через пять минут возле нашего «Баркаса» затормозил «джип».

— Алло!

Молодой инженер вручил нам белые защитные шлемы и жестом пригласил быстрее садиться. Ничего не скажешь — темпы американские!

Мистер Ханзен — его имя было написано на снабженном фотографией жестяном жетоне, который он носил на груди — мчал нас через долину. Мы были разочарованы. Что это за нефтепромыслы с одной буровой вышкой?

Мистер Ханзен засмеялся:

— А зачем нам буровые вышки? В Бир-Зельтене нефть сама течет в резервуары. Даже насосы не нужны. Взгляните сюда... И туда... И в эту сторону... Со всех направлений ползут трубы из сорока действующих скважин. Здесь, например, нефть отделяется от воды и газа. Газ сжигается, а нефть по трубопроводу течет в Марса-эль-Брегу прямо в трюмы танкеров, шестьсот тысяч баррелей⁵⁸ ежедневно! Сейчас Бир-Зельтен — самое богатое и самое рентабельное в мире месторождение нефти... Что еще вы хотели бы узнать? Смотреть больше не на что. Пойдемте лучше в клуб выпьем холодного пива!

На обратном пути я спросил, почему газ сжигают: ведь его можно использовать для производства энергии.

— Это запланировано. По второму трубопроводу он пойдет в Марса-эль-Брегу. Может быть, он будет использован для опреснения морской воды.

В помещении клуба царил приятная прохлада. Удобные кресла с поролоновой обивкой, вентиляторы, радиоприемник, два больших холодильника с напитка-

⁵⁸ Баррель составляет около 159 литров.

ми... В соседнем помещении стояли столы для пинг-понга и других комнатных игр.

Сначала мистер Ханзен повел нас в столовую. В длинном холодильнике и в духовом шкафу стояло столько деликатесов, что хватило бы на небольшой банкет: четыре различных супа, восемь горячих вторых, паштеты, салаты, холодные закуски, пудинги, крабы, суфле, компоты...

— Наш повар — большой мастер! — говорил мистер Ханзен. — Мальтиец. Отведайте эти паштеты. Они лучше, чем в Уолдорф-Астории⁵⁹!

Не плохо жилось в этом пустынном лагере! Инженеры работали здесь четыре дня в неделю, а три проводили со своими женами в Марса-эль-Бреге.

Позже, когда мы сидели в клубе и пили холодное голландское пиво, к столу подошел широкоплечий инженер в полосатом сине-желтом комбинезоне. Он, видимо, слегка подвыпил. Неожиданно он так хлопнул меня по плечу, что я пригнулся к земле, а затем оглушительным басом начал греметь на смеси немецкого и английского:

— Привет, ребята! Читал у шефа ваши визитные карточки. Вы ведь приехали из этой чертовой ГДР... То-ва-ри-щи! Ха-ха-ха! Два года я был в армии в Западном Берлине. Знаю и ваш Берлин. Хороший городок! Не хотите ли вы экспроприировать нас, наемников капитала? Ха-ха-ха! Это шутка, не обижайтесь. Вы строите совсем — как это говорят в Берлине? — отличные суда! Однажды в порту Триполи я побывал на одном. Он доставил трубки... Или как их называют? Трубы? Да, доставил трубы для нашего нефтепровода. Капитан был мировой парень, угощал хорошей водкой. Он пил виски, мы — водку. Ха-ха-ха! Не сыграть ли нам?

Мистер Вильямс завладел нами до конца вечера. Нам пришлось метать оперенные копья в соломенные диски, играть в футбол на автомате и наконец сесть за партию в покер.

Незадолго до полуночи мистер Вильямс и трое его коллег подвезли нас к нашей машине. Им хотелось посмотреть, как мы в ней спим. Пораженные, мы остановились у дверцы. Оранжевые факелы газа озаряли до-

⁵⁹ Уолдорф-Астория — крупнейший отель в Нью-Йорке, где часто устраиваются приемы в честь иностранных гостей самого высокого ранга.

лину призрачным, неестественным светом. Песчаные дюны казались синевато-белыми и походили на снежные равнины. Резервуары нефти и «Баркас» сияли, как расплавленный металл. Настоящая сказочная декорация!

ЧТО НИ ЦИФРА—ДОЛЛАР

— Запрещено!

У въезда в Марса-эль-Брегу нас задержала ливийская полиция. Нас ожидают, объясняли мы: администратор из Бир-Зельтена доложил о нас дирекции ЭССО; попросили справиться по телефону. Никакого внимания. Мрачный, неприветливый сержант распорядился:

— Сейчас же поворачивайте обратно. Освободите проезд! У вас нет разрешения правительства!

Теперь взорвались мы и потребовали, чтобы нас немедленно отвели к коменданту. Это подействовало. Сержант потерял весь свой апломб.

— Может, попытаетесь получить разрешение в полицейском участке у перекрестка?

Однако в «полицейском участке» сидел лишь один человек. Он не мог уйти со своего поста, чтобы позвонить в дирекцию.

— Сходите в воинский лагерь. Может, кто-нибудь из офицеров проводит вас в порт!

На вымощенном плацу за полицейским бараклом, между палатками, солдаты занимались строевой подготовкой. При виде нас командовавший ими сержант вскинул автомат:

— Стой! Руки вверх!

— Симпатичное местечко, — пробормотал Альфред и поднял руки. В правой он держал фотоаппарат.

С автоматом наизготовку сержант подошел и обыскал нас — нет ли оружия. Затем он милостиво разрешил опустить руки:

— Что вам нужно?

Пачка сигарет задобрила его, и он отвел нас к офицеру. Тот с бесстрастным видом выслушал наши объяснения, затем что-то приказал сержанту. Последний сделал знак автоматом.

— Пошли!

С автоматом в руках сержант сел рядом с Дитером:

— Поехали!

Теперь мы беспрепятственно миновали ворота, проехали вдоль резервуаров и через два километра остановились на стоянке между небольшим нефтеперегонным заводом и административным зданием. Сержант жестами потребовал, чтобы мы закрыли машину и пересели в «джип». Не арестованы ли мы?

Но нас всего лишь доставили к задней стене административного здания. Ливийский офицер службы безопасности проверил наши документы и, выслушав, чего мы хотим, направил к американскому уполномоченному по вопросам безопасности. Здесь наконец с нами вежливо поздоровались:

— Конечно, о вас сообщили. Извините, пожалуйста, за инцидент, но дело в том, что ливийская полиция боится саботажа. Шесть недель назад здесь взорвали резервуар, вину пытались свалить на Насера. Однако я полагаю, что это дело рук ливийской организации... Итак, вы желаете фотографировать и снимать на киноплёнку? Мой помощник проводит вас, чтобы полиция вам больше не мешала.

Помощник — молодой ливийский инженер, учившийся в Америке, — провел нас прежде всего к окончанию нефтепровода. Две толстые трубы уходили в море. На рейде вокруг стального острова дрейфовал танкер. При глубине тридцать метров здесь могут приставать суда водоизмещением до ста тысяч тонн. С помощью носового троса они швартуются к вращающейся башне, так что даже при изменении ветра танкеры могут спокойно загружаться нефтью.

На высокой мачте развевался красный флаг. Это означало, что по нефтепроводу шла нефть. Перед насосом на набережной находился наблюдательный пост. Двое ливийских инженеров следили за работой измерительного прибора, походившего на спидометр. Только цифры здесь сменялись быстрее, чем на лучшей гоночной машине. Каждая выскакивавшая на счетчике цифра показывала, что в танкер поступил еще один баррель нефти, который уходит из страны. Ливийское государство получало по одному доллару за каждый экспортированный баррель, поэтому оно установило контроль за счетчиком.

— А сколько же зарабатывает на каждом барреле нефтяная компания?

Помощник улыбнулся:

— Достаточно! Курс акций ЭССО держится на высоком уровне.

В обветшалых деревянных сторожках вдоль набережной жили ливийские служащие компании со своими семьями. Бидонвиль по соседству с современной техникой! У дороги, возле двух колонок женщины и дети стояли в очереди за питьевой водой.

Широкая полоса ничейной земли отделяла «туземный квартал» от поселка американцев: бетонированные улицы; за высокими стенами комфортабельные бунгало с предохраняющими от жары двойными крышами; магазин самообслуживания под стать большому городу; кинотеатр; на холме клуб, вокруг посажены молодые деревья; саженцы защищены от песчаных ураганов бочками из-под бензина без дна.

Перед магазином самообслуживания мы встретились с мистером Ханзеном. Он отработал свои четыре дня в Бир-Зельтене и теперь закупал продукты на весь конец недели.

— Алло, не выпьем ли по рюмочке? — Мистер Ханзен показал на клуб: — Здесь у нас, к сожалению, не так роскошно и удобно, нет таких хороших садов и спортивных площадок, как в нефтегородках у Персидского залива. Строим лишь самое необходимое. — Он отвел нас в сторону и шепнул так, чтобы ливийский помощник не слышал:

— Компания не решается производить здесь инвестиции. Политическое положение кажется ей слишком ненадежным. Если старый король умрет... Кто знает, что будет...

СТОЛИЦА СЕНУСИ

На картах и проспектах министерства информации Эль-Бейда, новая столица Ливийского королевства, не значится даже как населенный пункт. Она расположена на плоскогорье среди зеленых гор, на севере Киренаики, вдоль шоссе, идущего из Бенгази в Тобрук, неподалеку от развалин древнегреческой Кирены. После утомительной гонки по пустыне лесистые склоны и глубокие ущелья с журчащими ручейками ласкали глаз.

Но Эль-Бейда нас разочаровала. Она походила на современную деревню. На небольшой возвышенности

сверкал позолоченный купол здания национального собрания. На соседнем холме возвышалось полукруглое правительственное здание, окруженное кварталом небольших вилл для чиновников и дипломатов. Функционировала одна-единственная гостиница. Тщетно искали мы торговую улицу. Дворец короля прятался в парке под охраной высоких сторожевых башен. Почему именно это селение в горах было избрано столицей?

С 1843 года Эль-Бейда стала пристанищем завийи, центральной религиозной школы сенуситов. Нынешний король — духовный и светский глава этой ортодоксальной секты ислама⁶⁰. Его дед, Великий Сенуси, основал ее в 1837 году вблизи Мекки как орден дервишей и вскоре приобрел много сторонников в Северной Африке. Секта ставила целью восстановление ислама в его первоначальной чистоте. Она отклоняла любое влияние европейской цивилизации. Сенуситы, живущие племенными общинами, которые подчинялись строгим законам, стали ожесточеннейшими врагами итальянцев, в 1911 году начавших завоевание Ливии.

В начале второй мировой войны эмир Мухаммед Идрис ас-Сенуси понял, что настал удобный момент. Он эмигрировал в Египет, сформировал ливийский легион и сражался на стороне союзников против итальянских и немецких войск за освобождение Ливии.

Когда в 1951 году Ливия на основе решения ООН получила независимость, англичане провозгласили главу сильной секты сенуситов королем под именем Идриса I⁶¹. Он обещал стать верным защитником английских интересов и тут же подписал договор о «сдаче в аренду» военных баз Уилус и Эль-Адем. Однако новый король не решился избрать своей резиденцией столицу Триполи, которая находилась вне племенной территории. Король остановил свой выбор на Бенгази, но триполитанцы запротестовали и пригрозили бойкотом. Нашли остроумный выход: пусть правительство находится один год в Триполи, а один — в Бенгази. Более десяти лет Ливия оставалась единственной в мире страной с двумя равно-

⁶⁰ Сенуситы — не секта, а религиозное братство марабутов, основанное Мухаммедом бен Али ас-Сенуси (1787—1859), выходцем из алжирской духовной аристократии.

⁶¹ Идрис ас-Сенуси в сентябре 1969 г. был низложен, а Ливия провозглашена республикой.

правными столицами. Правда, сам король, опасаясь покушений и демонстраций протеста, обе свои резиденции посещал лишь на несколько часов в сопровождении большого числа телохранителей из сенуситских воинов.

Остальное время он жил уединенно под охраной британских штыков во дворце на острове-крепости Тобрук.

Лишь когда положение короля несколько упрочилось благодаря нефтяным миллиардам, он разрешил соперничество между фаворитками Триполи и Бенгази в пользу незаметной Эль-Бейды.

Еще неизвестно, оправдает ли маленькая Эль-Бейда возлагаемые на нее надежды. С точки зрения коммуникаций она расположена неудачно и к тому же слишком удалена от экономических центров страны. До сих пор даже дипломатические представительства не имеют в Эль-Бейде своих резиденций. Да и большинство министерских чиновников будет довольно, если смогут остаться в Триполи. Шепотом они поговаривают, что в Эль-Бейде шакал встречается с коршуном!

ШКОЛА БЕЗ СЕЛЕНИЯ

Зеленые горы Киренаики остались позади. Мы снова катили через голую волнистую пустыню. Уже примерно на протяжении ста километров не попадалось ни одной деревни, ни одного дома. Нас сопровождал уложенный на низкие бетонные опоры трубопровод, подававший хорошую питьевую воду из горного колодца выше Дерны на сто восемьдесят километров в Тобрук и на военно-воздушную базу Эль-Адем.

Взгляд на обочину дороги показал, что до города-крепости, за которую во время второй мировой войны велись ожесточенные, кровопролитные бои, осталось еще пятьдесят километров. Солнце уже склонялось к горизонту, а до полуночи нам надо было выехать из Ливии.

— Затормози-ка!

В низине, по правую сторону дороги, я увидел строительную площадку. Вытянутое в длину современное Т-образное здание из железобетона было почти закончено. Мы оглянулись. Кроме трех черных шатров бедуинов на отдаленном холме, не было видно никаких признаков жилья. В тени бетономешалки, вокруг тлевших древесных углей, сидела на корточках группа каменщиков. На крышке от бочки из-под бензина они пекли лепешки.

Девочки тоже учатся в школах

- Ас саям алейкум!
- Алейкум ас саям! — ответили нам хором.
- Что вы здесь строите?
- Школу!
- Для кого?

Каменщики громко засмеялись. Молодой парнишка сказал:

— Мы и сами хотели бы знать. Может быть, для собак пустыни.

Каменщики прибыли из Египта, из перенаселенной нильской дельты. Они не видели смысла в своей работе. В самом деле: зачем нужна школа там, где не живут люди?

Однако, подумав, я пришел к выводу, что это не так уж глупо. Почему в стране, насчитывающей много тысяч кочевников, нельзя построить школу на голом месте? Раз есть школа, найдутся для нее и ученики!

Во время поездки по Ливии мы часто наблюдали, как дети бедуинов верхом на ослах возвращались из школы к родительским шатрам, раскинутым далеко в пустыне.

По многим причинам — достаточно вспомнить наши хлопоты по поводу визы — ливийское правительство не внушало нам особых симпатий. Но по крайней мере в одном мы были вынуждены отдать ему должное: в деле ликвидации неграмотности и поднятия уровня образования.

В год получения независимости не больше десяти ливийцев имели высшее образование. Представьте себе только — десять специалистов для управления страной, в двадцать раз превышающей по территории ГДР. В 1952 году лишь тридцать две тысячи детей обучались в двухстах школах. Ныне учащихся свыше двухсот пятидесяти тысяч, а число школ достигло тысячи. И эти цифры постоянно возрастают.

С 1956 года в Ливии есть свой университет. Факультеты естественных наук находятся в Триполи, гуманитарных — в Бенгази. Тысяча четыреста студентов, в том числе пятьдесят девушек, обучаются в своей стране и несколько тысяч — за границей.

Ливийская молодежь учится читать и писать, а быть может, и самостоятельно мыслить. Она сумеет использовать образование в качестве оружия. И перед ней неизбежно возникнет вопрос, сегодня уже занимающий многих ливийцев: почему мы должны отдавать иностранным концернам сокровища нашей пустыни? Почему мы не можем добывать их сами? А такие размышления повлекут за собой действия!

ВОТ МЫ И В ОАР!

Итак, с этим покончено! За полчаса до полуночи наш стук прервал сон ливийских таможенников в Мусаиде. Ворча, они поспешили отделаться от нас. Их вообще не интересовал срок нашей визы, они торопились вернуться на нары. Ожидали бы нас затруднения, если бы мы прибыли на день позже? По-видимому, надо стараться переезжать через границы только ночью.

Когда подняли шлагбаум, мы громко просигналили. Прощай, Ливия! Из-за тебя мы провели много бессонных ночей в Тунисе. Твое имя стало для нас кошмаром... Все осталось позади... Забыть!

Через широкую нейтральную зону мы поехали на далекий огонек. Современная таможня. Но она казалась покинутой. В застекленном павильоне лишь двое сонных солдат сидели на корточках возле железной печки и грели руки. Они взяли паспорта и занесли наши имена в толстую книгу. Графа «гражданство» озадачила их:

— Ульбрихт?

— Да, Германская Демократическая Республика!

Сонливость как рукой сняло. Солдаты вскочили, обняли нас, затем соединили указательные пальцы:

— Ульбрихт, Насер, гуд френдз!

Пришлось выпить по чашке чаю и свернуть сигарету из их табака. Лишь после этого мы смогли продолжать путь к таможне в Саллуме.

Дорога серпантинном вилась по скале и круто спускалась к берегу моря. Над бухтой сияла полная, цвета киновари, луна. Мы были в прекрасном настроении.

— Ты видишь луну там, над Саллумом?

— Да, дружище, вижу!

В полицейском участке царило оживление. Перед нами прибыло два автобуса с египтянами, желавшими работать в Ливии. Нам потребовалось полчаса для заполнения объемистых анкет. Это своего рода рекорд!

Тем временем полицейские, сверяясь с паспортами, проверили, нет ли наших имен в занимающей всю стену

картотеке. Мы невольно улыгнулись: нас как будто не разыскивает международная полиция. Но бдительность прежде всего!

Убедившись, что поиски не дали результатов, инспектор сразу же стал дружелюбнее.

— Добро пожаловать в ОАР! Не могу ли чем-нибудь помочь вам?

Затем последовали таможенный осмотр, проверка документов, обмен денег, уплата пошлин...

— Это все?

— У вас машина? Тогда вам надо еще посетить пост на другой стороне улицы!

В крошечной деревянной будке, оклеенной фотографиями Насера, перед толстой книгой сидел смуглый сержант. Сама приветливость!

— Пожалуйста, документы на машину!

Все технические данные «Баркаса» были занесены в книгу. Затем сержант дал нам две таблички с номерами:

— Сейчас же смените!

Дитер попытался это сделать, но отверстия не подходили.

Ухмыляясь, сержант извлек из-под стола кусок проволоки и клещи:

— Привяжите!

А почему бы нам пару недель и не поездить с дребезжащим арабским номером?

ВСТРЕЧА С СОПЕРНИКАМИ

В Египте мы собирались быть лишь проездом в Судан, но после мучительных раздумий были вынуждены отказаться от посещения этой страны. Опасения, которые мы испытывали еще дома, здесь подтвердились: из-за повышения уровня воды у Асуанской плотины прервалось железнодорожное, водное и автомобильное сообщение между Верхним Египтом и Хартумом. А на рискованную поездку в «Баркасе» через опасную нубийскую пустыню соответствующие власти вряд ли дали бы разрешение.

Мы решили кратчайшим путем перебраться в Переднюю Азию. Для этого надо было снова прибегнуть к помощи судоходства, ибо по суше путь из Египта через Синайский полуостров в Иорданию и Сирию закрыт

Израилем. Перед нами было две возможности: плыть либо из Александрии в Бейрут, либо из Суэца через Красное море в Акабу. Все зависело от расписания судов.

В Александрии мы прежде всего отправились к представителю Немецкого пароходства. Близился конец рабочего дня, у нас не оставалось времени, чтобы привести себя в порядок, и мы явились в торговое представительство ГДР в свитерах и грязных брюках.

Секретарша удивленно уставилась на нас:

— Ах, вы тоже с «Берлинер Бэр»^{61a}?

— А разве «Бэр» в Александрии?

Незадолго до выхода «Хиддензее» из Ростока мы узнали, что морская яхта «Берлинер Бэр» отправляется в шестимесячное путешествие по Средиземному морю. «Наши соперники на воде, — сказали мы. — Возможно, где-нибудь и встретимся!» И вот... Мир, действительно, тесен! Мы быстро обсудили с представителем пароходства все вопросы переправы в Переднюю Азию. Послали телеграмму в Росток с просьбой сообщить время прибытия в Каир ближайшего судна. По расписанию пароходства ГДР, «Рудольф Брейтшейд» в первых числах марта выходил из Порт-Саида в Акабу. Это было бы очень удобно! Будем надеяться!

И мы поспешили в гавань, к яхте!

По мнению Альфреда, на Корнише — живописной улице Александрии — было неповторимое освещение. Пришлось остановиться, вытащить штатив, распаковать тяжелый «Линхоф», отыскать «единственное» подходящее место на площади: на балконе жилого дома.

Дитер и я ждали у машины среди суতোлки уличного движения, осаждаемые, как обычно, толпой ребятишек. Вдруг позади мы услышали настоящий берлинский диалект:

— Друзья... Каким ветром вас сюда занесло?

Громкие приветствия. Двое ребят с яхты собирались на берег и заметили «Баркас», знакомый им по газетным фотографиям. С ними произошло то же, что и с нами: они читали о нашей «восточной экспедиции» и подумали: «Может быть, где-нибудь и повстречаем наших соперников на колесах...»

Об осмотре города нечего было и думать. Все вместе мы пошли на яхту. Половина команды, состоявшей из

^{61a} «Берлинский медведь» (нем.).

шести человек, поехала на экскурсию в Каир. Через два дня они вернутся, и к пирамидам поедут остальные.

Как, вы еще не обедали?

«Медведи» тут же открыли последнюю банку гальберштедтских сосисок. Мы добавили пакетик кофе — подарок засницких капитанов рыболовного флота, перегонявших рыболовные траулеры ГДР в Тунис, — а на дне багажника «нашли» еще бутылку коньяку. Мы бергли ее все время «для особого случая». А разве встреча в Александрии двух экспедиций из ГДР не особый случай?

О чем только не хотелось рассказать в эту долгую ночь, которую мы провели в тесной, но очень уютной каюте «Берлинер Бэр»! О трудностях, которые пришлось испытать при строительстве яхты, о истраченных на это часах досуга... О выходе из Штральзунда после долгих опасений за успех путешествия... О плавании по опасному Бискайскому заливу... О посещении Испании... О сильном шторме около Крита, когда пришлось лечь в дрейф...

Да и мы немало пережили после прощания с Востоком.

Если бы мы в эту ночь поставили на стол магнитофон, книги об обеих экспедициях были бы вчерне наполовину готовы!

Около полуночи я вышел на палубу, чтобы глотнуть свежего воздуха. Прислонившись к вантам, я окинул взором пеструю ленту огней на Корнише и открытое море. Вспомнил былые походы под парусами, и мне захотелось пересечь на яхту, спокойно скользить по волнам, не слышать гула мотора, не опасаться выбоин на дороге, не глотать пыль...

Ули, молодой инженер с завода электроаппаратуры в Трептове и страстный яхтсмен, заметил мое отсутствие и вышел следом за мной. Он облокотился на поручни и с тоской посмотрел... на нашу машину, освещенную фонарем на террасе казино. Едва слышно он вздохнул:

— Поменяемся? Видеть не только воду и небо да раз в несколько недель портовый город, а проехать на машине через пустыню, высокие горы, посетить бедуинов, познакомиться с чужими обычаями, с интересными людьми... Вот было бы славно!

Я рассмеялся. Старая песня: хорошо там, где нас нет.

Каир, Аль-Кахира («победоносный»), город на Ниле с миллионным населением, где жизнь бьет ключом, голова Африки, колыбель тысячелетней культуры... О чем сказать прежде всего? О сокровищах музеев? О красоте мечетей? О виде с телевизионной башни? О пестрой толпе в Муски⁶²? О городе мертвых и пирамидах?

Мы уже пять месяцев ездили по арабским странам, и принять решение нам было нетрудно: наибольшее впечатление на нас произвели жители Каира, прежде всего девушки и юноши. В Каире не увидишь женщин с закрытыми лицами, в кафе сидят не одни мужчины! Каир — современный город не только по числу жителей, высотных домов, университетов или заводов...

Однажды после обеда мы прогуливались по улице Талаата-Харба — главной торговой улице Каира, — которая раньше называлась улицей Солиман-паши. Вдруг, как по команде, мы остановились. Перед открытым киоском — в таких обычно продают сласти, открытки и сувениры — красивая девушка разговаривала по телефону. По ее мимике и жестам было ясно, что она договаривается о свидании.

В Париже, Риме или Берлине мы не обратили бы на эту сценку никакого внимания. Но в арабском городе она показалась нам, по меньшей мере, необычной. На протяжении ста метров мы наблюдали еще несколько таких сенок и заинтересовались. Был четверг, стало быть, мусульманская суббота, поэтому мы спросили Набиля, нашего спутника-египтянина:

— Как в Каире проводят воскресенье, пардон, пятницу?

Набиль улыбнулся. Его позабавило, что на этот вопрос нас натолкнули разговаривавшие по телефону девушки.

— Посетите завтра Гезиру. Посмотрите сами!

На следующий день, в пятницу, около полудня, мы хотели из Докки — западного пригорода — пройти пешком в центр города, минуя Гезиру. Этот большой остров на Ниле с парками, спортивными площадками, клубами и ресторанами ныне венчает стройная телебашня, производящая впечатление гигантского минарета. Однако

⁶² Муски — район Каира и улица того же названия, примыкающие к центральному скверу аль-Эзбекия и площади Оперы.

наше намерение оказалось неосуществимым. На мосту Ат-Тахрир навстречу шла такая густая толпа, что, покорившись, мы повернули и «поплыли по воле волн».

Казалось, что у доброй половины жителей Каира сегодня была одна цель: Гезира. Бабушки в традиционных черных шаялях вели за руку празднично одетых внучат, разряженные по последней моде женщины несли на руках детей, взмокшие от натуги мужчины тащили на плечах сыновей, лакомившихся мороженым, шли продавцы воздушных шаров, студенты с портфелями, группы хихикающих девочек-подростков, энергичные парни...

Перейдя через мост, толпа делилась на два потока. Один устремлялся в пассажи и на открытые площадки выставки, где экспонаты рассказывали о развитии Египта со времени революции 1952 года. Другой поворачивал налево, в «Аль-Хуррия гарден» — «Парк свободы» на южной оконечности острова. Здесь стар и млад располагались на газоне под пальмами и акациями. Дети играли в мяч, возились, невзирая на праздничную одежду, лазали по деревьям. Мужчины читали газеты, играли в домино, женщины вязали или кипятили воду на принесенных с собой спиртовках. Я невольно оглянулся на плакат: «Здесь разрешено варить кофе!»

В парке «Андалузия», что в нескольких стах метрах севернее, народу было меньше, быть может, потому, что вход стоил два пиастра. Зато здесь было наряднее: аркады, цветочные грядки, ряды скамей из пестрых изразцов, фонтаны, скульптуры... Защищенные живой изгородью ниши и укромные беседки прежде всего привлекали влюбленных.

Мы попытались отыскать глазами одну из девушек, накануне вечером говоривших по телефону. Напрасно! В 2½-миллионном Каире влюбленных больше, чем в парке «Андалузия» тихих уголков.

Любители шумных развлечений устремлялись на ярмарку за территорией выставки, катались на каруселях или испытывали свою силу на силомере...

По пути домой мы вновь прошли мимо парка «Аль-Хуррия». Его покидали последние семьи. Сумки опустели, устали дети.

Только отдельные парочки шли под руку в противоположном направлении.

Студенты рассказывали нам, что по вечерам здесь устанавливают посты, чтобы вовремя предупреждать

влюбленных о неожиданном появлении глав семей. Мы побороли в себе желание проверить эту сигнальную систему в действии.

У НОГ СФИНКСА

Ветер дул с запада и гнал через гигантский скульптурный ансамбль Гизы⁶³ тучи песка из Сахары. За сернистой пеленой в блеклом небе серыми силуэтами возвышались пирамиды. Лишь сфинкс в углублении лежал под яркими лучами солнца и светился, как жидкий мед.

Накануне ночью мы видели Гизу — «величайший спектакль всех времен», как говорится в рекламе, «супершоу» со световыми, цветовыми и звуковыми эффектами, где в качестве «звезд» фигурируют пирамиды, сфинкс и окружающие развалины. Освещение «действующих лиц» все время менялось, а в это время с разных сторон раздавались голоса дикторов, которые по очереди рассказывали о событиях тех времен, когда были построены эти сооружения.

Мы явились на «спектакль», настроенные скептически, но не смогли полностью избежать воздействия этого отлично оформленного исторического обозрения на исторической земле. Сто тысяч рабов погибли при постройке пирамиды Хеопса — фараона, едва успевшего стать взрослым, — но во время спектакля об этом невозможно думать.

Теперь мы вернулись в Гизу при свете дня. Мы стояли на еще пустой террасе павильона, пристально вглядывались в сфинкса и вспоминали все, что о нем знали: символическое соединение животной силы с разумом человека? Или: звериной силы и человеческой красоты? Хранитель могил? Божество? Сын фараона? Арабы называют его «Абу аль-Холь» — «отец ужаса».

— Взгляни, Дадди, прическа, как у Лиз Тейлор в том фильме...

К нам приближалась супружеская пара швейцарцев средних лет. Он: слишком длинные шорты, на груди два фотоаппарата, феска на голове. Она: соломенная шляпа, тяжелое восточное ожерелье на платье с крупными цветами, путеводитель под мышкой...

⁶³ Гиза — юго-западный пригород Каира, где расположены знаменитые пирамиды древнеегипетских фараонов.

— А задняя часть, Дадди, совсем новая! Кажется, сфинкса реставрировали... цементом?!

Всё! Минуты раздумья миновали! Вдруг я вспомнил, что Альфред Керр однажды назвал сфинкса огромным каменным павианом, а Лео Слезак нашел в нем ошеломляющее сходство с тетушкой Кларой из Просница («у той точно такой же нос»).

Супруги завели спор, который уже волновал умы знаменитых филологов:

— Неправильно употреблять артикль «ди», Розель, сфинкс мужского рода!

— Но ведь водитель автобуса тоже говорил «ди сфинкс», Дадди!

— Он знает не лучше нас. Наукой точно установлено, что египетские сфинксы мужского рода, а греческие — женского!

Дражайшая супруга еще раз взглянула на объект спора и упрямо возразила:

— Ах, для меня сфинкс навсегда останется «мисс»!

Мне так и хотелось уладить этот спор, предложив сфинксу — ей или ему: «Человек-зверь, потрудись встать! Тогда будет видно, какого ты пола!» Однако я воздержался от этой пошлой остроты и предпочел бегать. Туристы такого рода могут отбить охоту любоваться даже самыми выдающимися произведениями искусства.

Еще несколько шагов — и мы услышали, как отец, производивший впечатление весьма образованного человека, объяснял своей англосаксонской дочке в очках:

— Между лапами сфинкса на охалке красного мака лежала маленькая Клеопатра. А с юга тихими шагами приближался Цезарь...

Каждому свой Шоу! По мечтательному взору девушки можно было догадаться, что и она с удовольствием лежала бы на красных маках в ожидании Цезаря.

Чтобы опять остаться одним, мы пошли по направлению к пирамидам — и попали прямо в руки бдительной ораве гидов. «Поездка на Бисмарке, господин барон?» Стало быть, в разговоре с немцами верблюдов все еще называют «бисмарками»! Я нахожу, что драгоманы поступают тактично, не пользуясь теперь именами политиков более позднего времени. А то один из гизских верблюдов еще при жизни Уинстона Черчилля был назван в его честь.

— Такая поездка незабываема. Мы сфотографируем вас в виде бедуинов. И объясним все!

Как избавиться от назойливых гидов? По опыту мы знали, что это почти невозможно. Наконец мы спаслись, заявив:

— Мы уже все видели, все знаем, а сегодня пришли, чтобы посмотреть на всемирно известных драгоманов во время работы.

— Посмотреть на нас во время работы? — Махмуд, своего рода шеф драгоманов, был настроен скептически. Но когда мы выдержали его изучающий взгляд, он гордо выпрямился и подмигнул своим коллегам:

— Ну тогда мы вам кое-что покажем!

Однако со следующей группой туристов ему не повезло. Из двух автобусов вышло около пятидесяти взволнованно переговаривавшихся итальянских монахинь. Махмуд был разочарован.

Пока мы устанавливали сходство между головами монахинь, обрамленными чепцами, и головой сфинкса, сзади нас раздался голос гида:

— Алло, девушки, сюда!

Мы быстро обернулись, но наши физиономии тут же вытянулись: самой молодой «девушке» за семьдесят лет! Одна из тех компаний, какие мы уже часто встречали: одетые под девочек американские вдовы, которые на страховки за покойных мужей со скоростью реактивного самолета осматривают мир.

Понаблюдав некоторое время за следующей группой, Махмуд сказал, проявив безошибочное знание психологии туристов:

— Видите, этот толстый датчанин не хочет ехать на верблюде, а его жена сияет, видит себя уже высоко в седле... И фотографию в семейном альбоме... Спорим, что с ее помощью мы всю семью усадим на верблюдов... Пошли, Фредерик!

Фредерик-Бисмарк охотно затрусил за своим хозяином, который всячески старался соблазнить датчанку, при этом все время подмигивая нам. Цветистые речи и демонстрация фотографий закончились тем, что муж неожиданно облачился в одежду бедуина, а Махмуд просто поднял датчанку и посадил на верблюда. Конечно, остальным тоже захотелось прокатиться и получить снимки для семейного альбома. Делал их Махмуд. За особую плату, разумеется.

Происходившее сначала нас забавляло. Сидя на камнях, мы наблюдали за тем, что выделявали туристы и что они позволяли проделывать с собой. Прямо-таки бесплатное веселое представление в кабаре! Время от времени мы смотрели на медово-желтого сфинкса. Выражение его лица не менялось. Думаю, что если бы он, как некогда его греческие сестры, обладал способностью говорить, то, наблюдая ежедневно копошащихся у его ног туристов, смеялся бы не переставая.

ГАЗЕЛИ ГЕЗИРЫ

Молча, в торжественном настроении мы вошли во двор Аль-Азхара — старейшего мусульманского университета мира. Мы и здесь ожидали увидеть, как в медресе Феса и Кайруана, юношей в широких белых одеяниях, важно расхаживающих по двору и бормочущих суры⁶⁴... Вместо этого мы услышали громкие крики страстных болельщиков. Во дворе Аль-Азхара на нескольких площадках играли в волейбол! Спортивные игры у подножия тысячелетних минаретов — типичная для современного Каира картина!

— Чем занимается молодежь в свободное время? — с этим вопросом мы обратились к председателю совета попечителей. Вместо ответа он предложил нам детально разработанную программу посещений, рассчитанную на целую неделю. Она охватывала молодежные центры, институты, стадионы, клубы, университеты... И куда бы мы ни пошли, мы везде чувствовали, что в Каире спорту придается огромное значение.

Во всех районах города имеются так называемые молодежные центры. Один из них — в саду дворца Абдин, бывшей резиденции короля Фарука. Здесь спортивные площадки, плавательный бассейн, клубные помещения, зал со сценой, детский сад, мастерские и даже комнаты для зарубежных друзей. Молодежь может заниматься тут искусством или другим любимым делом. Но наиболее популярны спортивные секции. Этот молодежный центр насчитывает восемь тысяч членов. Членские взносы за год составляют тридцать пиастров⁶⁵, а для

⁶⁴ Сура — глава Корана. Всего в Коране 114 сур, делящихся на аяты (стихи).

⁶⁵ П и а с т р — египетская монета, равная 10 миллимам. 100 пиастров составляют 1 египетский фунт, равный 2,872 доллара

семьи — сорок пять. Предприятия, школы и другие учреждения могут стать коллективными членами. Школа при генеральном консульстве ГДР, например, — член молодежного центра Гезиры, наиболее крупного в Каире. Он занимает территорию бывшего закрытого клуба колонизаторов — триста пятнадцать тысяч квадратных метров. Одних только футбольных полей здесь двенадцать.

Спортом в Каире занимаются не только в молодежных центрах. Здесь есть и настоящие спортивные объединения. Однажды в четверг, в мусульманскую субботу, нас пригласили на стадион клуба Аль-Ахли на матч между командами Аль-Ахли и Замалек. Во время перерыва мы осмотрели территорию вокруг стадиона: теннисные корты, площадки для прыжков, каток для катающихся на роликах, лужайка с гимнастическими снарядами. Несмотря на интересный футбольный матч, на всех площадках, на всех снарядах инструктора проводили занятия. Здесь не забывают о необходимости готовить спортивную смену.

Мы остановились около площадки с гимнастическими снарядами. Грациозная девушка, еще почти ребенок, терпеливо и с любовью пыталась научить группу ребятшек лет семи-девяти основам упражнений на брусьях. Девушка была так захвачена работой, что заметила наше присутствие, лишь когда мы с ней заговорили. Фавзия, дочь банковского служащего из Асьюта, в свободное время ведет здесь занятия. Скоро, говорит она, ей предстоит выпускные экзамены: она уже пять лет учится в Зохрия-паласе.

— В институте физкультуры?

Она кивнула.

— Тогда мы еще встретимся.

Этот институт — цель нашего следующего визита по программе.

Две смущенные дежурные приветствовали нас у входа в Зохрия-палас и проводили в танцзал, где декан факультета профессор госпожа Нефиса аль-Гамрави преподавала гимнастику. После нескольких минут наблюдений мы поняли по глазам учениц, что они боготворят эту обаятельную седоволосую женщину с гибкой фигурой восемнадцатилетней девушки. Она — «мать женского спорта в ОАР».

В своем кабинете, заполненном сувенирами со всего мира, кубками и грамотами, профессор рассказала нам

за традиционной чашкой чаю историю института. Он был основан в 1937 году в очень маленьком помещении, учились в нем только девять студентов. Лишь после революции 1952 года институт стал центром спортивного воспитания для всех арабских стран. Сейчас здесь на трех факультетах учатся тысяча пятьдесят девушек. Из них готовят преподавателей физкультуры в начальных и средних школах, инструкторов лечебной гимнастики, дипломированных тренеров.

Мы побывали в классах, в современных гимнастических залах, на спортплощадках, нам показали студентов. Тысяча девушек — и одна другой краше!

Мы вновь повстречали Фавзию. На гимнастической площадке ее класс готовился к спортивному параду в день национального праздника.

Мы подумали о закрытых покрывалами сестрах этих девушек в Марокко и Алжире...

На прощание госпожа Гамрави вручила нам памятный жетон с гербом института: в обрамлении оливковых ветвей газель перепрыгивает через три пирамиды! Нельзя было подобрать лучшего животного для герба этого института, чем стройная, быstroногая «серна пустыни».

У САДД-АЛЬ-ААЛИ

Мы летим. «АН-24» сделал широкий круг, набрал высоту... Под нами проплыл Каир: рукава Нила, телебашня, гостиница на площади Ат-Тахрир, зоологический сад, пароход у южной оконечности острова Рода; наконец, крошечные теперь пирамиды. Сфинкса почти нельзя рассмотреть.

Мы летим? Изменили «Баркасу»?

Да, виной тому цейтнот, в который мы попали. Два дня назад мы получили телеграмму из Ростка: «ПАРХОД РУДОЛЬФ БРЕЙТШЕЙД ПРИБЛИЗИТЕЛЬНО ТРЕТЬЕГО МАРТА ПРИБУДЕТ ПОРТ-САИД ТЧК ИМЕЕТ УКАЗАНИЕ ПЕРЕПРАВИТЬ ВАС АКАБУ».

Мы ликовали и... огорчались. Третьего марта отправимся в Акабу, значит, пасху проведем в Иерусалиме! Нам осталось меньше десяти дней, а мы намеревались через Синайский полуостров поехать в сектор Газы, в дельту Нила, в провинцию Ат-Тахрир и, конечно

же, на Садд-аль-Аали — высотную плотину. Между тем одна поездка в Асуан и обратно заняла бы десять дней. Тут мы вспомнили рекламу: «Fly Musrair!»⁶⁶. Три рейса ежедневно, Луксор — Асуан... Телефонный разговор с аэропортом успокоил нас. Самолет обременит нашу дорожную кассу ненамного больше, чем напряженная десятидневная поездка автомобилем. Каким бы интересным ни был маршрут на юг — к заливу контрабандистов Красного моря и обратно вдоль Нила, — на карту было поставлено само путешествие. Быстро решили: три билета до Асуана и обратно!

— Совершенно новое ощущение пустыни! — сострил Дитер, взглянув в окно. Мы пролетаем над арабской пустыней с зубчатыми горными грядами, лишенными растительности. Дюны между ними похожи на завядшую цветную капусту. К востоку на горизонте сверкает под солнцем Красное море. Над Кеной мы пересекли узкую зеленую ленту долины Нила. «АН-24» пошел на посадку: промежуточная остановка в Луксоре. Не посетить ли нам знаменитую долину фараонов? К сожалению, нет времени.

Через сорок пять минут запищал громкоговоритель: «Слева — высотная плотина». Пассажиры прильнули к окнам слева. Пилоту пришлось выровнять самолет... Посреди бескрайней пустыни город кажется крошечным оазисом. Немного южнее от старой песчаной мели — наполовину законченная высотная плотина с морем Насера, теряющимся вдаль. Лишь с самолета представляешь себе, сколь необъятна пустыня.

На аэродроме нас встретил представитель советского консула: посольство в Каире сообщило о нашем прибытии. Нас сейчас же повезли на «Волге» в Сахарское — современный городок для советских и египетских специалистов — и предоставили здесь меблированную квартиру. Однако у нас нет времени, чтобы распаковать чемоданы и освежиться. Инженер Юрий Кирсанов уже ждет: он будет сопровождать нас к высотной плотине. Советские темпы!

В первые же часы пребывания в Асуане масштаб величайшей стройки мира подавил нас. Передвижения людей, машин, кранов, грузовиков производили впечатле-

⁶⁶ «Летайте самолетами «Мыср Эр» («Мыср Эр» — авиакомпания АРЕ) (англ.).

ние сутолоки, а на самом деле все было продумано и организовано. Юрий Кирсанов без конца пичкал нас цифрами и техническими подробностями, которые мы были не в состоянии переварить так скоро. Когда мы смотрели, как на гребень плотины без перерыва один за другим въезжают самосвалы и каждый сгружает двадцать тонн камней, он пояснял:

— С начала работ здесь уже насыпано одиннадцать миллионов кубометров камня!

А когда мы по толстому трубопроводу забирались к месту намыва, он сообщал:

— По девятикилометровому трубопроводу сюда за час намывается четыреста кубометров песка. На десять частей воды приходится шесть частей песка. Уже намывто свыше восемнадцати миллионов кубометров...

ГЛАВНЫЙ ЭКСПЕРТ

После обеда мы еще были полны впечатлений от всего виденного, а нас уже принял в штабе строительства Александр Петрович Александров, руководитель проекта, или, как его здесь называют, «главный эксперт».

Александр Петрович построил не одну плотину. В Советском Союзе он участвовал в сооружении Волгоградской гидроэлектростанции и Волго-Донского канала. Он — дважды Герой Социалистического труда СССР.

В первые минуты я почти не мог понять, что он говорит, так сильно подействовало на меня обаяние его личности: коренастая, крепкая фигура, какая могла бы быть у каменщика; резко очерченная голова, седые, подстриженные под бобрик волосы, придававшие ему сходство с генералом Советской Армии; глаза исследователя и ученого. Каменщик-генерал-ученый в одном лице? Это, должно быть, идеальное сочетание для руководителя гигантского строительства.

Из его объяснений мы уяснили только, что в насыпи из камней и песка на небольшом расстоянии одна от другой бурят скважины, в которые под высоким давлением вводится, или «впрыскивается», специальный раствор, связывающий камни.

— Благодаря этому,—сказал Александр Петрович,—плотина становится единым блоком, как бы искусственной скалой. А это необходимо. Ведь в конечном итоге

ей придется сдерживать сто пятьдесят миллионов кубических километров воды, в три раза больше, чем содержится во всем Ниле...

На мгновение у меня мелькнула мысль: «А что, если плотина однажды не выдержит такого давления?» — но Александр Петрович, кажется, прочитал ее и улыбнулся:

— Этого никогда не случится! Но чтобы вы имели представление о размерах плотины, скажу: если она рухнет, гигантская волна смочит в море весь Египет. Каир перестанет существовать!

Мы рассказали о наших встречах с рабочими, покинувшими асуанскую стройку. Александр Петрович рассмеялся:

— Однажды я по делам службы посетил верфь в Александрии. Меня тут же окружила целая толпа сварщиков, которые приветствовали меня, как старого друга. Все они учились здесь. Я был очень рад... Ну, конечно, многие из наших бригадиров бывают недовольны, когда от них уходит арабский рабочий, которого они старательно обучали. Однако нельзя рассматривать асуанское строительство изолированно. Кадры специалистов необходимы для будущего индустриального развития ОАР не меньше, чем электроэнергия и вода для оплодотворения пустыни. Египетское правительство понимает это и придает подготовке специалистов, пожалуй, такое же значение, как завершению плотины. И наши советские специалисты прибывают сюда с желанием работать так, чтобы быть образцом и убедить арабских коллег в силе советского рабочего класса. Они стараются передать свой опыт египетским друзьям, чтобы и они за короткие сроки добились таких же успехов. И вот результат: несколько лет назад в Асуане было более двух тысяч наших рабочих. Теперь, хотя потребность не уменьшилась, необходимо только восемьсот человек. Значительную часть сложных работ уже выполняют сами египтяне.

— Не приходит ли вам на ум какой-нибудь яркий пример сотрудничества арабских и советских специалистов?

Александр Петрович слегка пристыдил нас своим ответом:

— Вы же журналисты! Походите с открытыми глазами по стройке. Такие примеры вы найдете на каждом шагу.

Александр Петрович был прав. На следующий день, когда мы уже немного привыкли к масштабам строительства, представляли себе его ход и технические проблемы, мы стали замечать и отдельные случаи, которые так типичны для трудовой атмосферы Асуана.

Вот, например, на буровой скважине на гребне плотины два арабских рабочих пытаются соединить штангу, но тщетно. Советский буровой мастер, видя это, подбегает и соединяет штангу, объясняя при этом каждое свое движение. Затем он ее разъединяет и дает арабским рабочим возможность проделать все самим. На сей раз это им сразу удается.

Мы спросили бурового мастера Танатова из Уфы, как же он объясняется с египтянами.

— Первое время лишь при помощи рук и ног. Однако за год я уже выучил столько арабских слов, а египтяне столько русских, что мы можем даже беседовать о личных делах...

— А вне работы вы встречаетесь?

— Кое-кто из живущих в Асуане товарищей приглашал меня на семейные праздники... Один-два раза в месяц мы всей бригадой ходим в кино или в клуб. Иногда играем в волейбол.

— А о чем разговаривают на вечерах в клубе?

— Не о политике! — улыбнулся буровой мастер. — Большею частью египтяне хотят узнать что-нибудь о Советском Союзе, о нашей жизни, о заводах, о космонавтах...

По пути на строительную площадку нас обогнал, громко сигналив, большой самосвал. Водитель высунулся из окна и помахал рукой:

— Алло, товарищ Кирсанов!

Товарищ Кирсанов ответил на приветствие.

— Это Чертов Махмуд! В прошлом году, когда он впервые сел на самосвал, с ним случилось несчастье: при разгрузке его машина покатила под откос. К счастью, в последний момент ему удалось выпрыгнуть. Вероятно, он по ошибке вместо первой скорости включил заднюю, но никак не мог этого понять и твердил, что рядом с ним сел сам дьявол и вырвал у него из рук руль. Махмуд призывал в свидетели аллаха, что больше никогда не сядет в дьявольскую машину. Но тогда у нас

не хватало водителей, и мы уговорили его, по крайней мере, поехать помощником с русским шофером. Махмуд согласился: ведь дьяволу не так-то легко подобраться к советскому человеку! Наш товарищ терпеливо вел разъяснительную работу. Прошло несколько месяцев, пока Махмуд наконец понял, что черта можно обдурить, если все время быть внимательным и включать нужную скорость. Теперь он опять водит самосвал как заправский шофер и не очень-то верит в черта.

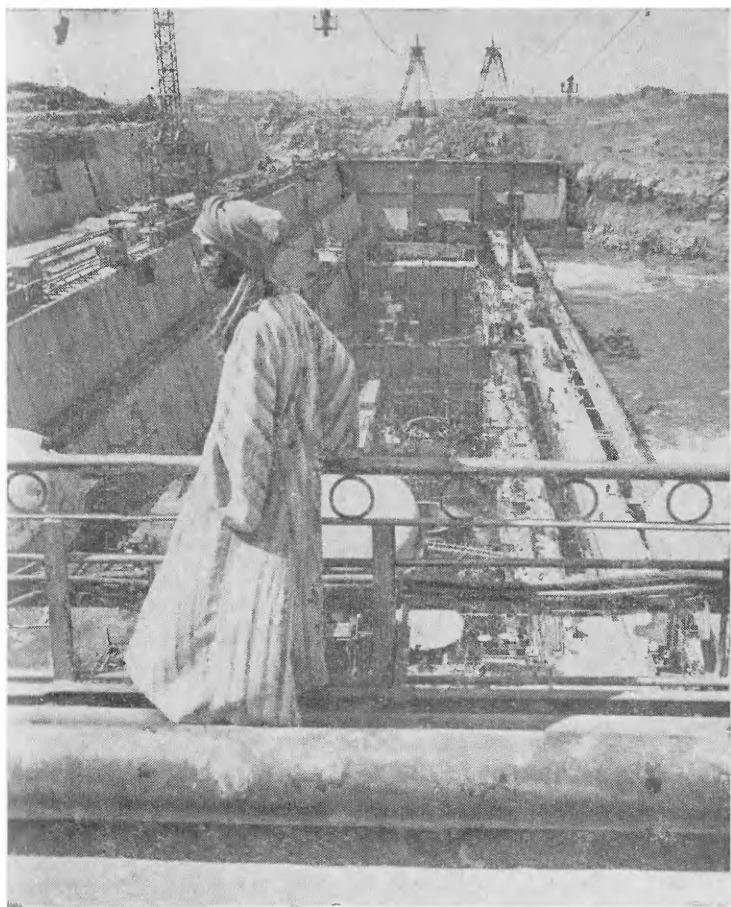
Начальник строительства электростанции украинец Бобшинский предложил нам спуститься вниз, к фундаменту и тоннелям. На полпути его остановили два египетских сварщика и на тарабарском языке из смеси арабских, английских и русских слов спросили, почему такие-то трубы надо сваривать так, а не иначе. После обстоятельного разъяснения сварщики вновь принялись за работу, а Бобшинский, как бы извиняясь, сказал:

— Многие, пожалуй, даже большинство арабских рабочих, сталкиваясь с чем-либо новым, сейчас же хотят вникнуть в суть дела... На нашем участке видны плоды такой любознательности: фундаменты первых трех генераторов построены с помощью советских специалистов, а фундамент для четвертого египтяне возводят уже сами.

Квалифицированные кадры подготавливаются на Асуане не только практически, в процессе строительства. На окраине города, примерно в пятнадцати километрах от плотины, правительство организовало большой учебный центр, современную профессионально-техническую школу. Двадцать восемь советских и сто арабских преподавателей обучают здесь семьсот человек. Одновременно в центре ведутся занятия по повышению квалификации инженеров и работают курсы для выпускников высших учебных заведений.

Хасан Шакер, директор учебного центра, и его советский коллега Олег Соловьев провели нас по обширной территории, новым учебным помещениям и мастерским. В одном классе как раз шел урок физики. Советский преподаватель чертил на доске схему распределительного устройства, а арабский одновременно давал пояснения.

— Советские специалисты пишут свои лекции по-русски, — объяснил Шакер, — их переводят на английский язык, а уже с английского — на арабский. Благода-

Асуан — кузница кадров для ОАР

ря тесному сотрудничеству и совместному преподаванию наши преподаватели, большей частью еще только начинающие, изучают отличную методику.

Учебная программа центра, конечно, согласована с планом строительства плотины. Сейчас главная задача — подготовка электриков для монтажа высоковольтной линии Асуан — Каир. Учащиеся отрабатывают на моделях приемы, которыми должны будут безукоризненно владеть через несколько месяцев, в суровых условиях пустыни.

Не забыты и другие специальности. Здесь есть классы, готовящие автомехаников, водителей драг, механиков, буровых мастеров... В большой мастерской, в отдельных боксах тридцать молодых египтян практикуются в сварке по методу Улесова. Алексей Улесов за разработку этого метода сварки на Волго-Донском канале и в Куйбышеве был удостоен звания Героя Социалистического Труда. Можно ли сыскать лучшего педагога по подготовке сварщиков?

При обходе школы мы рассказали Шакеру о встречах с бывшими асуанскими рабочими в Северном Египте и задали ему тот же вопрос, что и Александрову.

— Конечно, мы в первую очередь готовим пополнение для высотной плотины, — ответил Шакер, — но и рабочие, уезжающие от нас в другие города, приносят пользу египетской экономике. Они передают полученные здесь знания, сами становятся учителями.

Когда через несколько лет высотная плотина вступит в строй и день ее торжественного открытия уже войдет в историю, то при изучении ее значения на чашу весов будут положены не только размеры орошенной территории и количество киловатт-часов выработанной электроэнергии. Тогда станет ясно, что строительство высотной Асуанской плотины было лучшим университетом, кузницей кадров рабочего класса Египта.

НОЧНАЯ ПРОГУЛКА ПО НИЛУ

В Асуане не только создается знаменитая высотная плотина. Кроме того, Асуан — известный зимний курорт, излюбленное место отдыха утомленных бизнесменов, экзальтированных дам и других состоятельных людей.

Целых четыре дня мы ходили по строительным площадкам и мастерским, а сейчас вновь одели галстуки и во второй половине дня отправились на автобусе за двадцать километров в город. Мы посетили советского консула, поблагодарили его за содействие и в заключение побаловали себя ужином в солидном «Нью-Катаракт-Отеле»⁶⁷, правда, довольно скромным. Сидя за столиком, мы смотрели на набережную, на остров Элефанти-

⁶⁷ Название отеля происходит от расположенных напротив Асуана нильских порогов (по-английски «катаракт» — «водопад», «порог»).

на и сходни у подножия скалы Катаракт, к которым то и дело подходили лодки с туристами.

— Покататься по Нилу при лунном свете — вот было бы здорово...

Две пары глаз уставились на меня. Казначей должен решить, выдержит ли наша дорожная касса такой расход.

— Асуан — самая южная точка нашего маршрута. Разве это не достаточно веская причина?

Когда мы покончили с едой, стемнело. У сходней осталась лишь одна лодка. Драгоман уже не ожидал клиентов, и мы быстро сторговались.

Он направил лодку против течения вокруг острова с иллюминированной гостиницей Аммона, мимо освещенного прожекторами мавзолея Ага-хана, главы секты исмаилитов, умершего в 1957 году⁶⁸. Как сообщали западные газеты, этот разжиревший бог заставлял своих подданных каждый год выплачивать ему столько золота, сколько он весил.

Огни Асуана постепенно остались позади. Лодка скользила между грозными силуэтами черных гранитных скал. Бледная лунная дорожка делила поток надвое. Ни малейшего ветерка. Тишина почти зловещая. Слышен лишь ритмичный всплеск весел. Я опускаю руки в теплую нильскую воду и начинаю размышлять.

Асуан не только «южный полюс» нашей поездки, но и поворотный пункт. Пройдено полпути. Выполнили ли мы за истекшие месяцы намеченную программу? Не все, но очень многое! А что нам еще предстоит? Планы и вопросительные знаки...

Вновь появляются огни Асуана. Драгоман повернул лодку и почти беззвучно пристал к причалу под отелом «Катаракт». Он тепло попрощался с нами.

— Маа-с-саляма! Мир вам!

Пусть эти слова будут добрым предзнаменованием для второй части нашего путешествия по Востоку.

⁶⁸ И с м а и л и т ы — самая известная и активная секта мусульман-шиитов. Считают «скрытым имамом», т. е. будущим мессией, которого аллах пошлет правоверным, Исмаила, потомка пророка, умершего в 760 г. Часть исмаилитов — ходжа — признавали своим духовным главой и даже «живым богом» султана Мохаммед-шаха Ага-хана III (1877—1957 гг.), жившего в сказочной роскоши за счет дани с веровавших в него фанатиков.

Современный арабский мир един и разнороден одновременно. Сами арабы очень любят говорить о его единстве от Атлантического океана до Персидского (или, как предпочитают называть его в арабских странах, Арабского) залива. Действительно, народы, населяющие южное побережье Средиземного моря, долину Нила, Переднюю Азию и Аравийский полуостров, издавна связаны общностью исторических, языковых и культурных традиций, сознанием своей принадлежности к великому сообществу арабов. Но любой очевидец, побывавший хотя бы в двух — трех арабских странах, сразу заметит не только их сходство, но и непохожесть, самобытность. Многокрасочность и многообразие арабского мира проявляются буквально во всем — в этнической специфике, политической жизни, социальных условиях, быте, нравах и обычаях населения.

Интерес к арабским странам тем больше, что, выдвинутые ходом истории на передний край антиимпериалистической борьбы, они играют за последние двадцать лет все более заметную роль на международной арене. С огромным вниманием встречает читатель каждую новую книгу об арабских странах, особенно такую, в которой изложены самые живые и непосредственные свидетельства путешественников, не претендующих на исчерпывающий анализ всех проблем и озабоченных лишь тем, как бы передать свои впечатления во всей их яркости и полноте. Именно такой книгой является произведение Конрада Шмидта и Альфреда Пашковьяка.

Это — веселый и увлекательный рассказ о путешествии почти через всю Арабскую Африку (кроме Судана): Марокко, Алжир, Тунис, Ливию и ОАР. Трое друзей, граждан Германской Демократической Республики, добрались на пароходе из Ростока на Балтике до Касабланки в Атлантическом океане, а оттуда проделали на автомашине долгий путь до Каира, минуя горы Атласа и пустыни Сахары, многочисленные порты и древние

столицы, европеизированные приморские города и берберские кочевья, нефтяные прииски и экзотические базары... Книга интересно написана и легко читается. Непритязательное и непосредственное изложение, иногда одобренное чуть грубоватым юмором, характеризуется предельной искренностью интонации и колоритностью изображения.

Но эта как бы проходящая красной нитью сквозь все повествование бытовая заземленность отнюдь не мешает читательскому восприятию. Напротив, она помогает. При таком шутливо-простецком тоне и сугубо житейском ракурсе авторских впечатлений все приобретает особую выразительность. И если вначале кажется излишним, скажем, детальное описание накипи больших портовых городов капиталистического Запада — Гамбурга, Антверпена, — то потом выясняется его полная уместность: Восток, являющийся главной темой книги, исключительно рельефно и впечатляюще выступает на фоне Запада. Пусть Восток беднее и архаичнее Запада — авторы и не скрывают этого, — но насколько его жизнь в наши дни романтичнее, интереснее, ярче и просто человечнее по сравнению с автоматизированной будничностью и душевной окостенелостью капиталистического «рая», кичащегося своей высокой развитостью и «всеобщим благодеянием»!

Авторы буквально влюблены в образы, краски, контрасты и любопытные обычаи Арабской Африки. В умении передать свою увлеченность арабскими странами и народами, донести до читателя своеобразный колорит современной жизни арабов и берберов — одно из достоинств книги. Авторы не стремятся во что бы то ни стало продемонстрировать свои познания об арабских странах, хотя знают они не мало. Их орудие — внимание, наблюдательность, пытливый, но доброжелательный взгляд. Это позволяет им подметить и выделить то, что осталось вне поля зрения их предшественников. И это очень ценно, так как маршрут путешествия Атлантика — Суэц пролегал как по редко посещаемым, но чрезвычайно интересным местам перечисленных выше пяти стран, так и через уже известные и десятки раз описанные города, памятники и прочие традиционные достопримечательности, на которые авторы сумели взглянуть по-новому.

Особое внимание они уделяют Марокко — «стране

прекрасных глаз». Современные Рабат и Касабланка, средневековые Фес, Мекнес, Марракеш, знаменитый международный порт Танжер, населенные берберами высокогорные районы Атласа и многие другие города и местности, в значительной мере дополняющие, а иногда и меняющие наши традиционные представления о Марокко, несомненно, хорошо запомнятся читателю. При этом авторы, не замыкаясь в туристском и этнографическом бытописательстве, уделяют должное внимание общественно-политической жизни страны. В частности, очень интересна небольшая глава об их визите к руководителю коммунистов Марокко товарищу Али Ята. Краткая беседа с ним содержит сжатый и точный анализ положения в стране, как бы освещающий теоретически чисто эмоциональные впечатления авторов.

Товарищ Али Ята хорошо известен не только в Марокко, но и за его пределами. Филолог-арабист, окончивший Алжирский университет, он является автором многочисленных книг и статей по национальным проблемам Марокко и арабского мира в целом, талантливым публицистом и убежденным борцом за национальное и социальное освобождение народа Марокко и всех других арабских народов. В двадцать пять лет он уже был секретарем ЦК, а в двадцать семь — генеральным секретарем ЦК Марокканской коммунистической партии. Вся его жизнь за последние двадцать с лишним лет — пример подвижничества, мужества и несгибаемой стойкости революционера. Высланный в июне 1948 года из Марокко, он неоднократно возвращался на родину, где снова подвергался репрессиям французских колониальных властей. Подполье, тюрьма, ссылка, эмиграция — такова была его участь до окончательного возвращения в Танжер в 1958 году. Но уже с осени 1959 года начался новый тяжелый период для коммунистов Марокко — борьба за отмену судебного постановления о роспуске партии, систематические аресты, гласный надзор королевской полиции, ограничения в правах. Выступая с 1960 года в качестве главного редактора и издателя газеты «Аль-Мукафих» («Борец»), а позднее — «Аль-Кифах аль-ватани» («Национальная борьба»), Али Ята зарекомендовал себя как крупный теоретик революционно-освободительного движения. Его арест и заключение в тюрьму в 1969 году вызвали возмущение передовой общественности всего мира.

Политическим и социальным проблемам Шмидт и Пашковьяк уделяют внимание и в последующих главах книги. «Между Марксом и аллахом» — так озаглавили они раздел о пребывании в Алжире, сумев сквозь призму разнообразных дорожных впечатлений и случайных встреч с алжирцами разглядеть типичное противоречие социально-политической жизни современного Алжира: стремление совместить социалистические принципы и коренные общественно-экономические преобразования со старым багажом традиционного мировоззрения и жизненного уклада, определяемого испокон веков религией ислама. Авторы сумели хорошо передать послереволюционный ритм жизни независимого Алжира: борьбу мнений «нетерпеливых», выступающих за волюнтаристские решения, и «умеренных», которые отстаивают необходимость трезвого расчета. В рассказе Шмидта и Пашковьяка отчетливо улавливается различие между экзотической неторопливостью марокканцев и деловым радикализмом алжирцев, на психологию которых наложили печать восемь лет освободительной войны, подорвавшей веру даже наиболее консервативной части населения в устойчивость традиционного порядка вещей. Поэтому не вызывают удивления ни возмущение синеглазой Айши сохраняющейся во многих семьях домостроевщиной, ни «социалистическая непримиримость» недовольного Мухтара, ни легенды, которые ходят среди жителей Сахары о советских бурильщиках — гидрогеологах, которым, в частности, обязан своим существованием осмотренный авторами кооператив в Бен-Гиусе.

Стремление дать оценку политической ситуации, уловить главное, чем живут люди в каждой из виденных ими стран, характерно для подхода авторов к любой проблеме. Оно сопровождает и этнографически яркое описание мусульманского поста — рамадана — в Тунисе, и беглые заметки о малоизвестных местностях песчаной Ливии, в том числе о недавно родившейся сенуситской столице Эль-Бейда. Нечасто журналистам из социалистических стран, да и вообще из Европы, удавалось побывать в скрытом от иностранцев «ливийском Версале» — третьем центре королевства и оплоте теократической власти Идриса ас-Сенуси. Авторы также, несомненно, одни из первых среди граждан стран социализма побывали в Бир-Зельтене, на нефтепромыслах, пред-

ставляющих собой заповедник американских монополий. Здесь все типично: и свирепость местной полиции, и дипломаты США у инженеров-ливийцев, и широкая полоса «ничейной земли», отделяющая комфортабельные бунгало американцев от лачуг ливийских служащих.

Завершающий книгу раздел «Новые пирамиды» касается не столько раритетов древнего Египта и прочих исторических достопримечательностей, сколько политических и трудовых будней самой значительной из арабских республик. Описание поездки в Асуан дает яркое представление о том, чем живет АРЕ сегодня, вводит в атмосферу ее жизни, бурно меняющейся буквально на глазах.

Вообще, политика то и дело врывается в чисто туристские будни авторов, определяя во многом их впечатления от встреч с «западногерманскими братьями и сестрами», французским «боссом» устричной фермы. Характерна в этом отношении и встреча с учителем-кооперантом Пьером, германистом из Сорбонны и членом Французской коммунистической партии. Фигура кооперанта, то есть французского специалиста, направленного в ту или иную страну Африки или Азии в соответствии с соглашениями о сотрудничестве, очень типична сейчас почти для любого уголка арабского мира. Не случайно среди кооперантов много коммунистов, стремящихся содействовать экономическому и культурному подъему молодых развивающихся государств.

Авторы не гонятся за легендами, занимательными историями, анекдотами и прочими, казалось бы, неотъемлемыми атрибутами литературы для туристов. Их больше интересует сегодняшний день, в котором причудливо сплетаются яркое и мрачное, смешное и грустное: немущий кочевник в Сахаре, которому приглянулись «практичные» резиновые ведра встретившихся ему автомобилистов; обладатель современного транзистора в допотопной пещере Матматы, слушающий радио Каира, но не знающий литературного арабского языка; несчастная учительница с острова Джерба, запертая своим отцом для предсвадебного откорма.

Умение авторов в каждой увиденной ими стране уловить наиболее характерное и интересное особенно проявляется при взгляде на Каир — самый многолюдный, современный и индустриальный из арабских городов. Шмидт и Пашковьяк не случайно так подробно показы-

вают шумное народное гуляние в Гезире. Оно, пожалуй, было бы невозможно в другой арабской столице, ибо нигде в арабском мире нет столь многочисленной и раскованной молодежи, страстно желающей воспользоваться продвижением родины по пути социального прогресса. Авторы верно подметили, что в Арабской Республике Египет обучение молодежи, занятия спортом и развлечения носят более массовый и общедоступный характер и для девушек и для юношей, чем во многих других арабских странах.

Авторы не ставили перед собой задачу рассказать читателю буквально обо всем. Это — не справочник и не энциклопедия, а непосредственное, живое свидетельство очевидцев, не претендующих на абсолютную непогрешимость каждой написанной ими строчки. Поэтому иногда авторы допускают неточности или недомолвки.

В частности, нельзя согласиться с авторами, что до 1945 года султан Мухаммед бен Юсеф «не одобрял никаких акций националистов» и вообще не мыслил самостоятельно. Известно, например, что уже в 1936 году он пытался придать своей призрачной власти вполне реальный характер и выступал, насколько позволяли, разумеется, условия протектората, против вербовки марокканцев в армию генерала Франко, поднявшего мятеж против Испанской республики. В письме генеральному резиденту Франции в Марокко от 5 сентября 1936 года двадцатисемилетний султан писал: «Помимо того, что нас волнуют страдания наших подданных, мы глубоко сожалеем о том, что некоторых из них могут призвать для участия в безжалостной войне не с целью защиты от иностранной интервенции правительства, с которым мы поддерживаем отношения, а, наоборот, чтобы поддержать замыслы тех из его собственных сынов, которые стремятся свергнуть его»¹.

8 ноября 1942 года, в день высадки в Марокко англо-американских войск, стремившихся создать в Северной Африке плацдарм для нанесения удара по державам «оси», Мухаммед бен Юсеф наотрез отказался — впервые в истории французского протектората над Марокко — подчиниться приказу генерального резидента

¹ «Война и революция в Испании 1936—1939», М., 1968, т. I, стр. 219.

Франции и вопреки требованиям последнего остался в королевской столице Рабате. В 1943 году султан снова игнорировал французского проконсула; он встретился в Анфе — районе Касабланки — с президентом США Рузвельтом и, по некоторым сведениям, получил от него заверение в том, что «эра колониальной эксплуатации заканчивается»². Известно также, что Мухаммед бен Юсеф симпатизировал национально-освободительному движению, был связан со многими его лидерами и сочувствовал манифесту партии «Истикляль» от 11 января 1944 года, вызвавшему ярость колонизаторов.

Неправильно поэтому преуменьшать роль Мухаммеда бен Юсефа в истории Марокко и значение его попыток, пусть и не всегда удачных, освободиться от иностранной опеки еще до 1945 года. Неверно также считать возвращение Мухаммеда бен Юсефа в Марокко в 1955 году после более чем двухлетнего изгнания сознательным актом «французского крупного капитала». Стараниями крупного капитала в августе 1953 года султан был свергнут с престола и незаконно отправлен в ссылку. Его триумфальное возвращение на родину в ноябре 1955 года означало не компромисс с империалистами, а победу над ними, торжество суверенных прав и национальных чаяний марокканцев, ибо с августа 1953 года по ноябрь 1955 года все политические партии Марокко, включая коммунистов, требовали возвращения в страну и восстановления на престоле законного султана. В этот период Мухаммед Бен Юсеф стал знаменем марокканского патриотизма и оставался им до конца своей жизни.

Не совсем точно представление Шмидта и Пашковьяка о майских событиях 1945 года в Алжире. Их рассказ о героическом Ауресе 1954—1962 годов, воспоминания ветерана революции Ахмеда Ябки и осмотр вместе с ним мест былых сражений исключительно интересны. Однако вплетающиеся в повествование сведения о том, как май 1945 года подготовил ноябрь 1954 года нуждаются в поправках. Сразу же после расправы с манифестантами в Сетифе вся близлежащая область — Баборская Кабилия — была охвачена восстанием, в котором приняли участие до пятидесяти тысяч алжирцев.

² Энцо Рава, Северная Африка на пути к независимости, М., 1960, стр. 101.

Патриоты не только подвергались репрессиям, но и сами отвечали ударом на удар: убивали французских колонистов, чиновников, полицейских, прерывали линии коммуникаций... Поэтому-то колониальные власти и вынуждены были бросить против повстанцев весьма значительные вооруженные силы.

В качестве образца старинной мавританской архитектуры в Тунисе в книге упомянуто селение Сиди-Бу-Саид, но авторы не сказали о том, что история этого селения тесно связана с историей средневекового тунисского корсарства. Как известно, североафриканские, или, как их называли в феодальной Европе, «варварийские», пираты были в свое время грозой морей. Корсары Туниса чтили как святого дервиша Абу Саида Халафа бен Яхья ат-Темими аль-Баджи, умершего в 1231 году. Они называли его «раис аль-бахр» («хозяин морей»), считали своим покровителем и оказывали всяческие почести его могиле. Над этой могилой была воздвигнута мечеть, названная по имени дервиша «Сиди-Бу-Саид», т. е. «господин мой Абу Саид»³. То же название носит и окружающее мечеть селение.

В Ливии авторы побывали еще тогда, когда она была теократической монархией, полутаинственным и полузахолустным королевством мусульманских фанатиков и в то же время вотчиной международных нефтяных монополий. О порядках в этом королевстве, его тяжелом моральном климате лучше всего говорят столкновения авторов с ливийской полицией. Почти все рассказанное ими об этой стране очень хорошо передает обстановку предреволюционных лет и объясняет причины крушения в Ливии реакционной клерикальной деспотии, казавшейся на первый взгляд одной из самых устойчивых в арабском мире.

Власть короля Идриса рухнула в его отсутствие. Семидесятидевятилетний монарх отдыхал в Турции, когда в ночь на 1 сентября 1969 года восставшие части ливийской армии вошли в главную из трех ливийских столиц — город Триполи — и, не встретив сопротивления, заняли генеральный штаб, управление полиции, радио-

³ В произношении североафриканских арабов краткие безударные гласные обычно утрачиваются. Поэтому они говорят «Бу» вместо «Абу», «Слимман» вместо «Сулейман», «Брахим» вместо «Ибрахим» и т. п.

станцию и аэродром. Восстание было организовано движением «свободных офицеров», зародившимся среди патриотически настроенной армейской молодежи в оазисе Себха на юге страны в 1960 году. Девять лет антимонархически настроенные «свободные офицеры» готовили свержение королевской власти и разрабатывали идеологическую основу своей политической организации, действовавшей в подполье. Основными принципами этой организации, по словам ее руководителей, были антимонархизм, антиимпериализм, борьба за свободу, арабское единство и социализм.

Низложение монархии в Ливии произошло без единого выстрела. Семитысячная личная гвардия короля Идриса, состоявшая из привилегированных бронетанковых и моторизованных отрядов, была молниеносно парализована. Эти наилучшим образом вооруженные «элитные» части, созданные при помощи военных советников из Великобритании, играли роль мощного военно-полицейского противовеса армии, не пользовавшейся особым доверием подозрительного Идриса.

Престарелый монарх, еще со времен первой мировой войны связанный с Лондоном, не без основания опасался, что его постигнет судьба королей Египта и Ирака, в свое время свергнутых армейскими революционерами, несмотря на солидную английскую поддержку. По расчетам Идриса, выпестованная его английскими союзниками гвардия должна была пресечь любую попытку военных изменить существовавший в стране государственный строй. Однако «свободные офицеры» заранее приняли меры по нейтрализации королевской гвардии. Окруженная армейскими подразделениями в своих лагерях на востоке страны, гвардия сдалась. Империалисты США и Англии не осмелились помешать провозглашению Ливийской Арабской Республики. Несмотря на наличие секретного соглашения между Англией и Идрисом от 27 июня 1964 года, согласно которому английские войска должны были «в случае необходимости» прийти королю на помощь, правительство Великобритании отказалось защищать своего давнего и испытанного ставленника, так как опасалось взрыва возмущения в арабских странах, а главное — боялось в случае неудачи потерять Ливию как крупнейшего поставщика нефти. Кроме того, на позиции правительств Англии и США сказалась боязнь английских и особенно американских

монополий утратить чрезвычайно прибыльные нефтяные концессии в Ливии.

Меньше трех лет прошло со времени пребывания в Ливии авторов этой книги. Но как много там изменилось после сентябрьской революции 1969 года! У власти в Ливийской Арабской Республике встали люди, которые так же отвергали реакционную политику королевского правительства, как и многие собеседники Шмидта и Пашковьяка. Из сообщений прессы стало известно, что первый премьер-министр республики, Махмуд Сулейман аль-Магриби, был приговорен в свое время королевским судом к четырем годам тюремного заключения за организацию забастовок портовиков, боровшихся против вывоза ливийской нефти в Англию и США, а первый министр иностранных дел Салах Бувазир вынужден был при Идрисе эмигрировать в ОАР из-за преследований властей за его оппозицию военному сотрудничеству Ливии с англо-американским империализмом.

А разве не перекликаются с надеждами служащего Халида, беседовавшего с авторами в 1967 году, слова премьер-министра Ливии, произнесенные в 1969 году: «Интересы ливийского народа будут основной целью нашей политики во всех областях. Правительство Ливии уже приняло решение увеличить вдвое минимальный уровень заработной платы; эта мера касается наиболее бедных слоев народа. Американские и английские базы должны быть ликвидированы на ливийской территории, так как этого хотят все»⁴. Правительство республиканской Ливии уже заявило о том, что все военные и нефтяные соглашения будут пересмотрены с учетом интересов ливийского народа.

Несмотря на быструю смену событий в странах, о которых идет речь в книге, все рассказанное Шмидтом и Пашковьяком сохраняет свое значение в наши дни как истинное свидетельство о жизни арабов Африки в современную эпоху.

В тексте чувствуется уверенная рука очеркистов, стремящихся не только рассказать о своих впечатлениях, но и оставить читателю пищу для размышлений, дать ему почувствовать то, о чем в книге по тем или иным причинам прямо не говорится.

Несколько страничек о закрытых чадрой мароккан-

⁴ «За рубежом», М., 1969, № 40, стр. 5.

ках заняты почти исключительно визуальными авторскими наблюдениями. Но, прочитав их, мы сразу чувствуем живую связь социального быта и психологии народа со стародавними обычаями и вместе с тем ощущаем выветривание этих обычаев, утрату ими своей прежней сути, постепенное превращение их в простой символ национальной или религиозной принадлежности. Особенно наглядно это проявилось во время пребывания наших путешественников на консервной фабрике в Сафи. В этой связи очень точно авторское противопоставление «традиционного» поведения женщин Марокко и более современного — в Тунисе и АРЕ.

Нельзя, правда, сказать того же об оценке авторами положения женщин в Алжире. Ношение покрывала для большинства марокканок более естественно, чем для алжирок. В Марокко — это обычай, освященный великой традицией, и ничего больше, а в Алжире, кроме того, еще и проявление патриотизма. Ни один из народов Северной Африки не находился так долго под властью Франции, под гнетом политики ассимиляции и под угрозой полного офранцуживания, как алжирский народ. Чтобы сохранить свое национальное лицо и успешнее сопротивляться проводившейся колониалистами «деперсонализации», мусульмане Алжира вынуждены были ревностно придерживаться старинных обычаев, иногда цепляясь и за наиболее косные из них. В Алжире раньше было гораздо меньше закрытых женщин. Годы революционной войны с ее ожесточенностью, возросшей преградой между мусульманами и жившими тогда в Алжире многочисленными европейцами способствовали росту национального самосознания и чувства национального достоинства алжирцев, а также — неизбежно сопутствовавших этому настроений любования своей национальной самобытностью. Поэтому, когда в 1958 году французские ультраколониалисты объявили всех алжирцев (даже кочевников Сахары) «французами в полной мере» и демагогически заявили о «полной эмансипации алжирской женщины», вполне естественной была реакция многих алжирок: они стали закрывать лицо, хотя раньше ходили открытыми. Тем самым они демонстрировали свою враждебность колониальному режиму, нежелание принимать от него какие-либо подачки. Отголоски ожесточенности тех лет до сих пор чувствуются в стране, ибо жизнь сегодняшнего Алжира, как в этом:

убедился читатель книги Шмидта и Пашковьяка, во многом определяется духовной атмосферой бурного периода революции.

Авторов неудержимо влечет все то, что редко удается видеть европейцу: церемония берберской помолвки, кусочки быта сахарских бедуинов (клан Махмуда), будни жителей алжирского оазиса, мрачная романтика старого Феса с причудливой сетью переулков и перекрестков, подобной арабской вязи, недоступная «марокканская «Мекка» — священный город Мулай-Идрис, бурное празднование окончания мусульманского поста в Тунисе... И все это в их повествовании искусно переплетено с приметам вторжения современных веяний в жизнь арабов: бельем на фасадах современных зданий (типичный «неаполитанско-североафриканский» пейзаж, знакомый всякому, кто бывал в Алжире), игрой в волейбол во дворе самого старого в мире мусульманского университета Аль-Азхар в Каире и т. д.

Нет ни возможности, ни необходимости перечислять подробно все, о чем рассказано в этой книге, которая, безусловно, представляет большой интерес для советского читателя. Произведение Шмидта и Пашковьяка обладает всеми достоинствами путевого очерка, хорошо продуманного и отлично выполненного, а также — ценного материала по этнографии и общественной жизни стран Арабской Африки.

Р. Ланда

СОДЕРЖАНИЕ

Вынужденное путешествие по морю

Оглядываясь назад	3
Трое и машина	5
Опасные бочки	8
Впереди Гамбург	10
Ночь в Санкт-Паули	13
Запрет с оговоркой	16
Дождь Панчо	18
Моллюски и жареный картофель	20

Страна прекрасных глаз

Добро пожаловать, мосье!	23
Хвала закрытым чадрой	25
Эмансипированная женщина под покрывалом?	28
Там, где Робинзон попал в плен	31
От султана до короля-освободителя	33
Брошюры	36
Али Ята	39
На юг	41
Дары моря	44
Устричная банка	45
Наперегонки с дождем	48
Очевидец	51
Шесть лет спустя после катастрофы	53

На краю большой Хаммады

Красные лангусты	57
Холодные ноги	58
Каид	59
Верблюды оптом	63
Танец синих женщин	66
Тизин-Тест	67
Трактир в горах	70
Сказочный базар в Марракеше	72
Суперрынок заклинателей духов	76
Жены паши	77
Касба Табуд	80
Помолвка у берберов	84

Сокровища шерифов

Гашиш в «консервном городе»	88
Золото под открытым небом	91
Камни аллаха	93
Оливы и апельсины	95
Медресе и мечети	98
Потомок Авиценны	102
«Марокканская Мекка»	105
Южный столп Геркулеса	109
Экскурсия в Европу?	112
Диплом за танец живота	113
Заправщик у бензоколонки	115

Между Марксом и аллахом

Пост на границе	117
Чаепитие с таможенником	118
Белье на фасадах	120
Самоубийство — это оружие?	123
Касба героев	129
Спор в кафе	132
Мы хотим быть лоцманами!	135

Вода для Сахары

Колодец	138
Клан Махмуда	140
Финики и домино	143
Матрос пустыни	145
Добро пожаловать, товарищи!	148
Богатство в песке	150
Поделенный источник	152
Они пробуют ежедневно!	155
Человек с обложки журнала	156
Первые выстрелы	158
Дерево Ахмеда	161
Ночь в полосе смерти	165

Тунисский рамадан

Сочельник по-мусульмански	167
Пост и обжорство	170
Хлопоты о визах	172
Можно ли отыскать Карфаген?	174
Наслоения веков	178
Художник Аль-Мекки	182

Верховный борец	184
Пустые доки	187
Откармливать невест запрещено!	191
Конный праздник в Кайруане	195
Кратеры и транзисторы	199

Нефтяной бум и бидонвили

Голова в песке	205
«Аллах услышал нашу молитву!»	207
Халид из бидонвиля	209
Разговор по душам в горах	213
Пожиратели километров	217
Нефтеразработки ЭССО	219
Что ни цифра — доллар	223
Столица Сенуси	225
Школа без селения	227

Новые пирамиды

Вот мы и в ОАР!	230
Встреча с соперниками	231
Уикэнд в Каире	234
У ног сфинкса	236
Газели Гезиры	239
У Садд аль-Аали	241
Главный эксперт	243
Кузница кадров	245
Ночная прогулка по Нилу	248
<i>Р. Г. Ланда. От Атлантики до Суэца</i>	<i>250</i>

Конрад Шмидт, Альфред Пашковяк

ПЕРЕВАЛЫ, НЕФТЕПРОВОДЫ, ПИРАМИДЫ

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор Р. М. Солодовник. Художник Ю. Трапакков.
Художественный редактор Э. Л. Эрман. Технический редактор Л. Н. Титова. Корректор Л. И. Письман.

Сдано в набор 14/VIII 1970 г. Подписано к печати 3/1 1972 г.
Формат 84×108^{1/2}. Бумага № 2. Печ. л. 8,25. Усл. печ.-л. 13,86. Уч.-изд. л. 14,44
Тираж 15 000 экз. Изд. № 2520. Заказ № 854
Цена 73 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2.

Полиграфическое объединение «Полиграфист» Управления по печати
Мосгорисполкома. Москва, ул. Макаренко, 5/16.

73 коп.